

**ВОПРОСЫ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
ЯЗЫКАХ**

Томск — 1976

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Выпуск 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1976

В межвузовский сборник включены статьи по словообразованию и этимологии русского и других индоевропейских языков.

Статьи написаны на материалах литературных языков, их диалектов, на материалах фольклорного жанра, памятников письменности и др. В них рассматриваются способы суффиксального и префиксального словопроизводства, ассимиляция заимствований, семантические процессы, влияющие на аффиксальную сочетаемость, вопросы морфемной соотносительности и т. п.

В статьях, написанных в сравнительно-историческом плане, рассматривается словообразовательная структура лексических единиц латинского, греческого, русского и других языков, а также структура некоторых генитивных форм множественного числа в греческом языке.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Проф. О. М. Соколов (председатель коллегии), проф. Ю. В. Откупщиков, доц. Э. Ф. Молина, доц. Н. Г. Самсонов, проф. К. А. Тимофеев, доц. Г. М. Шатров (зам. председателя коллегии), доц. М. Н. Яценецкая

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

О. М. СОКОЛОВ

(Томск)

§ 1. О специфике глагольной семантики

Свойства глагольной семантики в значительной степени определяются тем, что в отличие от именных лексем глагол выражает действие в его отношении к предмету — субъекту или объекту.

Устанавливая отличительные свойства глагольной семантики в противоположность именной, А. А. Уфимцева пишет: «Само понятие глагольного действия раскрывается в терминах синтагматических отношений субъекта и объекта (семантических в противоположность синтаксическим) действий. В семантике глагольных лексем превалирует синтагматическая значимость над номинативной, в разряде именных лексем, наоборот, вторая превалирует над первой. Не случайным, а логически обоснованным почти в любом языке является тот факт, что глагольным лексемам корреспондируют именные (отглагольные имена: ср. в английском *gerund, verbal noun*), служащие названиями процесса, результата, отдельного акта глагольных действий»¹.

Глагольная семантика разноаспектна, это многомерная величина, которая определяется воздействием контекста и собственными семантическими потенциями слова. Наложение контекстуальных значений на относительно независимые и порождает многоплановость глагольного слова.

В имеющихся исследованиях выделяется некоторое (впрочем, не совсем определенное) количество тематических групп глагольной лексики: глаголы движения, перемещения, глаголы физического действия, глаголы поведения (речевого, жес-

¹ Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, с. 179.

тикуляционного, нравственного, мимического и т. д.), глаголы восприятия (активного и пассивного), глаголы состояния, положения, занятия и т. д.

Глаголы, относящиеся к различным тематическим группам, ассоциативно связаны с системой различных понятий, относящихся к средствам осуществления действия, к наиболее типичной «манере исполнения», что является отражением связей, закрепленных человеческой практикой.

Например, глаголы движения в своей основе могут содержать информацию о средствах осуществления действия (ХОДИТЬ — с помощью ног, ЛЕТЕТЬ, ЛЕТАТЬ — с помощью крыльев, БЕГАТЬ, БЕЖАТЬ — с помощью ног, ЕХАТЬ — с помощью транспортного средства и т. п.), НЕСТИ — перемещать на чем-ком-л., ПЛЫТЬ — двигаться в «взвешенном» состоянии, часто с помощью каких-л. средств, ВЕЗТИ — перемещать с помощью транспортных средств, ВЕСТИ — перемещать с помощью любого средства и т. п.). Глаголы конкретного физического действия также могут быть охарактеризованы в аспекте конкретного его осуществления. Взятые в отвлечении от лексических сателлитов и вне фразовой структуры основы могут обозначать, что действия производятся: а) кругообразным или винтообразным движением (винтить, крутить, вить, вертеть и т. п.; б) ударом (колоть, бить, стукнуть, пороть, сечь, рубить, долбить и т. п.); в) работой режущих инструментов (пилить, строгать, точить, резать, пороть и др.); с помощью разных и потому неопределенных движений; движением, ведущим к сближению одного предмета с другим (лепить, клеить, липнуть, варить и др.), к деформации предметов (тискать, жать, давить, душить, комкать и т. п.); г) на основе термических процессов без определенных локально-характеризованных уточнений (варить, жарить, кипятить, калить, палить и др.); д) движениями, связанными с распространением одного предмета по поверхности другого (мазать, марать, лить, плавить, плыть, ползти, сеять, сыпать, веять, мести и т. п.).

Существует, кроме того, и громадное число глаголов, в которых конкретный прием, вид осуществления действия самим глаголом не раскрывается, которые только называют действие, относя его к той или иной тематической группировке. К таким глаголам относится большинство тех, которые обозначают действия отвлеченные, приспособленные для характеристики внутренних свойств и признаков предметов. В этих случаях характер осуществления действия, его индивидуальные особенности могут быть обозначены (выражены) либо морфологическими, либо лексико-семантическими средствами.

Принадлежность глаголов к различным морфо-семантическим полям служит основой для координации именных лекси-

ческих сателлитов и конкретных глагольных лекс, входящих в тот или иной структурно-семантический блок. Особенно отчетливо такая координация прослеживается при анализе конкретной глагольной лексики. Например, лексическое значение многих глаголов движения вполне определенно ориентирует на связь этих глаголов с лексическими сателлитами, обозначающими среду, в которой названное движение или перемещение осуществляется. Так, глагол ПЛЫТЬ, употребленный в прямом значении, требует координационных связей с такими именами, которые обозначают жидкостную или воздушную среду: ЛЕТЕТЬ — преимущественно воздушную среду. Аналогично с понятием о текучих и сыпучих веществах соотносится лексическое значение таких глаголов, как ЛИТЬ (СЯ), СЫПАТЬ (СЯ), СЕЯТЬ, МЕСТИ, ВЕЯТЬ, МАЗАТЬ, МАРАТЬ и т. п. Лексическое значение других глаголов оказывается семантически скоординированным с такими именами, которые обозначают жидкое, вязкое вещество, или вещество, способное при определенных условиях становиться жидким или вязким. Ср.: ЛЕПИТЬ, КЛЕИТЬ, ЛИПНУТЬ, ДАВИТЬ, ТИСКАТЬ, МЯТЬ, ПЛАВИТЬ, ТОПИТЬ и т. п. Лексическое значение других глаголов координируется с семантикой таких имен, которые обозначают конкретные предметы, обладающие признаками линейной протяженности (жила, веревка, нить, волосы и т. п.). Ср.: ПЛЕСТИ, ВИТЬ, КРУТИТЬ, и т. п. Другие глаголы связываются соответственно своему лексическому значению с именами, обозначающими предметы с твердой субстанцией. Ср.: ДОЛБИТЬ, ПИЛИТЬ, СЕЧЬ и т. п.

Связаны со своими более или менее постоянными лексическими сателлитами и имена иных морфо-семантических полей (с конкретным и отвлеченным значением) соответственно собственной семантической природе. Однако диапазон лексической сочетаемости при некоторых глаголах оказывается настолько широким и неопределенным, что приходится говорить об отсутствии сколько-нибудь «закрытых» систем (ср., например, глаголы ДЕЛАТЬ, СОВЕРШАТЬ, РАБОТАТЬ и др.

Тем не менее, при всей многоплановости глагольной семантики представляется важным и возможным определить главные признаки, на основе которых могли бы разграничиваться частные различия. Остается заманчивой идея построения такой семантической типологии, которая, обладая разъяснительной силой, была бы внутренне непротиворечивой и однородной. При этом нам кажется, что такая классификация в равной степени должна быть ориентирована на объяснение механизма действия категории вида и залога.

Поскольку категория вида и залога определяется составом бинарных оппозиций, то анализу в первую очередь должны быть подвергнуты исходные, простые глаголы несовершенного вида, а затем установлена их связь с мотивационно соотносительными образованиями.

§ 2. Семантические аспекты простых глаголов несовершенного вида

В аспектологии считается установленным, что простые глаголы совершенного вида подразделяются на два основных разряда — глаголы предельные и непредельные. К предельным глаголам относятся такие, которые позволяют представить действие, стремящееся к достижению своего внутреннего предела. Правда, само содержание предельности пока еще не раскрыто в достаточной степени и нуждается в дальнейшей конкретизации.

Нам кажется, что естественное распределение простых глаголов несовершенного вида на класс предельных и непредельных во многом определяется составом двух весьма существенных для понимания природы глагольной семантики компонентов, которые можно назвать направленностью действия на достижение результата и характером протекания действия.

§ 3. Направленность действия на достижение результата

Термин «направленность действия на достижение результата» дает представление о той «динамической напряженности», которая создается за счет субъектно-объектной (агентивно-пациентной) соотнесенности.

В этот термин вкладывается сложное содержание, связанное с отражением названного основой действия на внутренних или внешних свойствах производителя действия, или на объекте действия, или на том и другом одновременно. Именно в такой интерпретации понимается результативность действия (результат всегда отнесен к характеристике субъекта или объекта). Но, разумеется, действие может оказаться и нерезультативным; в последнем случае можно говорить об особом характере направленности и протекания действия.

Предлагаемое в качестве существенного компонента глагольной семантики понятие направленности целесообразно использовать по ряду причин, в частности, для разъяснения разных видов внутрисловных (внутриморфемных) отношений.

Понятие направленности глагольного действия на достижение результата не является в лингвистике новым. Мысль о существовании этого семантического компонента была высказана еще С. Агреллем. Допущение о различном характере

направленности действия на достижение естественного результата в явном или неявном виде содержится в ряде работ, как русских, так и зарубежных авторов². Довольно определенно концепцию направленности развивал Иван Польшауф, который писал: «Ограничение протекания действия также может быть обусловлено его исходным пунктом и направлением. Такое действие назовем направленным (→). Исходным пунктом является субъект. Направление дается значением глагола (*sebat si / sednouti si* «садиться / сесть» — вниз и т. п.)»³. В противоположность направленному действию И. Польшауф выделяет ненаправленные действия, связывая это с разными значениями одного и того же глагола. Так, он отмечал: «...глаголы, выражающие стремление, могут выражать его двояким образом: в зависимости от направленности стремления речь может идти о целенаправленном или же просто протекающем действии». В целом, исходя из концепции направленности, И. Польшауф различает действия «целенаправленные, направленные, диффузивные и действия просто протекающие»⁴.

Оставляя в стороне вопрос о действиях «диффузных», «просто протекающих», отметим, что в тех случаях, когда действие характеризуется определенной направленностью на достижение результата, то это свойство глагола следует оценивать как его способность передавать информацию об ожидаемом, наиболее вероятном естественном исходе.

Информативность определяется многими факторами: собственным лексическим значением глагола, его лексическим и синтаксическим окружением, экстралингвистическим моментом. На это, кстати, обращал внимание и И. Польшауф, отметивший, говоря о направленности, что «по большей части

² См.: Agrell S. *Aspektänderung und Actionsartbildung beim polnischen Zeitworte* (Lund, 1908).

Так, А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин отмечают: «Значение направленности действия на достижение результата могут выражать бесприставочные глаголы типа БРИТЬ, ГОТОВИТЬ, ГРЕТЬ, ДЕЛАТЬ, КОРМИТЬ и др.» (См.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. *Русский глагол*. Л., 1967, с. 24).

С. Я. Дольская пишет: «Результативность следует усматривать в глаголах, обозначающих предельный процесс и имеющих налицо в самом лексическом значении указание на качественное изменение (или изменение состояния) субъекта или объекта действия как результат этого действия». (Дольская С. Я. *Внутривидовые значения современного русского глагола и их стилевая дифференциация*. — Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Горький, 1965).

³ Польшауф Н. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. — Цит. по сб.: *Вопросы глагольного вида*, под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962, с. 83.

⁴ Там же, с. 84—85.

речь идет о значении, данном контекстом, языковым или внеязыковым»⁵.

Направленность действия на достижение результата (в тех случаях, когда она является определенной) так или иначе всегда учитывается в лексикографической практике, входит в описательную (содержательную) характеристику значения. Например, при характеристике различных значений глагола РУБИТЬ указывается: 1) ударяя секущим оружием, а) разделять на части; б) вырубать в чем-л. отверстие, прорубать что-л.; в) многократно ударяя чем-л. острым, измельчать. 2) подсекая, а) валить на землю; б) отделять от основания и т. п.

Таким образом, каждый раз при характеристике значения указывается предполагаемый, потенциальный результат, который при доведении действия до его цели связывается либо с расчленением объекта, либо с образованием в объекте отверстия, либо с его «множественным» членением и т. п. Лексикографическая практика в этом отношении весьма показательна; она является косвенным свидетельством того, что без указания на потенциальный результат значение глагола оказывается мертвым, выхолощенным.

Практически не только частные значения вариантов (лекс) даются с учетом направленности действия на достижение результата, но и общие классифицирующие определения не могут обойтись без этого компонента глагольной семантики. Например, указание направленности содержится в формулировке «достигать результата или получать продукт действия в соответствии со значением производящей основы» или: «покрывать, пропитывать что-то или воздействовать на что-то, используя по назначению материал или вещество, названное в основе», и т. п.⁶

Нет сомнения в том, что информация о направленности действия на достижение результата черпается из лексического содержания самого глагола, который впитывает также и значения, идущие «извне», т. е. от контекста. Думается, что в определении направленности действия на достижение результата те значения, которые проходят через призму собственного лексического значения глагольного слова, но определены контекстом, являются решающими.

Направленность действия на достижение результата у глаголов, очень близких по своему общему значению, способна меняться (и это может составлять содержание лексико-семантического варьирования глагольной лексики).

⁵ Там же, с. 83.

⁶ Бахтуркина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *Ø* /-И-(ТЬ).— В сб.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, с. 101.

В частности, глагол может содержать информацию о направленности действия на достижение определенного качественного результата, но результат направленности может оставаться и «вещью в себе», т. е. может быть дан в неявном неопределенном виде. В последнем случае внимание сосредоточивается на самом протекании действия. Например, определенной является направленность глагольного действия на достижение качественного результата, связанного с «уничтожением объекта» во фразе «колоть свинью», но менее определенной является направленность во фразе «колоть кого-л. насмешкой».

В тех случаях, когда направленность действия на достижение результата является определенной, глагол несовершенного вида непосредственно соотносится с глаголом совершенного вида, результативного, образуя пару. Так, общее значение глаголов типа СТЕКЛИТЬ, МОСТИТЬ, ШТУКАТУРИТЬ и др. формулируется как «делать таким, как обозначено производящей основой». Впрочем, это же общее значение («сделать» или «сделаться», «стать») может быть отмечено и в глаголах совершенного вида.

Значение направленности действия на достижение результата, выражаемое глаголом несовершенного вида, не является, по-видимому, однородным. Оно может быть качественно-результативным (сечь, рубить и т. п.), локальным (бежать, плыть и др.), временным (ждать, зимовать и др.), количественным (собирать что-л., бороздить моря и океаны и т. п.) и пр.

Названный компонент глагольной семантики должен рассматриваться в тесной связи с субъектно-объектной интенцией. Это нашло отражение в ряде работ. Примером тому может служить «Опыт семантической классификации русского глагола» В. Мартинова, П. Шубы, М. Ярмоша⁷. Выделяя, в частности, группу глаголов «преобразующего воздействия» соответственно формуле SA $\tilde{O}$ (волнистой линией обозначен изменяющийся признак), эти авторы приводят в качестве примеров глаголы: КОСИТЬ, СТРОИТЬ, ЛОМАТЬ, ИСКАЖАТЬ, т. е. глаголы несовершенного вида, в которых результативность присутствует как потенция (т. е. как направленность). Ср. также: СОХНУТЬ, ХУДЕТЬ, ВЯНУТЬ, ЛЫСЕТЬ («глаголы изменяющегося состояния»); БЕЖАТЬ, ИДТИ, ШАГАТЬ, ЛЕТЕТЬ (глаголы передвижения) и т. п.

§ 4. Характер протекания действия

Другим важным компонентом глагольного действия, обнаруживающим себя в формах несовершенного вида, является

⁷ Мартинов В., Шуба П., Ярмош М. Опыт за семантична класификация на руския глагол.— «Език и литература», год XX, 1965, № 3.

характер протекания действия. Этим термином А. И. Исаченко обозначил «общие значения глаголов, дающие знать о себе лишь косвенно, но не выраженные ни приставками, ни суффиксами»⁸. По мнению А. И. Исаченко, это и отличает «характер протекания действия» от «совершаемости», т. е. таких значений, которые получают свое выражение определенным формантом. Такое же истолкование «характера протекания действия» (*Verbalcharakter*) находим в работе В. Шпербера (*W. Sperber*), который, оценивая в целом положительно концепцию А. В. Исаченко, пишет: «Под характером протекания действия понимаются семантические группировки, которые связаны общностью семантических признаков и у которых отсутствует отчетливая морфологическая характеристика (напр., декурсивные, фреквентативные глаголы) и все отыменные образования. Глаголы определенного характера протекания действия могут служить отправным моментом для образования «совершаемости» (или «способа действия»), но сами совершаемости не представляют»⁹.

А. И. Исаченко также пишет о связях, которые имеются между характером протекания действия и совершаемостями: «Курсивность—некурсивность не проявляется в самом глаголе наличием или отсутствием каких-либо словообразовательных морфем (приставок-суффиксов), а сказывается лишь косвенно в способности/неспособности образовать «результативную совершаемость, отождествляемую многими исследователями с грамматическим значением совершенного вида... Многофазисность глаголов как особый характер действия не выражена никакими внешними средствами: она сказывается лишь косвенно, а именно способностью глагола образовывать соотнесенные глаголы на -НУТЬ со значением однократности (КРИКНУТЬ—КРИЧАТЬ)»¹⁰.

Следует, однако, заметить, что в таком случае характер протекания действия автоматически приравнивается к любому значению лексики, определяющему аффиксальную валентность на уровне глаголов несовершенного вида. (Это вытекает также из приведенной выше цитаты В. Шпербера).

В аспекте изучения глагольной морфемно-семантической соотносительности представляется оправданным под характером протекания действия понимать любые значения глаголов несовершенного вида (как выраженные, так и невыраженные), связанные с обозначением того, как производитель действия

⁸ Исаченко А. И. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2. Изд. Словацкой АН, 1960, с. 218.

⁹ *Sperber W. Bemerkung zu einigen Problem der russischen Morphologie*—«*Zeitschrift für Slavistik*», 1, Band XI. Berlin, 1966, S. 48.

¹⁰ Исаченко А. И. Цит. раб., с. 216.

(агенса) распределяет его (действие) во времени и пространстве; насколько оно интенсивно; как действие характеризует его субъекта (производителя) в этих, а также и любых иных аспектах.

Семантическая типология различий в характере протекания действия пока не создана. Имеются лишь отдельные наблюдения над некоторыми разновидностями. Так, в книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» общие значения глаголов несовершенного вида объединяются в группы: а) глаголы состояния; б) глаголы отношения; в) глаголы развития¹¹. Сюда же можно было бы отнести и глаголы инхоативного значения (вряд ли можно говорить о регулярной суффиксальной выраженности этого значения). Сюда мы отнесли бы и глаголы активно-процессуального значения (типа прыгать, кричать, смеяться, здороваться и т. п.). Важно, конечно, чтобы даже эти общие значения были выделены на едином логическом основании.

Общее, что объединяет глаголы в различные группировки, может быть в словесной формуле: как действие протекает? (в отличие от направленности действия, где актуальным является вопрос: на что действие направлено?). Отвечая на первый вопрос, можно выделить по крайней мере два плана: 1. Процессуальность связывается с таким развитием действия во времени и пространстве, которое ведет к постепенному переходу количественных накоплений в качественные (сюда войдут широко понятые глаголы «эволютивного значения», «инхоативного», «курсивного» и т. п.). 2. Процессуальность может связываться с таким протеканием действия, объем которого является стабильным на любом участке (сюда войдут глаголы состояния или статальные, активно-процессуальные, глаголы отношения и т. п.). Процессуальность может связываться с конкретной «манерой» совершения действия (прерывисто, ослабленно, непрерывно, сопроводительно и т. п.)¹².

Названные значения могут быть выражены определенными формантами (полностью или частично), как у инхоативных глаголов, но могут и не иметь формальных показателей. В самом деле, если многофазисное значение одних глаголов дискретно не выражено (формантами данного слова), то сходное, хотя и не тождественное значение может в принципе выражаться известными морфемными средствами (ср.: «Временами он глядел на часы» и «Временами он поглядывал

¹¹ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч.

¹² Еще А. А. Шахматов различал действия, не разлагающиеся на отдельные моменты и расчлененные на отдельные неопределенные промежутки (См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 191).

на часы»). Конечно, характер протекания действия может уточняться и обстоятельственными словами. Так, весьма существенным признаком следует признать возможность или невозможность уточнения глагола словами **БЫСТРО**, **МЕДЛЕННО** и т. п., что связывается с интенсивностью протекания действия. Установлено, что глаголам отдельных семантических классов органически не свойственна интенсивность действия (болеть, спать, висеть и т. п.)¹³.

Следовательно, в отличие от концепции А. В. Исаченко под характером протекания глагольного действия целесообразно понимать значения несовершенного вида глаголов, передавших информацию о развитии действия или о постоянстве его объема, о прерывистом или сплошном его течении, о кратности, сопроводительности, ослабленности, интенсивности и т. п. Эти различия (как и различия в конкретной направленности на достижение результата) прямо или косвенно отражаются на свойствах аффиксальной валентности. Характер протекания глагольного действия связывается преимущественно с субъектной аспектуальностью, т. е. с активностью или пассивностью реального производителя действия (агенса). Направленность действия на достижение естественного результата может относить признак и к объекту и к субъекту.

Описание наиболее ярких разновидностей значений, характеризующих протекание глагольного действия, дано в работах А. И. Исаченко (в терминах «совершаемость» и «характер протекания действия»), а также в работах Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко (в терминах «способы действия»). Направленность действия на достижение предела и результата и характер его протекания — это аспекты глагольной семантики, которые способны сосуществовать и взаимодействовать в рамках одной и той же лексики. Однако удельный их вес в конкретных контекстуальных ситуациях оказывается различным. Их разноаспектность в значительной степени определяется двойной субъектно-объектной соотносительностью глагольного действия.

§ 5. Общая оценка глагольной семантики

Соотношение предельности — неопредельности с более частными семантическими подразделениями может быть представлено в таблице.

¹³ В статье «Опыт семантической классификации русского глагола» В. Мартинова, П. Шубы, М. Ярмоша справедливо отмечено, что фраза «идея яростно сипит» не становится маркированной и в стихотворной переработке И. Ревзина: «Идея яростно сипит, ворочается во сне. Идея в висках стучит, нашептывая мне». (См. ж. «Език и литература», год XX, 1965, № 3, с. 63).

Глаголы	Характер протекания действия, способ его осуществления
Предельные	Действие носит развивающийся во времени и пространстве характер I. Направленность действия на достижение качественного результата 1. Агнс наделяет предмет признаком (АГП): Рабочие строят дом. Вода точит дамбу и др. 2. Агнс приобретает признак (АГП): Небо постепенно темнеет. II. Направленность действия на достижение некачественного результата 1. Агнс производит воздействие на пациенс (АГП): Крепостных наказывали, пороли. 2. Агнс проявляет действие с целью достижения определенной цели (АГП или АГП): а) охвата объекта действия (читать книгу, смотреть фильм); б) пространственной границы (еду в город); в) временной границы (ждал друга целый час).
Непредельные	Действие не развивается, равно себе на любом участке протекания III. Констатация действия или признака как факта действительности (нерезультативные глаголы) 1. Агнс проявляет действие при отсутствии указания на достижение цели (АГП, АГП): Жму вашу руку. Махал рукой. Морщил лоб и т. п. 2. Агнс проявляет (обнаруживает) признак, состояние (АГП): Солнце сверкает. Небеса голубеют и др.

Из таблицы следует, что почти любой глагол может быть охарактеризован с точки зрения протекания действия. Например, любой глагол определенной направленности на достижение результата содержит схему эволютивного протекания действия, т. е. действия, которое мыслится как развивающееся, на каждом участке своего протекания приближающее предмет к приобретению им нового признака. В таких глаголах нередко (хотя и не всегда) может быть указан и способ достижения результата, конкретный прием реализации.

Определенная направленность на достижение результата может быть приписана далеко не любому глаголу, в частности, ее нет у глаголов неопределенного значения. Да и у части предельных глаголов результативная направленность не всегда очевидна. Наиболее убедительному истолкованию понятие результативной направленности поддается в том случае, если действие, выраженное глаголом несовершенного вида, мыслится как относительно длительное, развивающе-

еся. Результативность в этом случае может быть субъектной и объектной, качественной и некачественной. Разумеется, в простых глаголах несовершенного вида она всегда присутствует как потенция. Конечно, само понятие потенциальной результативности еще недостаточно научно обосновано, в силу чего в трактовке отдельных случаев неизбежен некоторый произвол, хотя в целом для разработки теории вида проблема представляется чрезвычайно важной.

Предварительно значению потенциальной результативности мы приписываем следующие признаки: 1. Эволюционирующее действие (обязательное условие). 2. Как частный случай и прямое следствие развития — переход количественных накоплений в качественные, что находит непосредственное отражение либо на агенсе, либо на пациенсе. 3. Потенциальная результативность должна быть направлена либо в сторону внешней характеристики агенса или пациенса (Море то темнело, то светлело. Пули решетили стены и т. п.), либо связана с субъектной установкой — с направленностью на внутреннюю удовлетворенность агенса, поскольку данное длительное действие — его цель (в этом случае глагол должен содержать соответствующую информацию). Ср.: читать рукопись — прочитать рукопись.

Конечно, при такой оценке потенциальной результативности может обнаружиться довольно значительное число промежуточных случаев, когда действия не могут быть охарактеризованы как строго целенаправленные, т. е. их можно назвать «просто протекающими», просто совершаемыми. Для таких случаев актуализируется их характеристика не со стороны внешней и внутренней субстанции, а со стороны самой констанции действия как такового.

В заключение заметим, что анализ глагольной семантической аспектуальности не может быть завершен на уровне простых беспрефиксных глаголов несовершенного вида. Выделенные аспекты глагольной семантики определенным образом корреспондируют с префиксальными значениями и, в конечном итоге, должны анализироваться на уровне оппозиций, представленных разнородными глаголами. Конечно, анализу бинарных оппозиций этого типа должно предшествовать изучение семантической аспектуальности префиксальных глаголов совершенного вида, что может быть предметом самостоятельного исследования. К этому следует добавить, что выделенные компоненты семантики глаголов несовершенного вида небезразличны к тому, какие разряды префиксов способны с ними сочетаться, т. е. учет их представляется неизбежным при изучении закономерностей префиксального глагольного словообразования.

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ТИП РЕЧЕВОЙ НОМИНАЦИИ ПРЕДМЕТОВ

Н. Д. ГОЛЕВ

Данная работа представляет собой часть описания системы компенсирующих номинаций предметов в речи. Ее материалом явились результаты ономаσιологического эксперимента. Разным лицам было предложено обозначить ряд предметов¹, точные, устойчивые названия которых, как предполагалось, должны быть им неизвестны в силу малоупотребительности или вообще отсутствия этих названий в русском языке. Выявились следующие основные способы компенсации отсутствующих наименований.

1. Отождествляющие номинации. В этом типе номинации для обозначения предметов используются существующие в языке слова, значение которых отражают некоторую часть внеязыкового содержания (представления и понятия о данном предмете). При этом обозначаемый предмет рассматривается как разновидность предметов, соотносимых с данным словом, отождествляется с ними. Ср., например, некоторые обозначения соска умывальника: КРАНИК, КЛАПАН, КНОПКА, ШТЫРЬ, СТЕРЖЕНЬ, ЖЕЛЕЗЯЧКА.

2. Описательные номинации. Недостаточность отождествляющих номинаций, которые отражают только общие признаки, идентифицирующие данный предмет с другими, требует дополнения их «неотраженными» специфическими признаками предмета. На этой основе возникают описательные словосочетания, весьма разнообразные по своей структуре и содержанию, например: ЗАВОДНОЕ КОЛЕСИКО, ШТЫРЕК-ФИКСАТОР, СТЕРЖЕНЕК ДЛЯ ЗАСТЕГИВАНИЯ ПРЯЖКИ, ПЛАНКА ВНИЗУ СТУЛА, КНОПКА ВКЛЮЧЕНИЯ, УЗКОЕ МЕСТО ГРУШИ и т. п.

¹ Предлагались такие, например, предметы: шпенек на пряжке часов, шлевка на ремешке часов, сосок умывальника, наконечник шнура, узкая часть груши, нижняя поверхность утюга, различные части авторучек и другие обиходные предметы и их части.

3. **Окказионализмы.** В этот тип входят речевые новообразования (например, ЗАВОДИЛКА, ДЕРЖАЛКА, УСТАНОВИТЕЛЬ) и окказиональные метафоры (например, ОСЬ, ГВОЗДЬ, ГРИФЕЛЬ, обозначающие сосок умывальника).

Всякий предмет может быть в принципе обозначен любым из этих способов, что позволяет рассматривать их как систему противопоставленных и взаимосвязанных типов номинативных единиц².

Особенно наглядно проявляется взаимодействие данных типов при подходе к номинативным единицам со стороны их языкового значения и соответствия этого значения внеязыковому содержанию. Если рассматривать последнее как совокупность иерархически расположенных признаков: категориальных (предмет (П), вещь (В), артефакт (А); родовых (деталь (Д), деталь-узел (Д-у) или деталь детали (Д-д); отличительных (О) (назначение (Н), способ применения (С), форма (Ф), материал (М), расположение (Р), принадлежность определенной вещи (Пр)³, то, основываясь на совокупности семантических признаков номинативных единиц, отраженных, например, в словарных дефинициях, можно представить каждый тип номинации и его конкретные реализации в виде кратких формул.

Такой общей формулой отождествляющих номинаций деталей будет, вероятно, формула П·В·А·Д·%0. То есть, в этом типе используются конкретные существительные (П), обозначающие однородные с подлежащим номинации предметом вещи (В, А, Д) и обладающие в своем значении рядом сходных дифференциальных семантических признаков (%0),

² Примечательно, что в последнее время подобное противопоставление номинативных единиц все чаще становится предметом исследования. См., например: Девкин В. П. Разновидности номинации. — «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 475. Вопросы немецкой филологии. М., 1971; Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973, с. 190—193, 222—226; Никитевич В. М. О минимальной номинативной единице и предмете ономотологии. — Проблемы лексикологии. Минск, 1973; Никитевич В. М. Явление речевого выбора как предмет функциональной ономотологии. — Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме «Мышление и общение». Алма-Ата, 1973; Пельтихина Н. И. Ограничения в образовании имен существительных и способы их компенсации. — Сб. аспирантских работ. Бельцы, 1969. Большой интерес в этом отношении представляет написанная Л. А. Капанадзе глава «Номинация» в монографии «Русская разговорная речь». М., 1973.

³ При выделении признаков внеязыкового содержания и содержания номинативных единиц мы придерживались классификации С. Д. Кацнельсона (Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 136—137). Понятие предметности у С. Д. Кацнельсона употребляется только по отношению к конкретным предметам, вещам и т. п. Артефакты — это вещи, сделанные искусственно самим человеком, в противоположность вещам естественным, природным.

скажем, таких, как Ф, С, М (ЯЗЫЧОК), Ф, Р (СТЕРЖЕНЕК), Ф, М (ПРОВОЛОЧКА), Ф (ШТЫРЕК), М (ЖЕЛЕЗОЧКА). Все примеры — обозначения шпенька на пряжке часов, полученные в результате эксперимента.

В сфере отождествляющих номинаций можно выделить две разновидности: обобщающие номинации, при которых значение номинативной единицы «сужается» по линии отвлечения от конкретных признаков (эту линию иллюстрирует приведенный выше ряд обозначений, ее продолжают обозначения типа ПРИСПОСОБЛЕНИЕ (П·В·А·Д), ШТУЧКА (П·В·А), ВЕЩИЧКА (П·В), и парадигматические номинации, для которых характерно использование номинативных единиц, имеющих в своем значении кроме признаков, тождественных признакам внеязыкового содержания, ряд индивидуальных семантических компонентов, неактуальных (нейтрализуемых) в данном употреблении номинативной единицы. В качестве примера парадигматической номинации можно привести такие обозначения шпенька пряжки: РЫЧАЖОК (П·В·А·Д·Ф·Р—Н, С), СОБАЧКА (П·В·А·Д·Н·С·Ф—Пр), ПЕРЕКЛАДИНА (П·В·А·Д·Ф·Р—Н). Знак минус (—) обозначает нейтрализацию каких-либо признаков значения номинативной единицы.

Чем существеннее нейтрализуемая часть содержания слова, использованного в качестве обозначения предмета, тем меньше оснований видеть в этом предмете «разновидность» предметов, входящих в сферу семантического действия данного слова. И при несоответствии родовых признаков внеязыкового содержания и значения номинативной единицы следует, по-видимому, говорить уже не об отождествляющих номинациях, а о метафоре, т. е. об образовании самостоятельного лексико-семантического варианта слова, так как метафорическое употребление слова, как известно, нарушает тождество его значения. Таким образом, главным отличием метафорических номинаций от парадигматических является наличие в формуле первых нейтрализуемых родовых и категориальных признаков. Ср. ряд обозначений головки завода часов: ВИНТИК, БОЛТИК (П·В·А·Д·д·С·Ф·М—Н, Пр), ШЕСТЕРЕНКА и РУЛИК (П·В·А·С·Ф—Д-у, Н, Пр). Последние два наименования являются метафорическими, так как в своем прямом значении они обозначают части крупных механизмов, мало соотносимых с мелкими деталями типа головки завода часов.

Описательные номинации, как мы уже сказали, базируются на дополнении парадигматических номинаций другими

признаками (формула: П·А·В·Д·%0·%0)⁴. В большинстве случаев (об этом говорят наблюдения самих испытуемых) отождествление предшествует выделению дифференциальных признаков, так как отождествление — это в сущности, соотношение (сравнение) внеязыкового содержания с прежним опытом. Лишь осознание «новизны» выражаемого внеязыкового содержания делает необходимым его дальнейшее исследование, выделение и экспликацию его специфических признаков.

Теперь перейдем к более подробному рассмотрению вопроса о месте и роли словообразовательных окказионализмов в системе речевых номинаций.

Как показал в ряде своих работ И. С. Торопцев⁵, новые лексические единицы всегда возникают на базе описаний, развернутых или свернутых (т. е. существующих на уровне внутренней речи), возникающих в момент расчленения образа предмета. Одной из своих единиц, выражающих мотивировочный признак предмета, описания «подсказывают» говорящему выбор производящего слова для новообразования. Производящее слово приобретает форму, характерную для всего класса слов, к которому должно быть отнесено новообразование, согласно его категориальным и родовым признакам. В этом процессе выделяются несколько моментов, тесно связанных друг с другом: 1) выделение мотивировочного признака, 2) выражение его языковыми средствами, 3) выражение категориальных признаков.

Выбор того или иного мотивировочного признака определяется особым углом зрения, аспектом, в котором говорящий рассматривает обозначаемый предмет. В свою очередь, аспект обусловлен пересечением многих экстралингвистических факторов⁶: ситуативных (например, в ситуации «немедленной», автоматической номинации говорящий может опираться на внешние, малосущественные признаки, появляются обозначения типа ЖЕЛЕЗОЧКА, ПРОВОЛОЧКА, МАЛЕНЬКИЙ ПРУТИК, ЖЕЛЕЗНЫЙ СТЕРЖЕНЕК (о шпенье);

⁴ Согласно У. Вейнрейху, свободное соединение слов характеризуется тем, что его общее значение равняется логическому произведению (знак «·») признаков, содержащихся во всех его компонентах (См.: Вейнрейх У. О семантической структуре языка.— В сб.: «Новое в лингвистике», в. 5. М., 1970, с. 189).

⁵ Торопцев И. С. Лексическая мотивированность. (На материале современного русского литературного языка).— «Учен. зап. Орловского пединститута», т. 22. Орел, 1964, с. 21—24; Торопцев И. С. Очерк русской ономастологии (Возникновение знаменательных лексических единиц). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени доктора филол. наук. Л., 1970, с. 12).

⁶ Об изучении этих факторов, относимых в сферу «речевой ономастологии», см.: Медникова Э. М. Целевая направленность речи и семантика языка.— «Вестник МГУ». Филология, 1970, № 1; Девкин В. П. Аспекты речи.— «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 475. Вопросы немецкой филологии. М., 1971.

в других условиях этот же говорящий может выделить другие, более существенные признаки), личностных (скажем, ребенок и инженер, называя одну деталь, будут видеть в ней разные признаки), объективных (наличие в предмете ярких, бросающихся в глаза признаков создает значительную вероятность их выбора в качестве мотивировочных).

Аспектирование предмета, явления, ситуации при их обозначении имеет место во всех типах номинации, в том числе и при выражении уже закрепленного в языке содержания⁷.

Приведем несколько примеров различногоспектирования одного предмета при его номинации. Так, если внимание говорящего акцентировано на форме «узкой верхней части груши», он может использовать такие выражения, как ВЫПУКЛАЯ ЧАСТЬ, ТОНКОЕ МЕСТО, СУЖЕННОЕ МЕСТО, ПРОДОЛГОВАТОСТЬ, УТОНЧЕНИЕ, ШЕЙКА, ГОРЛЫШКО, ЦОКОЛЬ; аспект «расположение» получает отражение в наименованиях ВЕРХУШКА, МАКУШКА, НАЧАЛО ГРУШИ, КОНЕЦ ГРУШИ (все зависит от точки отсчета), ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ, ЗАДОК, ГОЛОВКА; аспект «происхождение» реализуется в обозначениях ВЫРОСТ, ОСНОВАНИЕ, ЗАВЯЗЬ. Речевые обозначения артефактов и их деталей отражают почти все выделенные выше аспекты: «назначение» (ЗАКОЛКА ЗАСТЕЖКИ, ШТЫРЕК-ФИКСАТОР, ШТУЧКА ДЛЯ ЗАСТЕГИВАНИЯ, ЗАЦЕПКА, ЗАМОК, ШПИЛЬКА, УСТАНОВИТЕЛЬ), «способ применения» (ВТЫКАЮЩАЯ ЖЕЛЕЗКА; ТО, ЧТО ВДЕВАЮТ В ДЫРОЧКИ; ВТЫКАЛКА), «форма» (ЯЗЫЧОК, СТЕРЖЕНЕК, УСИК, ГВОЗДИК, ОСТРАЯ ШТУЧКА), «материал» (ЖЕЛЕЗНЫЙ ЯЗЫЧОК, ЖЕЛЕЗКА В ПРЯЖКЕ, МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗАСТЕЖКА), «расположение» (ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ПАЛОЧКА, ПОПЕРЕЧИНКА), «размер» (выражается в деминутивной форме обозначений).

Уже из приведенных примеров видно, что способы выражения мотивировочных аспектов и признаков в разных типах номинации различны. В отождествляющих номинациях моментспектирования имплицитен: мотивировочный признак является одним из семантических признаков номинативной единицы. В описательных номинациях он прямо выражается определяющим членом (экспликантом) словосочетания. В словообразовательных окказионализмах мотивировочный признак выражается непосредственно в их внутренней форме, а в окказионализмах-метафорах — опосредованно, через сравнение.

⁷ Как В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971, с. 80—81.

С грамматической точки зрения мотивировочный признак в отождествляющих номинациях всегда выражается словами, обладающими в своем значении теми же категориальными признаками, что и обозначаемое внеязыковое содержание. Иначе отождествление было бы невозможно. Таким же соотношением характеризуются метафорические номинации. В описательных номинациях мотивировочные признаки выражаются словами, для которых функция выражения призначных значений (функции экспликанта) является первичной, т. е. прилагательными, глаголами, наречиями, а также именами существительными во вторичной функции, каковой для них является функция экспликанта. В этой функции существительные выражают различные отношения или признаки, ср.: ШТЫРЕК УМЫВАЛЬНИКА, КОЛЕЧКО НА ПРЯЖКЕ, ЩЕЛЬ ПОД ПЕРЕПЛЕТОМ, ПОДУШЕЧКА ДЛЯ ИГОЛОК и т. п. Определяющая роль данных функций слов⁸ по отношению к их принадлежности к традиционным частям речи проявляется в относительно свободном взаимозамещении номинативных единиц разных грамматических классов, ср.: ВИНТИК ЗАВОДА — ЗАВОДНОЙ ВИНТИК, ЯЗЫЧОК ПРЯЖКИ — ПРЯЖНЫЙ ЯЗЫЧОК, ФИКСИРУЮЩИЙ ШТЫРЕК — ШТЫРЕК-ФИКСАТОР, ТОНКОЕ МЕСТО ГРУШИ — УТОНЧЕНИЕ ГРУШИ, МАШИНА, КОТОРАЯ ПОЛИВАЕТ УЛИЦЫ — ПОЛИВОЧНАЯ (ПОЛИВАЛЬНАЯ) МАШИНА, КНОПКА ДЛЯ НАЖИМАНИЯ — НАЖИМНАЯ КНОПКА.

Мотивировочные признаки в описательных номинациях выражаются в экспликанте словосочетаний, функцию же выражения категориальных признаков несут определяемые члены (экспликандумы). В некоторых случаях, когда внимание говорящего сразу акцентируется на отличительных признаках (или при затруднительности отождествления), в роли экспликандума и носителя категориального признака описательной номинативной единицы выступают местоимения и местоименные слова (по функции им близки и часто употребляемые обозначения типа ШТУЧКА, ШТУКОВИНА, ВЕЩИЧКА), например: ТО, ЧЕМ ГЛАДЯТ (о нижней части утюга), ГДЕ ЛЕЖИТ СПИРАЛЬ (о керамическом круге в электроплитках).

Окказионализмы большей частью «восходят» к экспликанту описательных словосочетаний, при этом их экспликандум как бы редуцируется. Это хорошо видно при сравнении описаний и новообразований, отражающих один мотивировочный

⁸ Идея о разграничении первичных и вторичных функций имен (существительных) и не имен (прочих знаменательных слов) принадлежит С. Д. Кацнельсону (Указ. раб., с. 127—177).

признак. Например: ПАЛКА ДЛЯ ВЫБИВАНИЯ ПЫЛИ — ВЫБИВАЛКА, ПЫЛЕВЫБИВАЛКА, ВЫТРЕХАЛЬНАЯ ПАЛКА — ВЫТРЕХАЛКА, ПАЛОЧКА, НА КОТОРУЮ ЗАСТЕГИВАЮТ РЕМЕШОК — ЗАСТЕГИВАЛКА, ЗАВОДНОЕ КОЛЕСИКО, ВИНТИК ЗАВОДА — ЗАВОДИЛКА, ЗАВОДКА и т. п. Функция выражения категориальных признаков, лежащая в описательных номинациях на экспликандуме, в новообразованиях переходит к аффиксам. Наличие субстантивных аффиксов в окказионализмах служит показателем номинализации призначного значения. Для новообразований оказывается неактуальным, с чем отождествляется обозначаемый предмет, со стержнем, штырем, железкой или собачкой, главное для него — выражение внеязыкового содержания как такового, безотносительно к другим предметам.

Как переходный тип номинализации можно рассматривать использование в качестве обозначений конкретных предметов отвлеченных форм призначных значений в функции экспликандума, например, ВЫПУКЛОСТЬ ГРУШИ, УТОНЧЕНИЕ ШНУРКА, ЗАКРЕПЛЕНИЕ РЕМЕШКА и т. п. Категориальный признак предметности непосредственно в таких обозначениях не выражен, он проявляется лишь в контексте в сочетании со вторичным значением имени существительного, выражающего отношение принадлежности.

В собственно же окказионализмах признак предметности выражается непосредственно в аффиксах. При этом выражением признака предметности функции субстантивных аффиксов, как правило, не ограничиваются. В большинстве случаев они обладают гораздо большей конкретизирующей способностью и в сочетании с определенным типом мотивирующих значений могут выражать более частные признаки, такие как В и А. Ср. два обозначения наконечника шнура: УТОНЧЕНИЕ и УТОНЧИЛКА. О последнем, даже не зная его точного значения, можно предположить, что оно обозначает конкретный предмет, вещь, артефакт, выполняющий функцию утончения. Ни один из этих признаков из первого обозначения не вытекает. Характерно, что конкретизация значения у наименований типа УТОНЧЕНИЕ идет по линии внешней валентности (сочетания с другими словами), а у словообразовательных окказионализмов — по линии внутренней валентности (сочетание аффиксов с определенным мотивирующим значением).

Большинство новообразований, полученных в результате эксперимента, базируются на мотивировочных признаках, характеризующих функцию предмета, детали (ЗАСТЕГИВАЛКА, ЗАКРЕПИТЕЛЬ, ВЫХЛОПЫВАЛКА) или способ его применения (КРУТИЛКА, НАЖИМАЛКА, НАДАВИЛКА). Это связано, на наш взгляд, во-первых, с тем, что данные

признаки являются наиболее существенными для артефактов и их деталей. В силу этого они обладают максимальной способностью характеризовать сущность данных артефактов и деталей и тем самым выделять их из других однородных предметов. Во-вторых, название артефактов по функции является в русском языке наиболее продуктивным принципом номинации. Ср. наблюдение В. Г. Гака: «...При наименовании в русском языке принимаются во внимание прежде всего функциональные, практические, прагматические стороны предмета, а во французском — его внешние свойства, менее связанные с назначением предмета»⁹. Наконец, немаловажную роль в появлении новообразований на основе признака функции играет наличие в данной сфере номинаций регулярных и продуктивных словообразовательных моделей, в значительной мере облегчающих производство окказиональных наименований артефактов по их функции. Эти модели характеризуются большим разнообразием, что дает говорящим возможность выбора той или иной формы окказионализма. Ср.: ЗАЖИМ — ЗАЖИМКА — ЗАЖИМЧИК — ЗАЖИМАЛКА (обозначения скобки на колпачке авторучки), ВЫБИВАЛКА — ВЫБИВАЛОВКА — ВЫБИВУШКА — ВЫБИВАТЕЛЬ — ВЫБИВАЛО («ракетка» для выбивания пыли из ковров, одежды и т. п.), ЗАВОД — ЗАВОДКА — ЗАВОДИЛКА — ЗАВОДИЛОВКА (головка завода ручных часов).

Исходя из всего сказанного о новообразованиях, можно было бы определить их формулу как К·Ом, где К — категориальные признаки, выраженные грамматической и словообразовательной формой окказионализма, а Ом — отличительный мотивировочный признак. Однако такая формула не отражает всей сущности новообразований, указывая только на одну его сторону, а именно — генетическую. Актуальное значение любого слова, как известно, не тождественно значению его внутренней формы и словообразовательному значению. Слово выражает весь комплекс признаков данного предмета, отраженный в понятии о нем. В равной мере сказанное относится и к метафорическим номинациям, в которых отождествляемая часть (*tertium comparationis*), выражающая мотивировочный признак, относится к плану создания нового лексико-семантического варианта слова, который в своем актуальном значении отражает всю совокупность существенных признаков значения.

В связи с этим вызывает возражение трактовка окказионализмов типа КРУТИЛКА, ДЕРЖАЛКА, ОТКРЫВАЛКА как наименований-«губок»¹⁰, которые обладают неопределен-

⁹ Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966, с. 37.

¹⁰ Русская разговорная речь. М., 1973, с. 453—456.

ным значением, конкретизируемым лишь ситуацией и контекстом речи, и которые обозначают в разных ситуациях разные предметы по признаку, отраженному в их внутренней форме. Если предполагается, что слова ДЕРЖАЛКА, КРУТИЛКА и т. п. являются окказионализмами (т. е. они «не воспроизводятся, а производятся в речи»¹¹), то можно ли утверждать наличие у них некоторого общего лексического (не словообразовательного) значения, реализация которого дает возможность обозначать разные предметы? Речь, вероятно, должна идти о создании всякий раз совершенно самостоятельных лексических единиц, о выделении и выражении мотивировочных и категориальных признаков и т. п. Тот же факт, что многие из таких слов оказываются обозначениями разных предметов¹², можно объяснить особенностями производящих слов: в силу своего общего значения с широкой сферой семантического действия они часто используются при построении описаний, на базе которых и возникают окказионализмы.

¹¹ Там же, с. 448.

¹² Так, слово ДЕРЖАЛКА в нашем эксперименте оказалось обозначением шпенька на пряжке часов, шлевки ремешка часов, соска умывальника и скобки на колпачке авторучки.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -СК- В АТРИБУТИВНОМ СЛОВСОЧЕТАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. И. КЛИМОВСКАЯ

(Томск)

Исходя из гипотезы А. А. Потебни о постпозиции прилагательного-определения как исконного общеиндоевропейского словопорядка в атрибутивном словосочетании¹, мы в ряде работ описали несколько этапов эволюции этого словопорядка в истории русского языка².

По нашему мнению, еще в доисторический период происходит инверсия исконно постпозитивного атрибутивного (т. е. в роли определения) прилагательного относительно определяемого существительного. Первоначально эта инверсия осуществлялась в предложениях типа *NsAa — Ap и *NsAa — Nr, где Ns — существительное в функции подлежащего, Nr — существительное в функции сказуемого, Aa — прилагательное в роли определения, Ap — прилагательное в функции сказуемого; а затем уже в предложениях типа *NsAa—V, где V — глагол-сказуемое.

Инверсия Aa в предложениях первых двух типов была вызвана настоятельной необходимостью снять возможность двоякого членения предложений этих типов на группу подлежащего и группу сказуемого в условиях позитивной («материальной») невыраженности глагола-связки настоящего времени³. Древнерусские тексты исторического периода сохранили — надо полагать, в виде стилистических погрешностей —

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. 3. Харьков, 1899; 4. М.—Л., 1941.

² Климовская Г. И. К вопросу о словопорядке в группе определяемого слова и согласованного атрибутивного определения в русском языке. — «Учен. зап. Томского ун-та», № 57, 1966; Она же. Опыт псевдогенетического поиска языковых универсалий. — В сб.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969 и др.

³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

единичные фразы, допускающие двоякое членение и понимание: «жена бо разумлива благословена»; «оть слуха зла не убоится»⁴ и т. п.

Возможность двоякого членения предложений типа *NsAa—Ap и *NsAa—Np на группу подлежащего и сказуемого объяснялась, недостаточно глубокой словообразовательной и лексической дифференцированностью в описываемое доисторическое время имени существительного и имени прилагательного как частей речи⁵.

Инверсия исконно постпозитивного прилагательного-определения отнюдь не была ни единовременным актом, охватившим все атрибутивные словосочетания сразу, ни равномерно-поступательным движением, которое будь таковым, было бы равномерным в памятниках разных веков и жанров, а также в атрибутивных словосочетаниях различных синтаксических и лексических видов.

Как свидетельствуют древне- и старорусские тексты, даже при значительном преобладании количества словосочетаний с препозицией прилагательного над количеством словосочетаний с постпозицией прилагательного в этих текстах имеются так называемые остаточные постпозиции нескольких (обнаруживающих жанровую специфику) типов. При этом под остаточной мы понимаем такую постпозицию прилагательного-определения в атрибутивном словосочетании, которая сохранилась от времен исконной постпозиции в силу особенностей синтаксической модели данного словосочетания, его лексического наполнения или словообразовательной структуры его компонентов, — особенностей, исключавших возможность двоякого членения и предложений типа *NsAa—Ap и *NsAa—Np на группу подлежащего и сказуемого.

Одним из наиболее устойчивых типов остаточной постпозиции была постпозиция прилагательного-определения, в словообразовательную структуру которого входил специфически «атрибутивный» суффикс -СК- и которое, как показывают наши наблюдения, в очень редких случаях выступало в функции сказуемого⁶.

Наличие суффикса -СК- в прилагательном создавало надежный барьер между существительным и прилагательным, с одной стороны, и между атрибутивным и предикативным

⁴ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, с. 54, 44.

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, I, II, III. СПб., 1893; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 3, М., 1968.

⁶ Климовская Г. И. Из истории атрибутивных отношений в русском языке. — Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Томск, 1965.

прилагательными — с другой. Именно благодаря этому обстоятельству атрибутивные словосочетания, в которых прилагательное содержало в своей морфологической структуре суффикс -СК-, были «вырваны» из общего процесса инверсии исконно постпозитивного атрибутивного прилагательного.

Примеры остаточной постпозиции данного типа в русских текстах разных веков и жанров

Успенский сборник XII—XIII вв.⁷: «вароух... пишеть въ пленѢ вавилоньстѢ» (с. 35)⁸; «изведый ны отъ земля егуптьскыя» (с. 35); «предасть ны пещи вавилоньстѢ» (с. 35); «искоуси же я водою иерданьскою» (с. 35); «како яти быша церьмь халдѣйскимь» (с. 36); «ръцѣте намъ пѣснь отъ пѣснии сионьскъ» (с. 37) и т. п.

Ипатская летопись (см. сноску⁴): «вниидеть в море Варяское» (с. 29); «близ устье Днепрьское» (с. 35); «ходиша на хоздроя царя перьскаго» (с. 66); «пишетъ в летописании грецкомъ» (с. 96) и т. п.

Грамота кн. Федора Ростиславича (оригинал 1284 года)⁹: «Се язъ кнАзъ смоленский федоръ соудилъ есмь бирелА... про колоколъ про немецкый» (с. 62); «поклонъ от кнАзА смоленского от олександра от глѣбовича к ратманомъ к рижскимъ» (с. 67).

Новгородские берестяные грамоты¹⁰: «поиме коне корилески» (с. 94); «цѣлобитие осподину посаднику новгородскому» (с. 142) и т. п.

Статейный список Ф. Елчина 1639-40 гг.¹¹: «а учился грамоте греческой» (с. 219); «по закону христову и по учению апостольскому» (с. 217); «у руки царьской были мая в 29 день» (с. 207) и т. п.

Письма Петра I¹²: «никаково озлобления дезертиром Швецим не чинили» (с. 148): «Малороссийскую землю поработить под владение Полское» (с. 242) и т. п.

К. Ф. Рылеев «Жизнеописание Вейнаровского»¹³: «В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую» (с. 94); (нарек Войнаровского коронным воеводою царства польского» (с. 94); «Его образованность и богатство вве-

⁷ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

⁸ По техническим причинам в текстах буква юс малый передается знаком А, юс большой — знаком У, ять — Ъ.

⁹ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.

¹⁰ Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. М., 1963.

¹¹ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 8, вып. 1. М., 1948.

¹³ Рылеев К. Ф. Избранное. М., 1972.

ли его в самый блестящий круг дворов гетманских» (с. 95) и т. п.

А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»¹⁴: «...стремитесь по валам жития человеческого». (с. 108); «...я собрал родословную многих родов российских» (с. 45); «Бурлак... многое может решить доселе гадательное в истории российской» (с. 44) и т. п.

В. Г. Белинский¹⁵: «Холодному сыну земли, сыну забот и помыслов житейских, заменяет она чувства человеческие...» (с. 25); «О, привычка великая психологическая задача, великое таинство души человеческой» (с. 25); «Да, непостижимо сердце человеческое» (с. 134) и т. п.

М. Ю. Лермонтов «Вадим»¹⁶: «...если богу есть какое-нибудь дело до сердца человеческого» (с. 81); «Новая войска перешагнула через границу русскую» (с. 81); «...сквозь огонь и град пуль турецких» (с. 81); «...то наши преступления считались бы величайшими подвигами добродетели человеческой» (с. 50) и т. п.

Л. Толстой «Хаджи-Мурат»¹⁷: «...война кавказская теперь должна скоро кончиться» (с. 77); «...много аулов чеченских сожжены и разорены» (с. 89); «...Розен назначил над Аварией сначала хана казикумукского, Магомет Мирзу, а потом Ахмет-Хана» (с. 58). И т. п.

Как показывают приведенные примеры, даже в ранних памятниках далеко не все прилагательные с суффиксом -СК- обнаруживают остаточную постпозицию, но только тяготеющие к достаточно замкнутому тематическому типу: характеристика предметов и лиц по географическому местоположению и производные от этого основного значения.

В поздних памятниках, XVIII—XIX вв., кроме того, развивается — очевидно опосредствованно через церковнославянские формулы типа «грехи человеческие» — еще одна тематическая разновидность остаточной постпозиции прилагательных с суффиксом -СК-, связанная с небольшим списком прилагательных, прежде всего прилагательным «человеческий» в сочетании с существительными «судьба», «сердце», «дела» и т. п., и встречающаяся в особых по содержанию, патетических текстах: размышлениях автора, сентенциях, риторических вопросах и т. п. (см. фрагменты из текстов Лермонтова и Белинского).

История остаточной постпозиции прилагательных с суффиксом -СК- в русском языке, с одной стороны, иллюстриру-

¹⁴ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1971.

¹⁵ Белинский В. Г. Избранные статьи. М., 1971.

¹⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 4-х т., т. 1. М., 1969.

¹⁷ Толстой Л. Хаджи-Мурат. М., 1972.

ет связь явлений разных уровней языка (в данном случае — словообразовательного и синтаксического) в процессе развития языка; с другой стороны, показывает, как первоначально несемантизованная фигура плана выражения (оппозиция постпозиции прилагательного с суффиксом -СК- и преобладающей препозицией других прилагательных) была вторичным образом семантизована — «привязана» к атрибутивным словосочетаниям определенного содержательного наполнения.

О РЕГУЛЯРНЫХ И НЕРЕГУЛЯРНЫХ МОДЕЛЯХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -НИЕ, -ТИЕ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ XI—XVI вв.

А. Г. МУСАТЕНКО

(Иркутск)

В статье рассматриваются регулярные и нерегулярные словообразовательные связи имен на -ние, -тие с глаголами различных словоизменительных типов².

Для исследования регулярных и нерегулярных моделей³ с суффиксами -ние, -тие были привлечены «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, а также памятники XVI в. «Переписка Ивана Грозного с Курбским» и «Домострой». В указанных источниках обнаружено свыше 2000 существительных на -ние и 91 — с формантом -тие. Несмотря на низкую продуктивность лексем на -тие мы рассматриваем и их, так как суффиксы -ние, -тие являются близкими по своему происхождению: они образовались в результате переразложения общеславянских страдательных причастий на -н и -т⁴.

За последнее время появилось немало работ, посвященных словообразованию имен действия на -ние, -тие (-нье, -тье), в частности, диссертация Л. Г. Свердлова⁵, Н. П. Романо-

¹ По техническим причинам буквы «ять» и «э йотованное», «и десятеричное», «а йотованное», «юс малый», «фита», «омега» заменены соответственно буквами е, и, я, ф, о.

² Плотникова В. А. Словоизменительные типы глаголов.— В кн.: Грамматика современного русского языка. М., «Наука», 1970, с. 404—410.

³ Улукханов И. С. Глаголы на -еть в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа).— В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., «Наука», 1966, с. 141; Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 39, 45.

⁴ Хохлачева В. Н. Изменения в словообразовании отвлеченных существительных.— В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М., «Наука», 1964, с. 86.

⁵ Свердлов Л. Г. Отглагольные имена существительные на -ние (-ение), -тие, в русском литературном языке XVIII в.— Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Андижан, 1961.

вой⁶ а также статьи Л. Н. Булатовой⁷, Н. Т. Шелиховой⁸.

Но разработкой вопроса о регулярных и нерегулярных моделях не занимался ни один из исследователей. Впервые также мотивирующие глаголы классифицируются по словоизменительным типам, что стало возможным с выходом в свет Грамматики современного русского литературного языка.

До этого времени одни ученые (Л. Н. Булатова, Л. Г. Свердлов) рассматривали производящие глаголы по принадлежности их к определенным классам и непродуктивным группам, другие (Н. П. Романова и Н. Т. Шелихова) характеризовали эти глаголы не по классам, а по суффиксальному оформлению.

Обращение к словоизменительным типам глаголов обусловлено не только тем, что учение о них является новым в современной лингвистике, но и большим удобством для словообразовательного анализа существительных на -ние, -тие.

Используя условные обозначения В. А. Плотниковой⁹, значительно легче сказать, что лексема ДЕЛЕНИЕ — ДЕЛЕНИЕ, например, производится глаголом типа I, 1 (1-го типа 1-го подтипа), чем глаголом 1-го класса подкласса А. Вместе с тем все словоизменительные типы можно соотнести с традиционными классами и группами глаголов¹⁰.

В производстве моделей на -ние, -тие принимают участие определенные словоизменительные типы. Это видно из таблицы.

Существительные с формантами -ние, -ение, -тие имеют различную степень регулярности, что зависит от разных обстоятельств. Анализ таблицы позволяет обнаружить условия и причины регулярности одних моделей и нерегулярности других.

Лексемы на- ние образуются глаголами типов I, 1 (ДЕЛЕНИЕ—ДЕЛЕНИЕ, СЪДЕЛОВАНИЕ—СЪДЕЛОВАТИ); I, 2 (ВЛАДЕНИЕ—ВЛАДЕТИ, ИМЕНИЕ—ИМЕТИ); I, 3—5 (ЛИЯНИЕ—ЛИЯТИ, ПЕНИЕ—ПЕТИ), II (НАСЛЕДОВАНИЕ—НАСЛЕДОВАТИ, ТРЕБОВАНИЕ—ТРЕБОВАТИ), V (ИСКАНИЕ—ИСКАТИ, СЕЯНИЕ—СЕЯТИ, РЪВЕНИЕ—РЪВАТИ); VII, 3 (СТАНИЕ—СТАТИ, ОДЕ-

⁶ Романова Н. П. Имена действия в памятниках русского языка XVI в. (суффиксальные образования). Киев, 1968.

⁷ Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на -ние, -тие.— «Труды института языкознания», т. 7. М., Изд-во АН СССР, 1957.

⁸ Шелихова Н. Т. Образование отглагольных имен существительных на -ние, -тие в древнерусском языке.— «Вестник Московского университета», сер. 10. Филология, № 5. М., Изд-во Моск. ун-та, 1968; Она же. К истории словообразования существительных на -ние (-ение) в XV—XVII вв.— «Филологические науки», № 5. М., 1972.

⁹ Плотникова В. А. Указ. соч., с. 410.

¹⁰ Грамматика русского языка. Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 533—578.

Таблица

1, 1	1, 2	1, 3—5	II	III, IV	V, 1	V, 2	VI, 1	VI, 2	VII, 1	VII, 2	VII, 3	VIII	IX, 1	IX, 2	X, 1	X, 2	X, 3	Изолир.
1-й класс А	1-й класс Б	9-я, 10-я, 11-я (А) не- продуктивные группы	3-й класс	2-й класс и 3-я непро- дуктивная группа	1-я (А) и 7-я непро- дуктивные группы	1-я непродуктивная группа Б, В	4-я, 5-я группы	Непродуктивная группа		11-я непродуктивная группа	Группа Б, В	8-я непродуктивная группа	6-я непродуктивная группа		4-й класс	2-я непродуктивная группа с суффиксом-е	2-я непродуктивная группа на -ати	Разноспрягаемые глаголы

Модели на -ние

401	47	11	103	—	120	67	—	10	—	—	12	10	—	1	—	37	46	37
-----	----	----	-----	---	-----	----	---	----	---	---	----	----	---	---	---	----	----	----

на -ение

—	—	17	—	56	24	4	57	23	27	—	—	—	2	—	937	—	4	18
---	---	----	---	----	----	---	----	----	----	---	---	---	---	---	-----	---	---	----

на -тие

—	—	22	—	10	—	6	—	3	2	13	4	—	3	10	3	—	—	15
---	---	----	---	----	---	---	---	---	---	----	---	---	---	----	---	---	---	----

НИЕ — ОДЕТИ); VIII (ДАЯНИЕ — ДЯТИ, ЗАСТАВАНИЕ — ЗАСТАВАТИ); X, 2 и 3 (СИДЕНИЕ — СИДЕТИ, ДЫРЖАНИЕ — ДЫРЖАТИ), изолированными (ДАНИЕ — ДАТИ, ЗЫДАНИЕ — ЗЫДАТИ). Словообразовательно регулярными эти имена оказываются в том случае, если их формальная регулярность характеризуется одним формальным отношением, а семантическая регулярность определяется общим значением. Так как почти всем указанным моделям свойственно формальное отношение «основа мотивирующего глагола на -ати (а также -йати, -овати, -евати) + суффикс -ние», то, следовательно, они являются формально регулярными.

Лексемы на -ние оказываются и семантически регулярными, поскольку для всех непрефиксальных существительных и префиксальных от глаголов несовершенного вида характерно одно общее значение длительного действия (ДЕЛАНИЕ — ДЕЛАТИ, НАЧИНАНИЕ — НАЧИНАТИ), а префиксальные имена, мотивируемые глаголами совершенного вида, определяются значением действия и результата (СЪДЕЛАНИЕ — СЪДЕЛАТИ, ПОИГРАНИЕ — ПОИГРАТИ).

Во всех глаголах, образующих данные существительные, содержится суффикс или суффиксальный гласный -а- (РАБОТАНИЕ — РАБОТАТИ, БЕСЕДОВАНИЕ — БЕСЕДОВАТИ). Следовательно, необходимым условием для образования регулярных моделей на -ние является наличие в производящих основах суффикса -а- (или суффиксального гласного). Исключение составляют несколько существительных, мотивированных глаголами типов I, 3—5 (ЗНАНИЕ — ЗНАТИ, ПЕНИЕ — ПЕТИ, УНЫНИЕ — УНЫТИ); VII, 3 (СТАНИЕ — СТАТИ, ОДЕНИЕ — ОДЕТИ), изолированными (ДАНИЕ — ДАТИ, СОЗИДАНИЕ — СОЗИДАТИ) с конечным не суффиксальным, а корневым гласным. Данные имена определяются формальным отношением «основа мотивирующего глагола на корневые гласные + суффикс -ние» и являются формально регулярными, так как между ними и производящими глаголами наблюдается полная структурная соотнесенность. Семантическая регулярность существительных от глаголов несовершенного вида с корнем на гласный характеризуется значением действия (ЗНАНИЕ — ЗНАТИЕ, ПЕНИЕ — ПЕТИ); лексемам, мотивированным глаголами совершенного вида, свойственны результативные значения (ДАНИЕ — ДАТИ, ПОДАНИЕ — ПОДАТИ).

Глаголами некоторых типов образуются имена не с суффиксом -ние, а его вариантом -ение. Они мотивируются глаголами типов I, 5 (БИЕНИЕ — БИТИ, ОТЪКРЪВЕНИЕ — ОТЪКРЪТИСЯ); III, IV (ИСПРОВЪРЖЕНИЕ — ИСПРОВЪРГНУТИ, ОПРОВЕРЖЕНИЕ — ОПРОВЕРГНУТИ); V, I

и 2 (КАЖЕНИЕ — КАЗАТИ, РЪЖЕНИЕ — РЪЖАТИ); VI и VII, 1 (ДОСТИЖЕНИЕ — ДОСТИЧИ, ПЛЕТЕНИЕ — ПЛЕСТИ); IX, 1 (ЖЬНЕНИЕ — ЖАТИ, ПОЖЬНЕНИЕ — ПОЖАТИ); X, 1 (ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ПРЕСТУПИТИ, ТВОРЕНИЕ — ТВОРИТИ); X, 3 (ПОМЪЛЧЕНИЕ — ПОМЪЛЧАТИ, ОТЪДЫШЕНИЕ — ОТДЫШАТИСЯ); изолированными (СЪЕДЕНИЕ — СЪЕСТИ, ПОЧЬТЕНИЕ — ПОЧЬСТИ).

Лексемы, образованные глаголами типа X, 1 на -ити, обладают формальным отношением «основа мотивирующего глагола с усеченной финалью -и- и с чередованием или без чередования конечных согласных + суффикс -ение (ЛОВЛЕНИЕ — ЛОВИТИ, ЛОВЕНИЕ — ЛОВИТИ). Почти для всех других моделей характерно формальное отношение «основа мотивирующего глагола на согласный + суффикс -ение (ОПАСЕНИЕ — ОПАСТИ, ЦВЕТЕНИЕ — ЦВЕСТИ).

Непрефиксальным именам на -ение свойственно значение действия (ЛЕЧЕНИЕ — ЛЕЧИТИ, МОЛЕНИЕ — МОЛИТИ, ЕДЕНИЕ — ЕСТИ), в префиксальных лексемах выражаются результативные значения (ИЗЛЕЧЕНИЕ — ИЗЛЕЧИТИ, СЪТВОРЕНИЕ — СЪТВОРИТИ).

Так как почти все модели с суффиксом -ение характеризуются указанными формальными отношениями и общими значениями действия или результата действия, то они будут и формально, и семантически регулярными. Необходимым условием для их образования является наличие в производящих основах суффикса -и- или конечных согласных.

Исключение составляют 17 имен от глаголов типа I, 3—5 (ДЪМЕНИЕ — ДУТИСЯ, БИЕНИЕ — БИТИ) и лексемы ПОЧЬВЕНИЕ, ЗАБЪВЕНИЕ, мотивированные глаголами почути (типа V, 2), забыти (изолированными), формальная регулярность которых определяется отношением «основа производящего глагола с конечными корневыми гласными + суффикс -ение», а семантическая регулярность характеризуется теми же свойственными всем моделям на -ение значениями действия (у непрефиксальных лексем) и результата (у префиксальных): ШЬВЕНИЕ — ШИТИ, НАДЪМЕНИЕ — НАДУТИСЯ.

Среди существительных с суффиксом -ение выделяется модель на -новение от глаголов III и IV типов (ДЪРЗНОВЕНИЕ — ДЪРЗНУТИ, ДУНОВЕНИЕ — ДУНУТИ, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ — ИСЧЕЗНУТИ). Данные лексемы (их свыше 30) являются и формально, и семантически регулярными. Их формальная регулярность определяется отношением «основа мотивирующего глагола на -нути с чередованием у/ов'¹¹ + суффикс -ение», а семантическая — общим значением кратко-

сти действия. Главное условие для образования имен на -новение — суффикс -ну- в производящих глаголах.

Модели с формантом -тие образуются глаголами типов I, 3—5 (СЫГНЕНИЕ — СЫГНИТИ, БИЕНИЕ — БИТИ, ЛИТИЕ — ЛИТИ), III и IV (ДЫРЗНУТИЕ — ДЫРЗНУТИ, НЕПОВИНУТИЕ — НЕ ПОВИНУТИСЯ, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ — ИСЧЕЗНУТИ); V, 2 (СЕНИЕ — СЕНИ, ЧУТИЕ — ЧУТИ); VI, 2 и VII (ПРОСТЫТИЕ — ПРОСТЫТИ, КЛЯТИЕ — КЛЯТИ, ЖИТИЕ — ЖИТИ, СТАТИЕ — СТАТИ); IX (РАСПЯТИЕ — РАСПЯТИ, ВЪНЯТИЕ — ВЪНЯТИ); X, I (СВОИТИЕ — СВОИТИ, ТВОРИТИЕ — ТВОРИТИ), изолированными (БЫТИЕ — БЫТИ, ЗАБЫТИЕ — ЗАБЫТИ).

Формальная регулярность всей модели на -тие определяется отношениями «основа мотивирующего глагола с конечными корневыми гласными + суффикс -тие» (ВИТИЕ — ВИТИ, СТАТИЕ — СТАТИ) и «основа мотивирующего глагола на -нути + суффикс -тие» (ДЫРЗНУТИЕ — ДЫРЗНУТИ). Следовательно, для их образования необходимы производящие основы с корнем на гласные или с суффиксом -ну-.

Семантическая регулярность непрефиксальных лексем характеризуется общим значением действия (КЛЯТИЕ — КЛЯТИ, ПЛЫТИЕ — ПЛЫТИ), префиксальных и некоторых непрефиксальных — результативными значениями (ПРОКЛЯТИЕ — ПРОКЛЯТИ, ЗАБЫТИЕ — ЗАБЫТИ, ЛИТИЕ — ЛИТИ, ДАТИЕ — ДАТИ).

Только три имени, мотивированные глаголами типа X, I (ПРЕДСТАВИТИЕ — ПРЕДСТАВИТИ, СВОИТИЕ — СВОИТИ, ТВОРИТИЕ — ТВОРИТИ), определяются формальным отношением «основа производящего глагола на -ити + суффикс -тие». Несмотря на то, что данные лексемы соотносятся с мотивирующими глаголами и структурно (суффикс -тие» присоединяется непосредственно к глагольным основам), и семантически (имена СВОИТИЕ, ТВОРИТИЕ выражают значение действия, существительное ПРЕДСТАВИТИЕ — результативное значение, как и глаголы свои́ти, твори́ти, представи́ти), они являются нерегулярными. Нерегулярность лексем СВОИТИЕ — СВОИТИ, ТВОРИТИЕ — ТВОРИТИ, ПРЕДСТАВИТИЕ — ПРЕДСТАВИТИ объясняется, во-первых, тем, что они образованы от глаголов с суффиксом -и-, а не -ну- или конечными корневыми гласными (ПОТЯГНУТИЕ — ПОТЯГНУТИ, ПЕТИЕ — ПЕТИ), во-вторых, в данных именах сохраняется финаль -и- мотивирующей

¹¹ Лопатин В. В. Словообразование имен существительных. — В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 66.

глагольной основы, в то время как для всех существительных от глаголов типа Х, I характерно усечение инфинитивного суффикса -и- (ТВОРЕНИЕ — ТВОРИТИ, ХОЖДЕНИЕ — ХОДИТИ).

В исследуемых памятниках наблюдаются также образования, в которых нарушена формальная соотнесенность с производящими глаголами. Они являются формально нерегулярными, или с нерегулярным соотношением основ. Семантическая регулярность в этих именах может сохраняться.

Так как в Словаре Срезневского отсутствуют глаголы ОПАСОВАТИ, ТУЖЕВАТИ, есть все основания предполагать, что существительные ОПАСОВАНИЕ, ТУЖЕВАНИЕ образуются глаголами ОПАСАТИСЯ, ТУЖАТИ с нерегулярным соотношением основ (при помощи формантов -ование и -евание вместо -ние). Семантическая нерегулярность у существительных ОПАСОВАНИЕ — ОПАСАТИСЯ, ТУЖЕВАНИЕ — ТУЖАТИ не отмечена: в них выражается значение длительного действия, как и в мотивирующих глаголах.

Судя по тому, что лексема ОПАСОВАНИЕ обнаружена только в памятнике Ефр. Крм. Анк. 3, а имя действия ТУЖЕВАНИЕ — в Мин. 1097 г., формально нерегулярные лексемы на -ние были временным явлением в древнерусскую эпоху.

Они не наблюдаются и в современном русском языке. Имена ДЫХАНИЕ, ОБЪЯТИЕ (и ряд других), отмечены в «Грамматике современного русского языка» как формально нерегулярные¹², в действительности произошли от зафиксированных в Словаре глаголов дыхати (т. 1, 765), объяти (т. 2, 571) с регулярным соотношением основ (основа мотивирующего глагола на -ати, -йати + суффикс -ние). Эти существительные пережили процесс декорреляции, вызванный утратой исходных глаголов дыхати, объяти. После их ухода из языка лексемы ДЫХАНИЕ, ОБЪЯТИЕ стали соотноситься с глаголами дышать, обнять и оказались формально нерегулярными.

Нерегулярное соотношение основ ДЫХАНИЕ — ДЫШАТЬ заключается в различии их конечных корневых согласных (в производной основе — х, в производящей — ш). Основы ОБЪЯТИЕ — ОБНЯТЬ являются формально нерегулярными потому, что в глаголе обнять отмечен согласный н, которого нет в имени ОБЪЯТИЕ. В глаголе дышать, образованном при помощи суффикса -е- от той же основы, что и глагол дыхати, -х- перешло в -ш- перед -е-; суффикс -а- развился из -е- долгого после -ш-. Глагол обнять является собственно-

¹² Там же, с. 66—67.

русским переоформлением старого обьяти (со вставкой н) по аналогии с глаголами снять, внять¹³.

Существительные ОБЪЕДАНИЕ, ОБЪЯДАНИЕ, ПОХОТОВАНИЕ, обнаруженные в памятниках, тоже окажутся формально нерегулярными, если их связывать с глаголами объесть, обьясти, похотети.

Н. Т. Шелихова считает, что только глаголы есть, ясти, похотети могут участвовать в производстве имен на -ние, а от глаголов есть, ясти, похотевати эти существительные не образуются¹⁴. Следовательно, и отмеченные в памятниках лексемы ОБЪЕДАНИЕ, ОБЪЯДАНИЕ, ПОХОТОВАНИЕ должны соотноситься с глаголами объесть, обьясти, похотети. В этом случае они будут словообразовательно нерегулярными. Формальная нерегулярность лексем ОБЪЕДАНИЕ — ОБЪЕСТИ, ОБЪЯДАНИЕ — ОБЪЯСТИ заключается в том, что они производятся по схеме «основа мотивирующего глагола + суффикс -ание», в то время как все остальные имена от глаголов на согласный определяются формальным отношением «основа глагола + суффикс -ение» (ОБЪЕДЕНИЕ — ОБЪЕСТИ; ОБЪЯДЕНИЕ — ОБЪЯСТИ).

Соотношение основ ПОХОТОВАНИЕ — ПОХОТЕТИ оказывается формально нерегулярным по той причине, что в имени ПОХОТОВАНИЕ появляется элемент -ва-, отсутствовавший в мотивирующем глаголе, и инфинитивный суффикс -е- заменяется гласным -о-.

Семантическая нерегулярность существительных ОБЪЕДАНИЕ — ОБЪЕСТИ, ОБЪЯДАНИЕ — ОБЪЯСТИ, ПОХОТОВАНИЕ — ПОХОТЕТИ проявляется в том, что они обозначают длительное действие, а производящие глаголы — действие совершившееся.

Поэтому мы считаем, что имена ОБЪЕДАНИЕ ОБЪЯДАНИЕ, ПОХОТОВАНИЕ мотивируются глаголами типа I, 1 объедати, обьядати, похотевати. Только в этом случае они будут и формально, и семантически регулярными. Формальная регулярность имен ОБЪЕДАНИЕ, ОБЪЯДАНИЕ характеризуется общим для всех существительных на -ние отношением «основа мотивирующего глагола на -ати + суффикс -ние», а семантическая регулярность определяется общим значением действия, которое свойственно всем лексемам, образованным префиксальными глаголами несовершенного вида на -ати (ВЪПЛЕТЕНИЕ — ВЪПЛЕТАТИ, НАЧИНАНИЕ — НАЧИНАТИ).

¹³ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., «Просвещение», 1971, с. 136, 299.

¹⁴ Шелихова Н. Т. Образование отглагольных имен существительных..., с. 38, 41; Она же. К истории словообразования..., с. 57.

В соотношениях основ ПОХОТОВАНИЕ — ПОХОТЕВАТИ формальная нерегулярность состоит только в различии суффиксальных гласных (-ова- в производной основе вместо -ева-). Семантическая нерегулярность между производной и производящими основами не отмечена, так как и в той, и в другой выражается значение длительного действия.

Словообразовательная регулярность характеризуется не только формальной и семантической регулярностями. И. С. Улуканов говорит, что можно определить и количественную меру регулярности. Для этого следует сравнить число регулярных образований с количеством всех лексем данного типа¹⁵. Следовательно, регулярность всех моделей зависит от их продуктивности. Наиболее регулярными оказываются те модели, которые отличаются высокой продуктивностью. Таблица показывает, что самой высокой регулярностью обладают существительные на -ние, мотивированные глаголами типа I, 1 (ДЕЛЕНИЕ — ДЕЛАТИ, ВЕЧЕРЕНИЕ — ВЕЧЕРЯТИ), модель с суффиксом -ение от глаголов типа X, 1 (ЛЮБЛЕНИЕ — ЛЮБИТИ, МОЛЕНИЕ — МОЛИТИ), существительные на -тие, образованные глаголами типа I, 3—5 (ПОБИТИЕ — ПОБИТИ, ПРОЛИТИЕ — ПРОЛИТИ).

Значительно высокой регулярностью отличаются имена с формантом -ние, мотивированные глаголами типов II (ВРАЧЕВАНИЕ — ВРАЧЕВАТИ, ДАРОВАНИЕ — ДАРОВАТИ); V, 1 (ИСКАНИЕ — ИСКАТИ, РЫСКАНИЕ — РЫСКАТИ), и модели на -ение от основ на согласный (ПОМЛЪЧЕНИЕ — ПОМЛЪЧАТИ, ПОМЛЪЧИМ; ЕДЕНИЕ — ЕСТИ, ЕДИМ), существительные с суффиксом -тие от глаголов VII, 2 и X, 2 типов (СТАНИЕ — СТАТИ, ВЪНЯТИЕ — ВЪНЯТИ).

Менее регулярными являются лексемы на -ние, образованные глаголами типов I, 2 (ВЛАДЕНИЕ — ВЛАДЕТИ, ИМЕНИЕ — ИМЕТИ); V, 2 (СЕЯНИЕ — СЕЯТИ, ТАЯНИЕ — ТАЯТИ); X, 2 и 3 (ВЕЛЕНИЕ — ВЕЛЕТИ, ДЪРЖАНИЕ — ДЪРЖАТИ), изолированными (ДАНИЕ — ДАТИ, ЗЪДАНИЕ — ЗЪДАТИ), и модель с формантом -тие от глаголов III типа (ДЪРЗНУТИЕ — ДЪРЗНУТИ, ПОТЯГНУТИЕ — ПОТЯГНУТИ).

Минимальной регулярностью характеризуются лексемы на -ние, мотивированные глаголами типов I, 5 (ЛИЯНИЕ — ЛИЯТИ, ИЗЛИЯНИЕ, ИЗЛИЯТИ); VI, 2 и VII, 3 (ПРОСТЬРЕНИЕ — ПРОСТЬРЕТИ, ОДЕНИЕ — ОДЕТИ, ОДЕЯНИЕ — ОДЕЯТИСЯ); VIII (ДАЯНИЕ — ДАЯТИ, ВОЗДАЯНИЕ — ВОЗДАЯТИ), модель с суффиксом -ение от глаголов типа I, 5 (УБИЕНИЕ — УБИТИ, ШЬВЕНИЕ — ШИТИ), существи-

¹⁵ Улуканов И. С. Указ. соч., с. 129.

тельные на -тие, мотивированные глаголами типов V, 2 и VII, 3 (СЕТЬЕ — СЕТИ, ЧУТЬЕ — ЧУТИ, СТАТЬЕ — СТАТИ).

От глаголов IX типа отмечено только одно образование с суффиксом -ние (ПРИЯНИЕ — ПРИЯТИ). Следовательно, ни о какой регулярности здесь не может быть и речи. Отсутствие имен на -ние от данных глаголов объясняется тем, что их исторический корень -я- восходит к носовому гласному е из ен. Если бы суффикс -ние присоединялся к основе на -е носовой, то -н мог исчезнуть. Поэтому в общеславянском языке глаголы с носовым гласным могли производить только причастия на -т¹⁶. Этим и объясняется причина регулярности лексем с формантом -тие от глаголов IX типа.

В XIX в. вся система словообразования имен на -ние, -тие претерпела значительные изменения, связанные с разрушением их видовой корреляции и ослаблением глагольной семантики¹⁷. Под влиянием этих процессов в языке сохранилось примерно 500 имен на -ние и 18 — с суффиксом -тие¹⁸. В это число входят, главным образом, лексемы, в которых наряду со значением действия проявлялись результативные или предметные значения (ЗНАНИЕ, ВЛАДЕНИЕ, ИМЕНИЕ, ТВОРЕНИЕ, СИДЕНИЕ, ПОЗНАНИЕ, СОТВОРЕНИЕ, ЛИТИЕ, БИТИЕ, ЗАБЫТИЕ, СПАСЕНИЕ, ОПАСЕНИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ). Существительные же с резко выраженным значением действия или утрачивались, или вытеснялись теми именами, в которых снижена глагольная семантика (ИГРАНИЕ — ИГРА, РАБОТАНИЕ — РАБОТА, КОЩУНАНИЕ — КОЩУНСТВО, ПОЛАГАНИЕ — ПОЛОЖЕНИЕ).

В современном русском языке сохранилась продуктивность только у лексем, мотивированных глаголами типа X, I на -ити и непрефиксальными глаголами II типа с суффиксом -ова- (ХОЖДЕНИЕ — ХОДИТЬ, РИСОВАНИЕ — РИСОВАТЬ). Кроме них, стали продуктивными существительные, образованные префиксальными глаголами типа I, I на -ивать (ВЫДАИВАНИЕ — ВЫДАИВАТЬ, ПРОРЕЖИВАНИЕ — ПРОРЕЖИВАТЬ), непрефиксальными и префиксальными глаголами типа I, I с суффиксом -ничать (ОРИГИНАЛЬНИЧАНИЕ — ОРИГИНАЛЬНИЧАТЬ, ПОПУЛЯРНИЧАНИЕ — ПОПУЛЯРНИЧАТЬ) непрефиксальными глаголами II типа на -ировать: КОДИРОВАНИЕ — КОДИРОВАТЬ, СЕКЦИОНИРОВАНИЕ — СЕКЦИОНИРОВАТЬ¹⁹. Так как среди указанных моделей нет ни одного имени с не-

¹⁶ Мейер А. Общеславянский язык. М., ИЛ, 1951, с. 216.

¹⁷ Хохлачева В. Н. Указ. соч., с. 89.

¹⁸ Подсчет проводился по Толковому словарю. — См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4, М., 1938—1940.

¹⁹ Словообразование современного русского литературного языка. М., изд-во «Наука», 1968.

регулярным соотношением основ, все они являются регулярными и формально, и семантически.

ВЫВОДЫ

1. Причиной регулярности одних моделей на -ние -ение, -тие и нерегулярности других является их продуктивность. Самыми продуктивными оказываются существительные на -ние от глаголов типа I, 1 (401), имена с суффиксом -ение, мотивированные глаголами типа X, 1 (973), и лексемы на -тие от глаголов типа I, 3—5 (22). Следовательно, они обладают и наибольшей регулярностью.

2. Нерегулярность модели на -ние и, напротив, регулярность лексем с формантом -тие от глаголов с этимологическим корнем -я- связана с происхождением этого корня из носового е.

3. Для производства словообразовательно регулярных моделей на -ние, -ение, -тие требовались глаголы определенной структуры. Все регулярные имена структурно и семантически соотносились с мотивирующими глаголами.

4. Формально нерегулярными являлись те лексемы, в которых нарушалась структурная соотнесенность с мотивирующей основой; формальная нерегулярность не влекла за собой семантической нерегулярности.

5. Имена с формальной нерегулярностью были очень немногочисленны и отличались редкой частотностью в употреблении.

6. Формальная нерегулярность некоторых лексем на -ние, -тие в современном русском языке вызвана процессом декорреляции, происшедшим после утраты исходных глаголов.

Условные сокращения

1. Словарь — «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, т. 1—3, СПб., 1893—1907.

2. Ефр. Крм. Анк. — Правила Анкирского собора.

3. Мин. 1097 г. — Служебная минея 1097 г.

ОБРАЗОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТВЛЕЧЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОВОРАХ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА р. ОБИ

Е. М. ПАНТЕЛЕЕВА

(Томск)

Имена существительные отвлеченного значения в анализируемых говорах представляют самостоятельную, хотя и немногочисленную, группу слов. Во всех имеющихся на кафедре диалектных материалах¹ удалось найти около 750 слов. Для сравнения отметим, что в названном словаре и дополнении к нему дано 16443 словарных статьи.

Вопрос о природе отвлеченных существительных в говоре не является до конца решенным. Об исконности и органичности их в системе диалекта существуют различные, прямо противоположные точки зрения².

Цель нашей статьи — проанализировать отвлеченные существительные на словообразовательном уровне, что даст возможность понять их место и роль в современном говоре.

В основном существительные отвлеченного значения образованы морфологическим способом (за счет суффиксации), лишь небольшую часть составляют слова, проникшие в говор из литературного языка. В процессе усвоения они частично переоформились. Напр.: УНИСТОЖЕНИЕ, ОСЛОБОЖДЕНИЕ, ИЖИВЕНИЕ, НЕНАВИСТЬ, КАРАХТЕР, АКУАЦИЯ, АНТЕРЕС, БОНБЕЖКА, ХРЕЩЕНИЕ, КАТАСТРОФИЯ. Некоторые слова заимствованы без каких-либо преобразований их формы и значения. Напр.: ПОСТАНОВЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ, РАДОСТЬ, РАДУШЕНИЕ. Но гораздо больше отмечено в говоре слов, изменивших свое значение. По отношению

¹ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1—3. Томск, 1964—1967; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение). Ч. 1. Томск, 1975; Картотека просторечных и общенародных слов [кафедра русского языка ТГУ].

² См.: Симина Г. Я. Развитие абстрактной лексики в современных севернорусских говорах. — «Ученые зап. Пермского ун-та», № 192. Пермь, 1969.

к литературному языку они представляют лексико-семантические варианты. Напр.: **ВОЗДУХ** — запах; **СИЛА** — имущественное состояние; **МЕЧТАНЬЕ** — память; **ПОГОВОРКА** — произношение; **БЕЗУМИЕ** — обморок; **ГУЛ** — звук, крик; **ЖИР** — ожирение; **ВОЙ** — голос, крик; **БЫТ** — жизнь вообще; **ВЕЩЕСТВО** — существо; **ПОГОДА** — ненастье; **ПОЛДЕНЬ** — юг; **СОГЛАСИЕ** — собрание; **БОЛЬШИНСТВО** — размер, величина. Характерно, что такие слова в говоре обычно известны только с одним значением, хотя в литературном языке они являются многозначными. Напр.: в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова у существительного «**СИЛА**» отмечено одиннадцать значений, у существительного «**СОГЛАСИЕ**» — шесть значений, «**СОСЛОВИЕ**» — два значения, «**БЕЗУМИЕ**» — два значения и т. д.³

Особенно многочисленна группа имен отвлеченного значения, образованных от глаголов безаффиксным способом. Такие производные называют действие по глаголу: **РАЗДУМА**, **ЗАКОС**, **ОБКИД**, **ОПУХ** (опухание), **ПОБЕГ**, **ПОЗНОБ**, **РАСПАЛ**, **УПРАВА** (от «управляться»), **НАЛЁВ** (от «наливаться»), **СБЁГ** (стекание воды), **ПОДПОЙ**, **СБОЙ**, **КАРАУЛ** (охрана), **ПОТОПА** (наводнение), **ВЫСМОТР** (осмотр), **ПРИЧЁТ** (причитание); способность к действию: **СЛЫХ** (способность слышать), **ПОДНОС** (умение поднести); результат действия: **ЗАГАР** (состояние воды с недостатком кислорода); **ОКОЛ**, **ЗАЖОГ** (название болезней); **ЗАМОРОЗ**; **НЕДОГЛЯД**; **НЕДОСОЛ**; отвлечённое понятие: **ГРЕЗА** (шалость); **ВОСПРЕТА**, **ЗАПРЕТА** (запрещение), **МОЧА** (сырость), **УРОС** (каприз), **ПОРУХА** (порча), **ГАЛЬ** (издевка), **НЕХВАТ** (недостаток чего-либо), **ТОРОПЬ** (спешка), **ПОКАТ** (скольжение), **ВЗЫСК** (спрос), **НАЧИН** (начало). Такие существительные по характеру ударения четко делятся на две группы: 1) производные сохраняют то же ударение, если в исходном слове оно находится на приставке или корне. Напр.: **СЛЫШАТЬ** — **СЛЫХ**, **ЗАМЁТИТЬ** — **ЗАМЁТА**, **ВЫСМОТРЕТЬ** — **ВЫСМОТР**, **ВЫСТАВИТЬ** — **ВЫСТАВ**; 2) в производном ударение переходит на корень, если в исходном слове суффиксы -и-, -е-, -а- являются ударными. Напр.: **ПОЗНОБИТЬ** — **ПОЗНОБ**, **ЗАЖИГАТЬ** — **ЗАЖОГ**, **НАЛИВАТЬ** — **НАЛЁВ**, **ОБКИДАТЬ** — **ОБКИД**, **ПОДРУБИТЬ** — **ПОДРУБ**.

Особенно продуктивным является в наших говорах суффикс -к(а) и его варианты. Производные с ним имена называют действие, реже — отвлеченное понятие. Напр.: **ПОДПУШКА**, **ПОДПОЁНКА**, **ПОПАДКА** (возможность быть

³ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4, с. 175; Т. 1, с. 177.

где-то), ПОДСОБКА, ВЫСКОЧКА (от «выскочить»), ШВОРКА (сшивание полотна сети), РАССТИЛКА, ЗАВАРКА, ХОЛКА (уход за животными), БОЙКА (убой), ОГРЕБКА, ОПАЛКА (ожог), ПЕРЕДУМКА, ПОМОЧКА («помочь») ПРИМЕТКА, РАСПОЛКА (прополка), РЫБОЛОВКА, ИКРОМЕТКА; ПРОТЯЖКА (протяженность), ПОВИНКА (повинность). Продуктивность суффикса -к(а) подтверждается наличием новых слов (ПАЧПОРТОВКА — паспортизация) и его возможностью сочетаться с такими основами, которые в литературном языке соединяются с другими суффиксами отвлеченного значения.

Ср.: КУРЕНКА — КУРЕНИЕ, ЛЕЖКА — ЛЕЖАНИЕ; СОЛЕНКА — СОЛЕНИЕ; ОГРЕБКА — ОГРЕБАНИЕ; КОСКА — КОСЬБА; РАЗДЕЛЕЖКА — РАЗДЕЛ; СЛЫШКА — СЛЫШИМОСТЬ; ПРОВИНКА — ПРОВИННОСТЬ. Особенно много имен существительных с суффиксом -к(а), называющих различные трудовые процессы, в деловых бумагах⁴ (заявления колхозников, наряды на работу, расценки различных видов работ). Напр.: КЛАДКА, КОСКА, МЕТКА сена. УБОРКА хлеба. Расклали хлеб для ПРОСУШКИ. На ВЫВОЗКУ перегноя. ПОДБОРКА пшеницы. ОЧИСТКА ячменя. ВЕСНОВСПАШКА. КОПКА земли для строительства. НАСЫПКА картофеля в мешки. УКЛАДКА дров — швырка. ПОДВОЗКА кукурузы. ЗАГОТОВКА и ОБДЕЛКА подушек. ПОДЕЛКА ручных граблей. БУРТОВКА навоза. НАСАДКА кос. КАЧКА воды в лагере. ТОЧКА пил. ЗАВАЛКА мостов землей. ПРИВОЗКА дуста. УСТАНОВКА столбов. ОТБИВКА кос. ПРИВОДКА водопровода. ЗАКАТКА баков. ВОЗКА стогометчика. УСТАНОВКА жердей. ОШКУРОВКА, НАСАДКА. ТРАМБОВКА силоса. НАСЫПКА, ЗАВЯЗКА мешков. ОБШИВКА стойла. ПРОМЫВКА ульев. ПРОРУБКА кустов. ОКАНТОВКА плах. ЗАБИРКА забора. ПОДЧИНКА мешков. ФУГОВКА кромок теса под крышу. ОСТРОЖКА плах. ПРИБИВКА навесов с крючьями. НАВЕСКА дверей с ПОДГОНКОЙ косяков. Настил пола с ОБРЕЗКОЙ концов плах. ПЕРЕПИЛКА леса. МЕТКА сена. ПОДЕЛКА воротчиков и НАВЕСКА их. КОНОПАТКА стаяк. ВЫКОПКА навоза. ОТНОСКА отходов. Приведенные примеры говорят о том, что суффикс -к(а) при отглагольном словообразовании является очень продуктивным, его действие не органичивается ни лексическим значением, ни грамматическими свойствами глаголов (все глаголы являются переходными, но среди них есть приставочные и бесприставочные, суффиксальные и безаффиксные, общенародные и диалектные).

⁴ Примеры взяты из документов колхоза, расположенного в с. Калеул Мариинского района Кемеровской области.

Продуктивным в анализируемых говорах является суффикс **-ениј-**, который сочетается с основами не только общенародных, но и диалектных слов, что свидетельствует о самостоятельном функционировании его в системе диалектного языка. Напр.: **ЗАМЕЧАНИЕ** (действие по глаголу «замечать»), **КАЗНЕНИЕ**, **ДРОЖЕНИЕ** (дрожь), **ПРОТЕЧЕНИЕ**, **ГОВОРЕНИЕ**, **ЗАБАВЛЕНИЕ**, **ЗАВЛЕЧЕНИЕ** (развлечение), **ЗАЖИГАНИЕ** (название болезни у лошадей), **СМОТРЕНИЕ** (часть свадебного обряда); **ШИШКОВАНИЕ**, **РАСПРАВДАНИЕ** (оправдание), **ПРИВЕЧАНИЕ** (радушие), **НАПУЩЕНИЕ** (бедствия, напасти), **СПОСОБЛЕНИЕ** (помощь), **ВОЗДУШЕВЛЕНИЕ** (вдохновение), **ИЗОЖИРЕНИЕ** (ожирение), **ИЗГАЛЕНИЕ** (издевательство), **ПРИТОНЕНИЕ** (от «притонить» — вытащить тоню), **ЗАЗЫБАНИЕ** (укачивание), **КОЛОТОВАНИЕ** (мучение, суета), **ЗАКУЛАЧИВАНИЕ** (раскулачивание), **РАЗГРУППЛЕНИЕ** (разделение). Последние два слова являются новыми, что подтверждает продуктивность данного словообразовательного элемента. Интересно в этом плане отметить такие слова, в которых **-ениј-** сочетается с основами, к которым в литературном языке присоединяются другие суффиксы отвлеченного значения. Ср.: **КОСЕНИЕ** — **КОСЬБА**, **СВАТАНЬЕ** — **СВАТОВСТВО**. Процесс словообразования сопровождается такими морфологическими явлениями, как чередование согласных (**ВИЗЖАТЬ** — **ВИЗГАНЬЕ**, **завлекать** **завлечение**, **протекать** — **протечение**, **напускать** — **напущение**), появлением вставного согласного (**способление**, **кормление**), усечением конечной гласной основы (**пастушить** — **пастушение**, **привечать** — **привечение**) или сохранением его (**замечать** — **замечание**, **шишковать** — **шишкование**).

В наших говорах активно действует также суффикс **-ств** (о), **-еств** (о). Напр.: **БЕДСТВО**, **БОГАЧЕСТВО**, **СРОДСТВО** (свойство), **ШЕЛЬМОВСТВО** (беспорядок), **ДВОРНИЧЕСТВО** (содержание постоянного двора), **УБОЙСТВО** (убийство), **ИЗГАЛЬСТВО** (издевательство), **БЛУДСТВО**, **МОЛЁБСТВО**, **ПРИКАЗЧЕСТВО** (приказание), в котором **-ч-** считаем интерфиксом, **ИЗГИЛЯТЕЛЬСТВО** (издевательство), **НЕДОРАЗУМИТЕЛЬСТВО** (недоразумение), в которых выступает морф **-тельств(о)**.

С суффиксом **-ость**, **-ность** образованы слова: **МОКРОСТЬ**, **ЛЁГОСТЬ**, **ВЗРОСЛОСТЬ**, **ДУРОСТЬ**, **ХВОРОСТЬ**, **ЖАДОСТЬ**, **ПРИСТАЛОСТЬ**; **СЫРНОСТЬ**, **НОВНОСТЬ**, **ЖИВНОСТЬ**, **ШИРНОСТЬ** (ширина), **ЗАСОРНОСТЬ**, **ОБШИРНОСТЬ** (протяжение), **НУЖНОСТЬ**, **НЕОБРЯДНОСТЬ** (неаккуратность); **ДОГОВОРНОСТЬ**, **ОТВЕТНОСТЬ**, особенность двух последних слов заключается в том, что они обра-

зованы непосредственно от глаголов **ДОГОВОРИТЬСЯ**, **ОТВЕТИТЬ**, а не от причастных форм, как в литературном языке.

Некоторое своеобразие наблюдается в функционировании следующих суффиксов: -н(я), -отн(я), которые, в отличие от литературного языка, сочетаются не только с глагольными, но и именными основами. Напр.: **БРЯКОТНЯ** (бряцание), **ГУРГОТНЯ** (болезненные ощущения в животе), **БОЛТНЯ** (пустые разговоры); **ГАЛИМОТНЯ** (бессмыслица), **ПРИХОТНЯ** (прихоть); **СБОРНЯ** (собрание), **РАЗВОДНЯ** (расторжение брака); -б(а), который сочетается и с неусеченной формой инфинитива, как в литературном языке, и с усеченной. Напр.: **ЖЕНИТЬБА**, **КЛЯТЬБА** (покаяние), **ГОЛОДЬБА**, **НЕВОДЬБА**, **ПАСТЬБА**, **БОРОНЬБА** (боронование), **РЕЗЬБА** (драка, резня), **ВЯЗЬБА** (вязание).

В составе отвлеченных имен выделяются некоторые омонимичные суффиксы, известные и литературному языку. Напр.: -ин(а): **КОШЕНИНА** (косьба), **ЗАВЫЧИНА** (традиция), **ПРОЩИНЫ** (прощение), **ДУРНИНА** (плохой запах), **ГЛУШИНА** (глушь), **ГЛЫБЖИНА** (глубина), **РАЗЛУЧИНА** (разлука), **ТУЖИНА** (надобность, потребность), **УЖИНА** (ширина), **ЧУДОВИНА** (чудо); -ищ(е): **ГУЛЬБИЩЕ** (гуляние). Но сравните экспрессивные названия отвлеченных понятий: **ТИШИНИНА**, **БОЛИНА**, **ШУМИНА**, **ЖАРИНА**, **МОРОЗИНА**; **СТЫДОВИЩЕ**, **СРАМОТИЩА**, (о большом количестве грязи), **МОКРИДИЩА**, **ПОГОДИЩА** (сильная непогода), **ХИУЗИЩЕ** (сильный северный ветер), **ШИРИЩА** (большая ширина), причем, интересно отметить, что экспрессивные существительные отвлеченного значения, хотя и реже, чем нейтральные имена, также допускают словообразовательное варьирование. Напр.: **МОРОЗИНА**, **МОРОЗЯКА**, **МОРОЗИЩЕ**; **ДУШИНА**, **ДУШИНИЩА**.

Из шестидесяти словообразовательных элементов (сюда входят суффиксы и все их варианты), используемых в литературном языке в именах отвлеченного значения, в говоре известно только двадцать девять. За счет чего «компенсируется» определенный «недостаток» словообразовательных элементов в системе анализируемых говоров? Можно отметить следующее:

1. Суффиксы, известные только говорам. Напр.: -ичк(а), -ничк(а): **ДУРИЧКА**, **ДУРНИЧКА** (глупость); -ст(ь): **КАСТЬ** (покаяние), **БОЯСТЬ**, **ЖИСТЬ**, **ЖИЗНЕСТЬ**; -ал: **ЗАТУРАЛ** (беспорядок); щин(а): **ДИКОВЩИНА** (несуразица), **ТРЕПОВЩИНА**, (обработка льна), **СОРОМЩИНА** (сквернословие); -оток: **ГРОМОТОК**, **БРЯКОТОК**, **ХЛОПОТОК**, **ХРУСТОТОК**, **ЩЕЛКОТОК**, называющие интенсивно протекающее действие.

2. Суффиксы, омонимичные по отношению к словообразовательным элементам литературного языка, способные в говоре передавать отвлеченное значение. Напр.: -ух(а) в литературном языке используется в именах личного и предметного значения, в говорах—в названиях лица (БОЛЬШУХА—старшая дочь в семье), предмета (БОТУХА — сеть) и отвлеченного понятия (ЖИТУХА — жизнь, КОРМУХА — кормление, ВЕЧЕРУХА — вечернее собрание молодежи); -ищ(е) в литературном языке используется в существительных со значением места и части предмета, в говорах—в названиях места (ОРЖАНИЩЕ, ОВСИЩЕ), части орудия труда (ГРАБЛЁВИЩЕ) и отвлеченного понятия (ГУЛЬБИЩЕ — гуляние); -ан в литературном языке используется в существительных со значением лица, в говорах — в названиях лица (БРАТАН, ГУБАН) и отвлеченного понятия (ДУЯН — сильный ветер, ШЕПТАН — нашептывание); -ун в литературном языке используется в существительных со значением лица, предмета, в говорах — в названиях лица (КРИКУН, ГОВОРУН), предмета (ЛИЗУН — кусок соли, подаваемой в корм животным) и отвлеченного понятия (ПОПОЛЗУН — пурга, непогода); -он(а), -он(я)⁵ в литературном языке используется в существительных со значением лица, в говорах — в названиях лица (СЛАСТЁНА) и отвлеченного понятия (ГУЛЁНА — гуляние, ТИХОНЯ — тихая погода).

Наблюдается и противоположное явление: суффиксы, используемые в литературном языке для образования отвлеченных имен, в говоре могут придавать слову конкретное значение лица или предмета. Напр.: свойство, родство (родственники), породство (семья, род), молодьба (молодые животные), чернота (сено плохого сорта), гибеж (изогнутая часть предмета), житье (дом), молодость (молодежь), кривда (орудие рыбной ловли).

3. Суффиксы, используемые в литературном языке в составе имен отвлеченного значения, в говорах выступают как многозначные, способные передавать несколько отвлеченных значений. Напр.: в литературном языке суффикс -от(а) используется в именах, называющих физическое состояние. В говорах, кроме этого значения, он передает значение отвлеченного признака и понятия. Напр.: ЛИХОТА (тошнота), РЕЗОТА (болезненные ощущения), ЛИХОТА (затруднительное положение), ШУМОТА (шум), ГЛУХОТА (безветренная погода), ЧЕСОТА (название болезни), СТРАМОТА (стыд). В литературном языке суффикс -ок используется

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 61—80.

в именах, называющих отдельный акт действия. В говорах, кроме этого, значения он передает значение отвлеченного понятия и действия. Напр.: ИСПЫТОК (испытание), УПАДОК (падеж скота), ПЕРЕЖИТОК (переживание).

Среди существительных отвлеченного значения отмечаем несколько однодиалектных словообразовательных вариантов (ПОГОДА — ПОГОДЬЕ; ГУЛЕНА — ГУЛЬБИЩЕ (гуляние), МОРОЗИНА — МОРОЗИЩЕ, РЫБОЛОВКА — РЫБОЛОВЬЕ) и большое число разнодиалектных. Напр.: МОЛЁБЕН — МОЛЁБСТВО, ОТПОЙ — ОТПОЙКА (угощение), РАСПОЛКА — РАСПОЛОВКА (прополка), БОЛЕЗНЯ — БОЛЕСТЬ, ДРОГ — ДРОЖЕНИЕ (дрожь), ДУРНИЧКА — ДУРНИШКА — ДУРОЧКА — ДУРНОСТЬ (глупость), ИЗГАЛЕНИЕ — ИЗГАЛЬСТВО, МОКРОСТЬ — МОКРЕДЬ, ТЕМЕТЬ — ТЕМНОТЬ — ТЕМНОТКА (темнота), КОСКА — КОШЕНИНА — КОСЕНЬЕ, КРУЖЕНИЕ — КРУЖЕНЬ (головокружение), ПОРОДСТВО — ПОРОДЬЕ, ШИРНИК — ШИРНОСТЬ (ширина), БОРОТЬБА — БОРОНЬБА, ГОЛОЛЕД — ГОЛОЛЕДЬЕ, ЛЕГКОТА — ЛЕГОТА — ЛЕГКОСТЬ — ЛЕГОЧЬ, СКЛАДЧАНКА — СКЛАДЫНКА — СКЛАДЫНЬ (складчина), СПОСОБИЕ — СПОСОБИЦА — СПОСОБЛЕНИЕ (пособие), СПЕКУЛЯНТСТВО — СПЕКУЛЯНИЧЕСТВО. Разнодиалектные словообразовательные варианты говорят о том, что в говорах сочетаемость морфем осуществляется более свободно, не наталкиваясь, например, на ограничения, связанные со специализацией суффиксов, как это имеет место в литературном словообразовании.

Таким образом, участие в словообразовании общенародных и диалектных основ в качестве производящих, продуктивность суффиксов, общих литературному языку и говорам, наличие собственно диалектных словообразовательных элементов, наличие большого числа разнодиалектных словообразовательных вариантов — все это говорит о том, что с точки зрения синхронного словообразования отвлеченные имена существительные органичны для говора, и их нельзя считать только результатом влияния на говоры современного литературного языка.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРА

З. М. ПЕТЕНЕВА

(Кемерово)

Язык фольклора, являясь одним из своеобразных компонентов в системе русского национального языка, обладает свойственными лишь ему языковыми особенностями на всех уровнях, и на словообразовательном в частности¹.

В языке фольклора префиксальные морфемы отличаются более свободной манифестацией по сравнению с русским литературным языком, и это прежде всего касается глагола². Здесь часто отмечаются непродуктивные с точки зрения современного русского литературного языка словообразовательные типы, а также семантически изолированные образования.

Известно, что в словообразовании префиксы не имеют классифицирующей функции, т. е. префиксальные образования относятся к той же части речи, что и мотивирующее

¹ Своеобразие языка фольклора определяется как диалектной сферой бытования фольклорных памятников, так и традиционно-поэтической спецификой: «Древность происхождения фольклора и самобытность народной жизни были одной из причин своеобразия поэтического языка народных произведений, в которых немало языковой архаики и диалектных особенностей, сохранившихся и до нашего времени». — Русское народное поэтическое творчество. Под ред. проф. А. М. Новиковой и проф. А. В. Корева. М., «Высшая школа», 1969, с. 7.

² Более свободное, чем в русском литературном языке, употребление в народной речи приставок отмечается многими исследователями. Так, Н. Некрасов пишет: «В народном языке допускается широкое и смелое употребление и сопоставление предлогов. Все это убеждает нас, что употребление предлогов в соединении с глаголами служит для изобразительности речи, для обозначения большей наглядности, обстоятельности действия» (Некрасов Н. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, с. 178. И. А. Осовецкий отмечает, что «в языке фольклора, особенно стихотворного, замечается значительно большая свобода образования слов, чем в разговорной речи, а также возможны и единичные образования» (Осовецкий И. А. Язык фольклора и диалект. — В сб.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 188).

слово. Префиксация служит лишь видоизменению семантики мотивирующего слова, либо добавляет дополнительные смы.

Более свободная по сравнению с русским литературным языком манифестация глагольных префиксов в языке фольклора используется с целью более точной и образной передачи многообразных нюансов внеязыковой действительности³, а также как стилистическое средство создания фольклорно-языкового колорита. Например: СОВЕВАЛИ ветрочки со горы, со моей ли со родимой стороны... да подвороженка не вложена была, да сера уточка со двора СОШЛА (ПКП, с. 87)⁴. Да ПРИОТПРАВИЛСЯ, да собрался да в путь дальну-то дороженьку (ПКП, с. 50); Все же на пиру ПРИРАСХВАСТАЛИСЬ... Похвастал грозный царь Иван Васильевич... Я ПОВЫВЕЛ три изменушки (ПКП, с. 163).

Как показывают наблюдения, в русском литературном языке и языке фольклора не совпадает «инвентарь» глагольных префиксов, частотность их употребления. Так, в изученных нами исторических песнях XVII века о Степане Разине⁵ отмечены префиксы: в-(16)⁶, воз-(75), вы-(137), до-(20), за-(224), из-(23), на-(50), о-(81), от-(68), по-(557), под-(67), пере-(11), пре-(2), пред-(1), при-(267), про-(175), раз-(188), с-(157), су-(16), не-(46), у-(193). Как видим, в названных песнях совсем не употреблены глаголы с префиксами над-, недо-, низ-, а также глаголы с иноязычными префиксами. В то же время отмечены приставки, не встречающиеся в глагольных основах в русском литературном языке: не-, су-. Например: Уж вы слуги мои, слуги верные мои, вы пойдите СУДЕРЖИТЕ удалого молодца, СУДЕРЖИТЕ, приведите к губернатору на двор (ИП XVII, с. 231); Самому ли губернатору он под суд парень НЕЙДЕТ (ИП XVII, с. 202).

³ «В глаголах наши виды и неразрывно с ними связанные сочетания глаголов с предлогами придают русскому глаголу такую живость и определенность в отношении к образу действия, какого не в состоянии выразить ни один язык из известных нам» (Чернышевский Н. Г. О словопроизводстве в русском языке. РЯШ, 1940, № 2, с. 52).

⁴ В дальнейшем ссылки на данные издания даются в тексте в скобках с указанием страницы в следующих сокращениях: Русские народные песни Карельского Поморья. Л., «Наука», 1971 (ПКП); «Исторические песни XVII века». М.—Л., «Наука», 1966 (ИП XVII); Исторические песни XVIII века. Л., «Наука», 1971 (ИП XVIII); Былины. Большая серия. Л., «Советский писатель», 1957 (Былины, 1957); Исторические песни. Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 2-е. Л., «Советский писатель», 1951 (ИП, 1951); Гильфердинг. Онежские былины. Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1949 (Гильфердинг, т. I).

⁵ Исторические песни XVII века. М.—Л., «Наука», 1966. В дальнейшем для краткости исторические песни XVII века о Степане Разине будем называть просто «Песни».

⁶ В скобках указано количество случаев употребления.

Префиксальные морфемы в языке фольклора отличаются от соответствующих морфем в русском литературном языке и степенью их активности. Наибольшей активностью в русском литературном языке, по свидетельству В. А. Никонова, обладают приставки по-, с-, у-, о-(об)⁷. В материале же «Песен» наибольшей употребительностью отличаются префиксы по- (557), при- (267), за- (224), у- (193), раз- (188).

В плане активности особое внимание привлекает употребление в фольклорных текстах префикса воз-. Старославянский по происхождению, названный префикс манифестирует как элемент возвышенного стиля⁸, и в языке устнопоэтических произведений квалифицируется как традиционно-поэтический. Приставка воз- чаще всего наблюдается при делиберативных глаголах: Не серые гуси там все ВОЗГОВАЛИ, ВОЗГОКОВАЛИ, не черные там, черны там три ворона ВОЗЛЕТЫВАЛИ, ВОЗЛЕТЫВАЛИ (ИП XVII, с. 156). Уж он громко речь ВОЗГОВОРИЛ, он ВОЗГОВОРИЛ (там же, с. 156); ВОЗРЫДАЛА еще я, голубушка, по обманщику (с. 282).

Небезынтересным представляется также наблюдение над такой особенностью префиксации языка фольклора, как «замещение» приставок. Так, в значении префикса по- в языке устнопоэтических произведений нередко отмечается приставка вы-: Да ВЫСЫЛАЕТ за ним губернатор ровно три полка солдат (ИП XVII, с. 190); префикс воз- встречается вместо префикса от-: Ты ВОСКРОЙСЯ, гробова доска (ИП XVIII, с. 152); префикс за- — вместо префиксов у-⁹, по-: Как ЗАВИДЕЛ губернатор из косящата окна, воскричал же губернатор слугам верным своим (ИП XVII, с. 182), ЗАСАДИЛИ его в стену, ЗАСАДИЛИ его в стену, в стену каменну (ИП XVII, с. 184); префикс из- отмечен вместо префикса за-: Мы ИСЧЕРПНУЛИ воды изо Камы со реки (ИП XVII, с. 177); префикс на- вместо префикса по-: Да как ты смел ли, НАСМЕЛ, губернатор, останавливать его (ИП XVII, с. 190); префикс о- вместо рас-: ОСЕРДИЛСЯ же губернатор на такого молодца (ИП XVII, с. 231);

⁷ Никонов В. А. Русское словообразование.— В кн.: Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Тезисы докладов. М., 1966, с. 24.

⁸ Не случайно в ряде вариантов песни «О сынке», из которой взят пример, отмечается глагол «увидеть»: «И увидел его губернатор из высокого нова терема... да закричал громким голосом своим (ИП XVII, с. 183).

⁹ Н. П. Некрасов отмечал, что «в народных песнях эпического склада нередко придается глаголу предлог воз-, вместо за-, для сообщения действию некоторого величия, возвышенности, усилия» (См.: Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. Пб., 1865, с. 191).

по- вместо на-: Ох да начал-почал его губернатор зычно спрашивать (ИП XVII, с. 198); и т. п.

В языке фольклора несколько иначе, чем в литературном языке, представлена вариативность префиксов. Так, префикс в- нередко имеет диалектный вариант у-: Мы УСТА-НЕМТЯ, ребята, поутру раным-раненько (ИП XVII, с. 256); Ой, не дай боже, Степаша, ума-разума придать..., чтоб Азов-город УЗЯТЬ (ИП XVII, с. 283). Префикс у- встречается в диалектном варианте во-: Мяне пушечка ня ВО-БЬЕТЬ, мелкая ружьечка ня возьмет (ИП XVII, с. 256). Приставка с- в фольклорных текстах, как и в литературном языке, может быть представлена алломорфом со-. Однако в фольклорных текстах названный алломорф употребляется значительно шире: здесь можно встретить такие слова, как соезжаться, сопадать, солетаться, сорывать, соходиться, сохватать, соковать и т. п. Примеры: Как не белые снежечки забелелися, не ясные соколочки СОЛЕТАЛИСЯ, СОЛЕТАЛИСЬ, СОЕЗЖАЛИСЬ добрые молодцы (ИП XVII, с. 151). Думается, что широкое распространение алломорфа со- в фольклорных произведениях отчасти объясняется ритмо-мелодическими условиями и своеобразием исполнения-устнопоэтических текстов. Префикс с- в фольклорных произведениях иногда представлен диалектным вариантом су-: Вот она мяне ссушила и живот сердца СУКРУШИЛА (ИП XVII, с. 256).

Особенностью системы фольклорного словообразования является также то, что в ней нередко семантически изолированные образования, когда префиксы прибавляются к таким симплексам, с которыми они в литературном языке не соединяются: заловить, отсмеять, поймать, погодиться, отрубить, упить, уесть и т. п. Например: И мы темную темницу по камню разберем, Астраханскому губернатору насмешку отсмеем (ИП XVII, с. 252). ПОГОДИЛСЯ мне, Самсону, крест на ворота (ИП 1951, с. 132); Тут ПРОСЛЫЛСЯ, ПРОЯВИЛСЯ все незнамый человек (ПП XVII, с. 249); А и УПИТО тут было, братцы, зеленого вина, еще же, братцы, УЕДЕНО сорочинского пшена, еще ж братцы, уошено цветного платья (ИП XVII, с. 157).

Фольклорные тексты, обладая истинно-народным характером, нередко фиксируют префиксальные образования, широко бытующие в простонародной речи и в литературном языке квалифицируемые как стилистически окрашенные. Чаще всего это глаголы с префиксами вы- за-, из-, на-, о- (об)-, от-, по-, при-, рас-, с-. Например: стал губернатор ВЫСПРАШИВАТИ, стал выпрашивати да стал ВЫВЕДЫВАТИ (ИП XVII, с. 188); Прошли-то они, ИЗОШЛИ всю орду азиатскую (ИП XVII, с. 158); Присудили цари его

под суд отдать, под суд отдать, кнутом ОТБИТЬ (ИП XVII, с. 251); Поворачивай, ребята, к Астрахане-городу, как и я своего сыночка ПОВЫРУЧУ, астраханского губернатора ПОВЫУЧУ (ИП XVII, с. 165); и др. Особенно распространены простонародные образования с префиксом по-, который репрезентует глаголу, вместе с многократным суффиксом -ива-, значение медленного, неторопливо совершаемого или многократного действия. Так, в исторических песнях XVII века о Степане Разине глаголы с указанным префиксом употребляются, как правило, в вариантах песни «О сынке» (Степана Разина), который с независимым видом прохаживается на глазах у властей: «Проявился тот детинка разудалый молодец, словно чепетка по городу ПОХАЖИВАЕТ, он сапог о сапог ПОКОЛАЧИВАЕТ, его шелкова рубашка ПОШУМЛИВАЕТ, бархатные шаровары ПОВЗДРАГИВАЮТ, козловые сапожки ПОСКРИПЫВАЮТ. Он по городу соколиком полетывает, городским-то он начальникам не кланяется (ИП XVII, с. 186—187).

Своеобразие языка фольклора на словообразовательном уровне ярко выражается и в распространенной здесь полипрефиксации, являющейся традиционно-фольклорным средством художественной изобразительности. В качестве вторичных чаще всего выступают префиксы по-, при-, с-; повыскочить, повыручить, повыздынуть, поотведать, поразгневаться, привытрусить, приосердиться, приудрогнуть, привезти, приусть, спонатыгивать, спроговорить, спромолвить. При этом необходимо отметить, что вторичный префикс в фольклорных произведениях, как правило, утрачивает свойственную ему в литературном языке семантику и лишь способствует подчеркиванию семантики мотивирующего глагола, либо подчеркивает интенсивность действия, выраженного мотивирующим глаголом; иногда репрезентует глаголу значение многократности. Рассмотрим примеры. Обернулся тут Микита добрым молодцем, все замочки в оружьицах ПОВЫЩЕРБИЛ, сабельки у них да все ПОВЫТУПИЛ; тесачики у них да все ПОВЫЛОМАЛ (Гильфердинг, т. I, с. 232); Да и чем же ты меня, православный царь, ПРИПОЖАЛУЕШЬ (ИП XVII, с. 280); Ну на то император ПРИУЖАХНУЛСЯ, а ретиво его сердце ПРИУДРОГНУЛО (ИП XVII, с. 212).

Итак, глагольная префиксация в языке фольклора обладает ярким своеобразием, которое в основных чертах сводится к следующему: 1) состав глагольных префиксов и их активность несколько отличается от состава префиксов и их активности в литературном языке; 2) префиксация в фольклорных текстах нередко носит просторечный и диалектный характер, в связи с чем несколько иначе, чем в литературном

языке, представлена вариантность префиксов; 3) отмечается «замещение» префиксов, присоединение их к симплексам, с которыми в литературном языке эти префиксы не сочетаются; 4) в устнопоэтических произведениях широко распространена полипрефиксация, не свойственная узусу. Все это способствует воссозданию традиционно-поэтического колорита в языке произведений устного народного творчества.

ОБ УЧЕТЕ ФАКТОРА МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВ ПРИ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Э. П. СЕНАТОРОВА

(Бийск)

Обычно считается, что единицами семантического аналитического анализа наряду с другими двуплановыми единицами языка являются слова — члены определенного лексико-грамматического класса. Но многие из этих слов являются многозначными. Поэтому возникает вопрос: что должно быть конечной единицей анализа — слово как совокупность его значений или каждый лексико-семантический вариант данного слова?

Наблюдения показывают, что, объявляя единицами анализа слова, исследователи изучают фактически лишь их отдельные значения, чаще всего — прямые. Остальные же лексико-семантические варианты не попадают в поле зрения ученого. Как правило, не ставится задача охватить анализом по возможности все лексико-семантические варианты каждого из слов изучаемой группы. В результате этого семантика слова как сложная совокупность отдельных его значений полностью не исследуется.

Такой подход наблюдается, в частности, в работах, рассматривающих вопрос о значении глаголов совершенного вида с суффиксом -ИУ-. Цель настоящей статьи — показать, что последовательное соблюдение принципа анализа по возможности всех лексико-семантических вариантов каждого глагола совершенного вида с суффиксом -ИУ- имеет следствием гораздо более полную семантическую классификацию этих единиц по сравнению с уже имеющимися классификациями и раскрывает интересные семантические связи между отдельными лексико-семантическими вариантами того или иного глагола данной группы.

Общеизвестно, что существует группа глаголов совершенного вида, объединенных на основании общего признака — наличия в их основах суффикса -ИУ-. (Это единицы типа БЛЕСНУТЬ, КАЧНУТЬ, ТОПНУТЬ и т. п.). Данная глагольная группа выделяется еще со времен М. В. Ломо-

носова и нашла свое место почти во всех значительных работах по русскому глаголу XIX и XX вв. При этом большинство авторов разделяет следующую точку зрения: указанные глаголы объединены сходными чертами не только в плане выражения (наличие суффикса -НУ-), но и в плане содержания: им присуще значение однократности (одноактности, разовости, семейфактивности) действия¹.

С этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти. Действительно, многие члены указанной группы имеют в своих значениях семантический компонент «один краткий акт из ряда ему подобных кратких актов» (ср., например, семантическую противопоставленность членов таких оппозиций, как БУХАТЬ — БУХНУТЬ молотом, ВИЛЯТЬ — ВИЛЬНУТЬ хвостом, КАРКАТЬ — КАРКНУТЬ, МАХАТЬ — МАХНУТЬ рукой, СКРИПЕТЬ — СКРИПНУТЬ стулом, ТИКАТЬ — ТИКНУТЬ, ТОПАТЬ — ТОПНУТЬ ногой, ХЛЕСТАТЬ — ХЛЕСТНУТЬ кнутом и т. п.). Однако такой тип семантической соотносительности глаголов с суффиксом -НУ- и мотивирующих единиц является далеко не единственным. Нами были выделены еще три типа, каждый из которых представлен достаточным количеством единиц². Некоторые из них упоминаются учеными, квалифицируясь как отдельные исключения из общего правила, чаще ж всего они без всяких оговорок заносятся в списки однократных глаголов. Но при этом остается совершенно неясным, каков общий компонент семантики всех этих единиц, который обозначается термином «однократность» «одноактность» действия и который делает возможным их объединение в одну семантическую группу³.

Каковы причины указанных недостатков классификации? Можно назвать несколько причин, на одной из которых мы подробно остановимся в настоящей работе, учитывая ее важность. Она состоит в следующем.

Единицами анализа ученые обычно называли глаголы с суффиксом -НУ-. Но в большинстве своем эти глаголы многозначны. Следовательно, как сложные совокупности

¹ Задачи настоящей работы делают необязательным рассмотрение вопроса о том, как определялось значение однократности различными учеными. Отметим, однако, следующее: анализ соответствующего языкового материала убедил нас, что это значение целесообразно определить следующим образом: «один краткий акт из ряда ему подобных кратких актов». Это определение мы и принимаем как данное в настоящей работе.

² Подробнее о семантической сущности каждого типа и количественном составе представляющих его единиц см. ниже.

³ С нашей точки зрения общим для всех них является лишь значение совершенного вида, стало быть, подобное объединение возможно лишь в том случае, если значение совершенного вида отождествлять со значением однократности, что невозможно при учете имеющихся определений видовой семантики.

лексико-семантических вариантов, они не могли быть (да и не были) конечными единицами анализа. Рассматривались обычно их отдельные лексико-семантические варианты. Но для того, чтобы анализ был полным, необходимо рассмотреть все лексико-семантические варианты каждого из глаголов данной группы. Такого подхода не было, что и является, на наш взгляд, одной из главных причин неполноты и неточности рассматриваемой семантической классификации. Говоря об однократных глаголах, ученые, по существу, характеризовали лишь их прямые значения, о которых говорится чаще всего в начале словарных статей. Общие черты семантики этих лексико-семантических вариантов в большинстве случаев и соответствуют в главных чертах существующим определениям значения однократности. Большая же часть остальных лексико-семантических вариантов оставалась вне поля зрения исследователей⁴.

Такой подход имеет место в трудах А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Г. К. Ульянова, А. А. Потебни и других известных лингвистов. Распространен он и в современных работах. Так, например, С. Я. Дольская в своей статье «О видовых и лексических соответствиях глаголов совершенного вида с суффиксом -НУ-»⁵ дает список 146 глаголов, обозначающих «составной» процесс, которые связаны мотивационными отношениями с глаголами однократного значения (это пары типа АЙКАТЬ — АЙКНУТЬ, АУКАТЬ — АУКНУТЬ и т. п.). Но она даже не упоминает о том, что в этом списке немало многозначных глаголов, которые имеют в своем составе не только лексико-семантические варианты, называющие конкретные «составные» действия (например, БОЛТАТЬ ногами, ВИЛЯТЬ хвостом, ДЕРГАТЬ за шнур, ДРОЖАТЬ от холода и т. п.), но и лексико-семантические варианты, называющие неконкретные действия, которые никак нельзя подвести под определение «составных» (БОЛТАТЬ — проговариваться, ВИЛЯТЬ — хитрить, ДЕРГАТЬ — волновать, тревожить, ДРОЖАТЬ — бояться чего-либо).

Иногда современные авторы намеренно делают оговорку, что они изучают лишь прямые значения глаголов⁶. Такой путь, конечно, возможен: определенные лексико-семантические варианты глаголов могут изучаться в качестве членов той или иной семантической группы. Но, очевидно,

⁴ Они-то, как правило, и входят в выделяемые нами семантические группы разных типов.

⁵ Дольская С. Я. О видовых и лексических соответствиях глаголов совершенного вида с суффиксом -ну-. — «Учен. зап. Горьковского педагогич. института». Сер. филол., вып. 95. Горький, 1969.

⁶ Блягоз З. У. К изучению глаголов перемещения современного русского языка. — «Учен. зап. Горьковского госуд. ун-та». Сер. ист.-филол., вып. 65. Горький, 1964, с. 68.

все остальные значения тоже, рано или поздно, должны стать предметом анализа и рассматриваться в тех же аспектах, что и прямые значения. Такая постановка вопроса не является распространенной. В результате оказывается, что некоторые современные исследователи лишь открыто провозглашают тот подход, который, по существу, наблюдался уже у языковедов XIX в. Полнота же анализа глагола как сложной структурной единицы отсутствует, как и ранее, ибо почти все значения глаголов совершенного вида с суффиксом -НУ-, кроме прямых, по-прежнему остаются вне поля зрения исследователей или находятся на периферии их научных интересов.

Нужно отметить, что в трудах последних лет, в связи с вниманием к проблемам полисемии и рядом других причин, провозглашается тезис о взаимосвязи всех лексико-семантических вариантов одного слова (в частности — глагола) и говорится о необходимости их изучения в сравнении, на основе тождественных и различных сторон их семантики и формальных признаков с целью более полного познания глагола как сложного целого⁷. Но эти важные теоретические положения еще не были использованы в качестве теоретического основания при конкретном анализе глаголов совершенного вида на -НУ (ТЬ), что и является одной из главных причин неполноты и неточности их семантической классификации.

Почему же исследователи анализировали, как правило, лишь прямые значения указанных глаголов? Одной из причин является, очевидно, то, что до сих пор проблемы полисемии не решены в такой мере, чтобы обеспечить с нужной степенью точности разграничение всех лексико-семантических вариантов слов и полноту их подачи в словарях. Поэтому исследователь не имеет в своем распоряжении необходимого ему для классификации инвентаря единиц. Далеко не полностью удовлетворяет в этом отношении запросы ученого и Словарь современного русского языка в 17-ти томах. Так, например, в глаголе БУЛТЫХАТЬ одним лексико-семантическим вариантом считаются, по существу, три разных значения: 1) бросаться, падать, нырять в воду, производя всплески; 2) плескаться; 3) резко, сильно передвигаться по воде⁸. Такое положение вещей очень затрудняет работу с языковым материалом и делает ее менее результативной.

⁷ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. — Автореф. на соиск. учен. степени доктора филолог. наук. Томск, Изд-во Томского ун-та, 1971, с. 28; Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ. — «Вопросы языкознания», 1967. № 1, с. 117.

⁸ Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965, с. 683—684.

Однако на данном этапе целесообразно использовать и материалы, имеющиеся в словарях, ибо работа с ними приводит к нетривиальным результатам. Семантическая классификация глаголов совершенного вида с суффиксом -НУ- и мотивирующих единиц, произведенная в настоящей работе, может, как нам кажется, служить доказательством правильности этих мыслей.

Из Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах мы выбрали все приставочные глаголы с суффиксом -НУ- и все мотивирующие глаголы. Единицей выборки считался отдельный лексико-семантический вариант (в дальнейшем — ЛЕКСА⁹). (Не все лексы глаголов на -НУ(ТЬ) и мотивирующих единиц можно включить в оппозиции, определенное их число не имеет соответствующей пары (непарными являются такие, например, лексы: ГРОМЫХНУТЬ (бросить с силой), РВАТЬ цветы и т. п.). В работе анализируются только парные лексы типа ГРОМЫХАТЬ — ГРОМЫХНУТЬ железом, РВАТЬ — РВАНУТЬ платок из рук и т. п.). Для получения более полной картины функционирования лекс в различных контекстуальных условиях примеры на указанные Словарем значения были выбраны также из ряда произведений художественной литературы. Анализ указанных лекс выявил следующие типы значений мотивированных единиц в сравнении с мотивирующими¹⁰:

1 тип (366 оппозиций). Первые члены оппозиций называют длительные конкретные действия, расчлененные на большое число кратких однородных актов, следующих непрерывно один за другим; они могут называть также определенную совокупность кратких конкретных действий, следующих одно за другим с различными по величине временными промежутками. Вторые члены называют один такой краткий акт из ряда ему подобных. Примеры оппозиций первой разновидности: БОЛТАТЬ — БОЛТНУТЬ ногами, ГРЕСТИ — ГРЕБНУТЬ веслами, ДРОЖАТЬ — ДРОГНУТЬ, ДЫШАТЬ (делать вдохи и выдохи) — ДОХНУТЬ, ТИКАТЬ — ТИКНУТЬ, ХЛЕБАТЬ суп — ХЛЕБНУТЬ супу и т. п. Примеры оппозиций второй разновидности: АУКАТЬ — АУКНУТЬ,

⁹ Определение термина см. в работе: Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. — Автореф. на соиск. учен. степени доктора филол. наук. Л., 1966, с. 5.

¹⁰ Семантическая классификация глагольных лекс произведена нами на основании формальных критериев: свойств сочетаемости этих лекс с различными приставками и со словами в составе словосочетания. Рамки настоящей работы и ее задачи не позволяют подробно остановиться на этом интересном вопросе. Мы лишь подчеркиваем, что нами обнаружены формальные подтверждения семантических особенностей каждого типа, причем прослеживаются внутренние связи между формальным и семантическим своеобразием анализируемых единиц.

ГИКАТЬ — ГИКНУТЬ, НЫРЯТЬ — НЫРНУТЬ в воду, НЮХАТЬ — НЮХНУТЬ что-либо, ПАЛИТЬ — ПАЛЬНУТЬ из ружья, ПЛЕВАТЬ — ПЛЮНУТЬ, ЧИХАТЬ — ЧИХНУТЬ, ЩЕЛКАТЬ (давать щелчки) — ЩЕЛКНУТЬ и т. п. Отметим, что именно этот тип семантической соотносительности глаголов с суффиксом -НУ- и мотивирующих единиц и выделялся учеными как единственно возможный (значения членов оппозиций противопоставлены здесь семантическими компонентами (многоактность — одноактность действия).

2 тип (92 оппозиции). Первые члены оппозиций называют конкретные действия «сплошной длительности», не расчлененные на отдельные акты. Вторые члены называют краткое, но не одноактное действие (так как не имеют в своих значениях семантического компонента «один краткий акт из ряда ему подобных»). Примеры подобных оппозиций: ГЛЯДЕТЬ — ГЛЯНУТЬ на собеседника, ДАВИТЬ — ДАВНУТЬ рукой, ДУТЬ — ДУНУТЬ (о ветре), СКОЛЬЗИТЬ — СКОЛЬЗНУТЬ вниз по склону, УЛЫБАТЬСЯ — УЛЫБНУТЬСЯ и т. д. Первые и вторые члены таких оппозиций противопоставлены только семантическими компонентами длительности — краткости действия (но не его многоактности — одноактности). Стало быть, следуя вышеприведенному определению значения одноактности, мы не можем назвать одноактными лексы типа ГЛЯНУТЬ. Обычно же они заносятся учеными в списки однократных глаголов (если вообще выделяются). Только в некоторых работах можно встретить беглые замечания о своеобразии их семантики.

К этому же типу мы отнесли оппозиций, о семантическом своеобразии которых не встретили замечаний ни в одной из известных нам работ. В этих оппозициях оба члена называют расчлененные действия, причем эта расчлененность в большинстве случаев очень нечеткая. Таковы оппозиции: БОРМОТАТЬ (о звуках, похожих на невнятную речь) — БОРМОТНУТЬ, СКРЕЖЕТАТЬ — СКРЕЖЕТНУТЬ якорными цепями, ТРЕПАТЬ — ТРЕПНУТЬ палатку (о ветре), ХИХИХАТЬ — ХИХИКНУТЬ, ШЕЛЕСТЕТЬ — ШЕЛЕСТНУТЬ (о камыше) и т. д. Члены подобных оппозиций также противопоставлены только семантическими компонентами длительности — краткости действия, почему и отнесены нами ко второму типу несмотря на некоторое своеобразие семантики.

3 тип (116 оппозиций). Первые члены называют действия, обычно совершающиеся как краткий единичный акт. Вторые члены называют те же краткие акты. Таковы оппозиции: БАБАХАТЬ — БАБАХНУТЬ (о выстреле), ГАКАТЬ (произносить «га», о человеке) — ГАКНУТЬ, ГРОХАТЬ (обрушиваться) — ГРОХНУТЬ, ЛОПАТЬСЯ — ЛОП-

НУТЬ (о пузыре), ТРОГАТЬ — ТРОНУТЬ с места, ФЫРКАТЬ (разражаться смехом, не удержавшись) — ФЫРКНУТЬ, ХЕКАТЬ (издавать короткий смешок) — ХЕКНУТЬ и т. д.¹¹. Приведенные примеры показывают, что первые и вторые члены оппозиций тождественны по своему значению (если не считать видовой противопоставленности). Стало быть, семантический компонент одноактности также отсутствует в значениях вторых членов. В работах по данной теме мы не встречали замечаний о семантическом своеобразии подобных единиц. Обычно они оцениваются как многократные — однократные глаголы (если вообще выделяются).

4. тип (114 оппозиций). Как первые, так и вторые члены называют действия большей или меньшей степени абстрактности; семантические компоненты длительности — краткости и многоактности — одноактности действия в их значениях отсутствуют. Примеры подобных оппозиций: БУХАТЬ — БУХНУТЬ (говорить-сказать, не подумав), КАСАТЬСЯ — КОСНУТЬСЯ какой-либо темы в разговоре, КИДАТЬ — КИНУТЬ подкрепления, ПИХАТЬ (заставлять, подбивать сделать что-то) — ПИХНУТЬ, РВАТЬ (брать с выгодой для себя, захватывать) — РВАНУТЬ, СОВАТЬ (навязывать негодное, ненужное) — СУНУТЬ, ТРОГАТЬ — ТРОНУТЬ сердце жалостью и т. д. Подобные лексы образованы, как правило, путем переноса наименования от лекс прямого значения. Только в некоторых работах о них упоминается как о единичных исключениях, не имеющих значения многократности — однократности действия.

Нередко вторые члены оппозиций данного типа, в отличие от первых, являются единицами субъективно-оценочной лексики и принадлежат разговорному стилю или просторечию например: АГИТИРОВАТЬ — АГИТНУТЬ, ПИСАТЬ — ПИСНУТЬ о чем-либо в газету, РАБОТАТЬ — РАБОТНУТЬ, СПЕКУЛИРОВАТЬ — СПЕКУЛЬНУТЬ и т. д. Подобные единицы выделяются некоторыми учеными в качестве самостоятельной подгруппы среди многократных — однократных глаголов, например, М. И. Морозовой¹². Однако М. И. Морозова (как и другие исследователи) не говорит с достаточной степенью четкости, имеют ли эти единицы значение однократности, да и само это значение определяет весьма своеобразно и, на наш взгляд, недостаточно убедительно.

¹¹ Семантический компонент повторяемости действия в значениях первых членов может появиться только в особых условиях контекста, например, если имеет место множественность субъектов действия (пузыри ЛОПАЛИСЬ, ребята ФЫРКАЛИ, лошади ТРОГАЛИ с места и т. д.).

¹² Морозова М. И. Словообразовательные модели глаголов у продуктивного класса в современном русском языке. — «Учен. зап. Вологодского педагогич. ин-та». Сер. филол., т. 22, 1958, с. 481.

Таким образом, вторые члены оппозиций четвертого типа также не имеют значения одноактности действия, как и вторые члены оппозиций второго и третьего типов.

Сравнение описанной в работе классификации (произведенной, как было сказано выше, на основании формальных критериев) с имеющимися классификациями указанных единиц дает право сделать следующие выводы: последовательное соблюдение принципа анализа всех лекс каждого из рассматриваемых глаголов позволило: а) за счет дополнительно выявленных лекс значительно пополнить ранее выделявшуюся группу единиц однократного значения; б) обнаружить две группы оппозиций со своеобразной семантической противопоставленностью первых и вторых членов; в) уточнить состав оппозиций четвертого типа и суть семантической противопоставленности их членов.

Далее был рассмотрен вопрос о том, могут ли объединяться в пределах одного глагола лексы разных семантических типов. Анализ языкового материала выявил следующие факты.

1. Все лексы одного глагола могут относиться к одному типу (в этих списках имеются и однозначные, и многозначные глаголы). Выявлено 183 подобных глагольных пары.

1. Только к первому типу относятся лексы 107 глагольных пар, например, таких, как АГУКАТЬ — АГУКНУТЬ, АУКАТЬ — АУКНУТЬ, ГАГАКАТЬ — ГАГАКНУТЬ, ГИКАТЬ — ГИКНУТЬ, ГРЕСТИ — ГРЕБНУТЬ, ЕКАТЬ — ЕКНУТЬ, ЗЕВАТЬ — ЗЕВНУТЬ, ИКАТЬ — ИКНУТЬ, МЕКАТЬ — МЕКНУТЬ, МЯУКАТЬ — МЯУКНУТЬ, ОЙКАТЬ — ОЙКНУТЬ, ХРУПАТЬ — ХРУПНУТЬ и т. д. Примеры в тексте:

Глаголы ГИКАТЬ — ГИКНУТЬ

Едем. Молчим. Пока
были сухи, перед дождем,
песни все пели, да крича-
ли, да ГИКАЛИ.
(Дм. Фурманов. Чапаев).

В одну минуту ей (бу-
рятке) надоело говорить
со мной, она ГИКНУЛА
и поскакала прочь.
(А. П. Чехов. Дом с мезо-
нином).

Глаголы МЯУКАТЬ — МЯУКНУТЬ

Под столом МЯУКАЛА
Мурка, клянча мясца.
(О. Смирнов. Июнь).

А кошка строго МЯУК-
НУЛА. (В. Шефнер. Сест-
ра печали).

2. Только ко второму типу относятся лексы 24 глагольных пар, например, таких, как БЛЕСТЕТЬ — БЛЕСНУТЬ, БОРМОТАТЬ — БОРМОТНУТЬ, ГЛЯДЕТЬ — ГЛЯНУТЬ, ГРОХАТЬ — ГРОХОТНУТЬ, КУРИТЬ — КУРНУТЬ, СКРЕ-

ЖЕТАТЬ — СКРЕЖЕТНУТЬ, ТОРМОЗИТЬ — ТОРМОЗ-
НУТЬ, УХМЫЛЯТЬСЯ — УХМЫЛЬНУТЬСЯ, ХОХОТАТЬ —
ХОХОТНУТЬ, ШЕЛЕСТЕТЬ — ШЕЛЕСТНУТЬ и т. д. При-
меры подобных глаголов в тексте:

Глаголы БОРМОТАТЬ — БОРМОТНУТЬ

Первое значение: «говорить — сказать что-либо невнятно».

Яков Лукич БОРМОТАЛ все одно и то же: «Чисто-
ту хотел соблюсть. Чтoб
навозу не было... Не знал,
не додумал, что оно так
выйдет».
(М. Шолохов. Поднятая
целина).

— Ты хоть при чужом
человеке телешом-то не хо-
ди, — недовольно БОРМОТ-
НУЛ Макар.
(М. Шолохов. Поднятая
целина).

Второе значение: «издавать — издать звуки,
похожие на невнятную речь»

Глубоко внизу зловеще
БОРМОТАЛ Терек.
(М. Горький. Жизнь Кли-
ма Самгина).

Вдруг море БОРМОТ-
НУЛО погромче — и Мига-
сов увидел вынырнувшую
из воды женскую головку.
(«Литературная газета»,
1969, № 24, с. 16).

Глаголы КУРИТЬ — КУРНУТЬ

Половцев в ее горенке
КУРИЛ почти напролет.
(М. Шолохов. Поднятая це-
лина).

Кретов улыбнулся. КУР-
НУЛ. КОВЫРНУЛ грунт
сапогом. (Ю. Скоп. Имя-от-
чество).

3. Только к третьему типу относятся лексы 22 глагольных пар, например, таких, как АЙКАТЬ — АЙКНУТЬ, БАБАХАТЬ — БАБАХНУТЬ, БУЛТЫХАТЬ — БУЛТЫХНУТЬ, ГАКАТЬ — ГАКНУТЬ, ГАРКАТЬ — ГАРКНУТЬ, КУКАРЕКАТЬ — КУКАРЕКНУТЬ, ПЛЮХАТЬ — ПЛЮХНУТЬ, ТПРУКАТЬ — ТПРУКНУТЬ, ХАКАТЬ — ХАКНУТЬ, ХЕКАТЬ — ХЕКНУТЬ, ХМЫКАТЬ — ХМЫКНУТЬ, ШАРАХАТЬ — ШАРАХНУТЬ и т. д. Примеры подобных глаголов в тексте:

Глаголы ГАРКАТЬ — ГАРКНУТЬ

— Фомка! — ГАРКАЛ
Никита. — Ты чего! Чита-
ешь все!.. (Ф. Панферов.
Бруски).

— Граждане-товарищи, —
ГАРКНУЛ Шленка и сра-
зу осекся. (Ф. Панферов.
Бруски).

Глаголы БУЛТЫХАТЬ — БУЛТЫХНУТЬ

...Потом его тело с размаху БУЛТЫХАЕТ в воду. (А. И. Куприн. На глухарей).

...Оттуда уж, кажется, кто-то БУЛТЫХНУЛ? (Н. С. Лесков. Соборяне).

4. Только к четвертому типу относятся лексы 30 глагольных пар, например, таких, как ГУЛЯТЬ — ГУЛЬНУТЬ, КЛИКАТЬ — КЛИКНУТЬ, КРИТИКОВАТЬ — КРИТИКНУТЬ, КУТИТЬ — КУТНУТЬ, ПРИСЯГАТЬ — ПРИСЯГНУТЬ, ПУГАТЬ — ПУГНУТЬ, РИСКОВАТЬ — РИСКНУТЬ, СМЕКАТЬ — СМЕКНУТЬ, ТУРИТЬ — ТУРНУТЬ, УЖАСАТЬ — УЖАСНУТЬ, ХВАСТАТЬ — ХВАСТНУТЬ и т. д. Примеры подобных глаголов в тексте:

Глаголы АГИТИРОВАТЬ — АГИТНУТЬ

Остальные (члены агитбригады)... вызывали в штаб гремлянцев..., в меру сил и умения АГИТИРОВАЛИ. (М. Шолохов. Поднятая целина).

— Надо здорово АГИТНУТЬ против убоя. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Глаголы ПИСАТЬ — ПИСНУТЬ

Первое значение: «изображать — изобразить графические знаки для передачи устной речи».

Татьяна... Прелестным пальчиком ПИСАЛА. На отуманенном стекле Заветный вензель О да Е. (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Не успел тебе ПИСНУТЬ перед отъездом. (П. И. Чайковский. Письмо А. И. Чайковскому, 1 июня 1870 года).

Второе значение: «сообщать — сообщить о чем-либо в письменной или печатной форме».

В газетах ПИШУТ о какой-то комете. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Вот кабы что-нибудь в этом роде ПИСНУТЬ! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни).

Третье значение: «создавать — создать, научное, литературное и т. п. произведение».

— ПИШЕТЕ стихи? — спросил Самгин. (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Может, поэт ПИСНЕТ стишок. (В. Маяковский. Мрачный юмор).

II. Лексы одного глагола могут относиться также к двум разным типам. Подобных глагольных пар в списках обнаружено 70.

1. К первому и второму типам относятся лексы 16 глагольных пар, например, таких, как БРЫЗГАТЬ — БРЫЗНУТЬ, ДУТЬ — ДУНУТЬ, ДЫШАТЬ — ДОХНУТЬ, МАХАТЬ — МАХНУТЬ, РЕЗАТЬ — РЕЗНУТЬ, РЫКАТЬ — РЫКНУТЬ, РЯВКАТЬ — РЯВКНУТЬ, ХЛЕСТАТЬ — ХЛЕСТНУТЬ и т. д. Примеры подобных глаголов в тексте:

Глаголы ДУТЬ — ДУНУТЬ

Лексы первого типа: «выпускать — выпустить сильную струю воздуха на что-либо».

Она стояла на коленях и из всех сил ДУЛА на обуглившиеся щепки, тщетно стараясь развести огонь. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Она проворно ДУНУЛА на жирник. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Лексы второго типа: «веять, производить движение воздуха — повеять, произвести движение воздуха».

Целый день ДУЛ тёплый ветер. (Э. Сетон-Томпсон. Рассказы о животных).

ДУНЕТ тогда, бывало, ветер, и белый духовитый цвет летит по балке. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Глаголы ДЫШАТЬ — ДОХНУТЬ

Лексы первого типа: «вбирать и выпускать воздух — вобрать и выпустить воздух».

Вонмигласов поднимает колени до локтей, шевелит пальцами,... прерывисто ДЫШИТ. (А. П. Чехов. Хирургия).

(Райский)... подошёл к форточке, ДОХНУЛ свежим воздухом. (Гончаров. Обрыв).

Лексы второго типа: «веять, обдавать — повеять, обдать».

Голландская печь ДЫШАЛА жаром. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Навстречу им жарко ДОХНУЛ сухой и горячий... ветер из степи. (М. Шолохов. Поднятая целина).

2. К первому и третьему типам относятся лексы 24 глагольных пар, например, таких, как КАШЛЯТЬ — КАШЛЯНУТЬ, КИВАТЬ — КИВНУТЬ, КРЯКАТЬ — КРЯКНУТЬ, МИГАТЬ — МИГНУТЬ, МОРГАТЬ — МОРГНУТЬ, НЫРЯТЬ — НЫРНУТЬ, ТАКАТЬ — ТАКНУТЬ, УХАТЬ — УХНУТЬ, ФЫРКАТЬ — ФЫРКНУТЬ, ШМЫГАТЬ — ШМЫГНУТЬ и т. д. Примеры подобных глаголов в тексте:

Глаголы МИГАТЬ — МИГНУТЬ

Лексы первого типа: «непроизвольно поднимать и опускать веки — непроизвольно поднять и опустить веки».

Он (Ёжиков) и в глаза-то Фёдору ни разу не посмотрел прямо — всё МИГАЕТ да смотрит в землю.
(Дм. Фурманов. Чапаев).

Артём обратился к старику-машинисту Политовскому: «Везём, говоришь, папаша?» Тот сердито МИГНУЛ из-под нависших бровей: «Да, повезёшь, ежели тебя штыком в спину».
(Н. Островский. Как закалялась сталь).

Лексы третьего типа: «движением век подавать сигнал — движением век подать сигнал».

Павел Васильевич МИГАЕТ на дверь и шепчет...
(А. П. Чехов. Накануне поста).

Нагульнов МИГНУЛ Давыдову, вышел. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Глаголы ФЫРКАТЬ — ФЫРКНУТЬ.

Лексы первого типа: «издавать глухие отрывистые звуки, выпуская с шумом воздух,—издать глухой отрывистый звук».

Неподалёку ФЫРКАЛ конь. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Лошадь ФЫРКНУЛА, вздрогнула, и верёвка... туго натянулась. (Э. Сетон-Томпсон. Рассказы о животных).

Лексы третьего типа: «усмехаться, производя звук носом, губами,—усмехнуться, произведя звук носом, губами».

Она иногда употребляла такие словечки, что ребята ФЫРКАЛИ в рукав.
(В. Шефнер. Сестра печали)

Давыдов весело ФЫРКНУЛ. (М. Шолохов. Поднятая целина).

3. К первому и четвёртому типам относятся лексы 22 глагольных пар, например, таких, как БОЛТАТЬ — БОЛТНУТЬ, ВЯКАТЬ — ВЯКНУТЬ, КАСАТЬСЯ — КОСНУТЬСЯ, КЛЕВАТЬ — КЛЮНУТЬ, КОЛОТЬ — КОЛЬНУТЬ, МЕЛЬКАТЬ — МЕЛЬКНУТЬ, НЮХАТЬ — НЮХНУТЬ, ПИХАТЬ — ПИХНУТЬ, ТИСКАТЬ — ТИСНУТЬ, ТОЛКАТЬ — ТОЛКНУТЬ, ТРЯСТИ — ТРЯХНУТЬ, ЦОПАТЬ — ЦОПНУТЬ, ШВЫРЯТЬ — ШВЫРНУТЬ и т. д. Примеры подобных глаголов в тексте:

Глаголы КАСАТЬСЯ — КОСНУТЬСЯ

Лексы первого типа: «дотрагиваться, прикасаться — дотронуться, прикоснуться».

Подходила Лыска робко, трусливо изгибаясь, точно её лапы КАСАЛИСЬ не земли, а раскалённой плиты. (А. П. Чехов. Нахлебники).

Какой-то мягкий махровый цветок на высоком стебле нежно КОСНУЛСЯ моей щеки. (А. П. Чехов. Агафья).

Лексы четвёртого типа: «затрагивать — затронуть в разговоре какую-либо тему».

— Я литератор и не позволю вам КАСАТЬСЯ гласности. (А. П. Чехов. Брожение умов).

Мы невольно КОСНУЛИСЬ быта народа. (Григорьевич. В ожидании парома).

Глаголы ТОЛКАТЬ — ТОЛКНУТЬ

Лексы первого типа: «наносить удары толчком, тычком — нанести удар толчком, тычком».

Когда бабушка подбегала к нему (деду), он молча ТОЛКАЛ её локтем и ногою. (М. Горький. Детство).

Давыдов ТОЛКНУЛ под столом ногою Нагульнова. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Лексы четвёртого типа: «побуждать — побудить к чему-либо».

Неведомая ему (Никите) сила поднимала его, ТОЛКАЛА куда-то. (М. Горький. Дело Артамоновых).

— ...Горе её (Варю) на всё может ТОЛКНУТЬ, факт. (М. Шолохов. Поднятая целина).

4. Ко второму и четвёртому типам относятся лексы следующих глаголов: ДАВИТЬ — ДАВНУТЬ, СКОЛЬЗИТЬ — СКОЛЬЗНУТЬ, СТРЕКАТЬ — СТРЕКНУТЬ, УЛЫБАТЬСЯ — УЛЫБНУТЬСЯ, ЩЕКОТАТЬ — ЩЕКОТНУТЬ, например:

Глаголы ДАВИТЬ — ДАВНУТЬ

Лексы второго типа: «жать, прижимать — нажать, прижать».

Он (Половцев) со злостью и отвращением ДАВИТ пальцами ей (жене Хопрова) за ушами. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Кирсанов говорит: «Посмотри, как легко мне тебя задушить», — и ДАВНУЛ горло. (Н. Г. Чернышевский. Что делать?).

Лексы четвертого типа: «заглушать, подавлять — заглушить, подавить».

Реалистическая критика не ДАВИТ великих талантов. (Писарев. Прогулка по садам российской словесности).

(Эльчанинов)... не чужд был ДАВНУТЬ тех, которых считал ниже себя. (Писемский. Боярщина).

5. К третьему и четвёртому типам относятся лексы следующих глаголов: КОКАТЬ — КОКНУТЬ, ЛОПАТЬСЯ — ЛОПНУТЬ, ТРАХАТЬ — ТРАХНУТЬ, например:

Глаголы ЛОПАТЬСЯ — ЛОПНУТЬ

Лексы третьего типа

Около них (больших льдин) кружились, кувыркались, ЛОПАЛИСЬ мелкие. (Ф. Панфёров. Бруски).

Льдина от удара ЛОПНУЛА и вместе с Сивашёвым скользнула в воду. (Ф. Панфёров. Бруски).

Лексы четвертого типа: «разоряться — разориться».

Наши акционерные компании ЛОПАЮТСЯ. (Д. И. Писарев. Реалисты).

— Ну, как ЛОПНЕТ (компания), вот я и без гроша. (И. А. Гончаров. Обломов).

III. Лексы одного глагола могут относиться также к трем разным типам. Подобных глагольных пар в списках обнаружено 17.

1. К первому, второму и четвёртому типам относятся лексы глаголов КРИЧАТЬ — КРИКНУТЬ, ПИЩАТЬ — ПИСКНУТЬ, СВИСТЕТЬ — СВИСТНУТЬ, ЦАРАПАТЬ — ЦАРАПНУТЬ. Примеры подобных глагольных пар в тексте:

Глаголы СВИСТЕТЬ — СВИСТНУТЬ.

Лексы первого типа: «о звуках, производимых предметом при трении».

СВИСТЯТ на осях колёса, цепляясь зубьями. (Л. Толстой. Война и мир).

СВИСТНУЛИ лемеха, и трактор заревел, зарычал. (Ф. Панфёров. Бруски).

Лексы второго типа: «с большой силой вытекать — ударить сильной струёй».

Из дыры в голове так и СВИЩЕТ кровь чёрная. (Л. Толстой. Кавказский пленник).

У одного (петуха) из гребня цевкой СВИСТНУЛА кровь. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Лексы четвертого типа: «звать — позвать свистом, свистком».

— СВИСТИ скорее извозчика... (Н. С. Лесков. Грабёж).

Дядя Ерошка СВИСТ-
НУЛ собак... (Л. Толстой.
Казачьи).

2. К первому, третьему и четвертому типам относятся лексы 13 глагольных пар, например, таких, как БУХАТЬ — БУХНУТЬ, КИДАТЬ — КИНУТЬ, ПРЫГАТЬ — ПРЫГНУТЬ, РВАТЬ — РВАНУТЬ, СТРЕЛЯТЬ — СТРЕЛЬНУТЬ, ТРОГАТЬ — ТРОНУТЬ, ФУКАТЬ — ФУКНУТЬ, ХЛОПАТЬ — ХЛОПНУТЬ, ШЛЕПАТЬ — ШЛЕПНУТЬ и т. д. Примеры подобных глаголов в тексте:

Глаголы РВАТЬ — РВАНУТЬ

Лексы первого типа: «налетать порывами — налететь порывом».

Ветер дул резкий и неопределённый: он РВАЛ без направления, со всех сторон, словно атаковал невидимого врага. (Дм. Фурманов. Чапаев).

Колокольчика не было слышно, но РВАНУЛ над крышей ветер, и в потёмках за окном опять зазвякало. А. П. Чехов. Ведьма).

Лексы третьего типа: «рывком снимать — рывком снять».

...Перед ним молча РВАЛИ с себя шапки дьяки (А. Н. Толстой. Пётр I).

Он РВАНУЛ с вешалки пальто. (П. М. Невежин. Тихий приют).

Лексы четвертого типа: «брать с выгодой для себя, захватывать — взять с выгодой для себя, захватить».

И другие — помельче — люди РВАЛИ каждый себе. (А. Н. Толстой. Пётр I).

...То-то в полную волюшку РВАНЁТ он с православных. (Л. Леонов. Русский лес).

Глаголы ТРОГАТЬ — ТРОНУТЬ

Лексы первого типа: «прикасаться, дотрагиваться — прикоснуться, дотронуться».

Он меня обнимал, всё руками ТРОГАЛ. (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Размётнов... ТРОНУЛ плечо Давыдова. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Лексы третьего типа: «двигаться с места, начинать движение — двинуться с места, начать движение».

...Паровоз, имеющий манеру ТРОГАТЬ с места так, что пассажиры падают с диванов. (И. Бунин. Новая дорога).

Лексы четвертого типа: «вызывать сочувствие, сострадание, волновать — вызвать сочувствие, сострадание, взволновать».

Лапшинов... ТРОГАЛ доходчивые к жалости бабьи сердца. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Кони ТРОНУЛИ и пошли крутой рысью. (Вс. Вишневский. Война).

Доселе Мои слова не ТРОНУЛИ его (М. Ю. Лермонтов. Маскарад).

IV. Наконец, лексы одного глагола могут относиться ко всем четырём типам. Это наблюдается в глаголах ДВИГАТЬ — ДВИНУТЬ и ПРЫСКАТЬ — ПРЫСНУТЬ. Примеры в тексте:

Глаголы ДВИГАТЬ — ДВИНУТЬ.

Лексы первого типа: «шевелить что-либо, производить движения чем-либо — шевельнуть что-либо».

Стану в смиреньи Черпать забвенья и для друзей Резвой рукою ДВИГАТЬ струною Арфы моей. (А. С. Пушкин. Измены).

Деревья листьями не ДВИНУТ. (А. К. Толстой. Не пенится море).

Лексы второго типа: «перемещать — переместить не поднимая, таща».

ДВИГАТЬ шкаф от стены к стене.

Илья нетерпеливо ДВИНУЛ свою чашку по подносу. (М. Горький. Трое).

Лексы третьего типа: «отправляться, трогаться — отправиться, тронуться».

— Чего стоять? Что там? Наши — ДВИГАЙ! (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Я... с вокзала ДВИНУ прямо к вам. (А. П. Чехов. Письмо Мизиновой, 10 окт., 1893).

Лексы четвёртого типа: «продвигать, ускорять — продвигнуть, ускорить».

Сельская молодёжь и прежде всего комсомольцы должны серьёзно взяться за изучение агротехники, чтобы ДВИГАТЬ работу своего колхоза вперёд. («Правда», 16, 1, 1944, передовая статья).

Благодаря вот этому приспособлению можно сильно ДВИНУТЬ выработку вперёд. (А. Караваева. Разбер).

Для обобщения сказанного о распределении лекс разных типов в пределах одного глагола приводим следующую таблицу:

Семантический тип, к которому относятся лексы глаголов	Количество глагольных пар, лексы которых относятся к данному типу
1	107
2	24
3	22
4	30
1 и 2	16
1 и 3	24
1 и 4	22
2 и 4	5
3 и 4	3
1, 2 и	4
1, 3 и 4	13
1, 2, 3 и 4	2

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что в пределах одного глагола сосуществуют лексы разных семантических типов. Поэтому многозначный глагол не может быть конечной единицей семантического анализа. Вначале необходимо определить своеобразие значения каждого из его лексико-семантических вариантов и только потом делать выводы о семантике всего глагола как сложного целого. Несоблюдение этого принципа приводило до сих пор по крайней мере к двум ошибкам.

1. Исследователи выделяли группы лексико-семантических вариантов, объединенных общностью одного или нескольких семантических компонентов, но называли их семантическими группами глаголов. Например, традиционно выделяются семантические группы глаголов движения, речи, звучания и т. д. Но глаголы ли это, если они многозначны? Во многих случаях ответ на этот вопрос может быть только отрицательным.

2. Глагол как сложное семантическое единство, по существу, не изучался. Такое изучение — следующий этап после классификации отдельных лекс по специфике их значения. Но как можно познать целое, не познав всех его составляющих?

Указанные ошибки наблюдаются также и в работах, посвященных вопросам семантической классификации слов других лексико-грамматических классов, а не только глаголов. Их преодоление, как нам кажется, будет способствовать более плодотворному изучению семантики слова во всей её сложности.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В ПРИЛЕНСКИХ ГОВОРАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

М. А. СЕРЫШЕВА

(Иркутск)

В лексической системе приленских говоров диалектные имена существительные — наименования лиц, мотивированные глаголами, представлены сравнительно богато. Среди них выделяются обозначения лиц: 1) по непосредственно совершенному или привычному действию, по действию как характерному признаку, по поступку, склонности к чему-либо и т. д.; 2) по роду занятий, временных или постоянных, по выполняемой работе или по профессии.

Первые лексические единицы, называя лицо, как правило, одновременно передают различное отношение говорящего к нему. Такая тесная связь номинативной и оценочной функций создает яркие выразительно-изобразительные качества слов. Обычно подобные образования не имеют однословного эквивалента не только в книжно-литературном языке, но и в разговорной литературной речи, где им соответствуют лишь описательные формы: БАЗЛАН — не просто крикун, а тот, кто кричит сильно, надрывно — БАЗЛАЕТ; СТРАМИЛА — не просто грубиян, а тот, кто грубит и оскорбляет — СТРАМИТ.

Однако обозначения лиц по действиям, поступкам и т. д. оказываются не в одинаковой степени осложненными эмоционально-оценочными моментами.

Эта неодинаковость диктуется прежде всего различным характером исходных слов, семантически мотивирующих производную единицу.

Большая часть наименований лиц образуется на базе глаголов в их прямом значении. Производящие единицы этого плана являются либо нейтральными, выполняющими в языке только номинативную функцию, либо оценочными, заключающими в себе, помимо назывной функции, добавочную информацию о понятии.

Другие обозначения лиц появляются на основе переносных значений глаголов. Известно, что главным образом ме-

тафора характеризует. По мнению А. И. Ефимова, это происходит потому, что «в процессе метафоризации усиливаются преимущественно качественные признаки. В силу этого метафорические значения экспрессивны, в них заложены оценочные характеристические признаки»¹.

Имена существительные, образованные от основ нейтральных глаголов, не одинаковы по своим номинативно-экспрессивным качествам. Одни из них употребляются преимущественно для обозначения человека как носителя какого-либо постоянного признака-процесса: говорить — ГОВОРОК — 1) разговорчивый человек, 2) умеющий рассказать о многом; ГОВОРУХА — то же значение (о женщине); извековать — ИЗВЕКОВАЛЕЦ — человек, проживший всю жизнь на одном месте; насторожиться — НАСТОРОЖКА — осторожная женщина, девочка.

Эти слова могут употребляться с оттенком одобрения, теплоты, расположения: «Никанор Григорьевич — говорок, в Чикане долго жил, охотничал, много видел, расскажет, темный уж теперь» (Т.).

Другие существительные, обозначая название лица, дают ему неодобрительную характеристику: попросить — ПОПРОШУЛЯ — попрошайка, брезговать — БРЕЗГУЛЯ — брезгливый человек; молчать — МОЛЧУГА — угрюмый, молчаливый человек: «Ну молчуга заявился, слова не выдавишь» (Д. З.).

Производные имена во всех случаях усвоили прямое, нейтральное, значение глагола. Некоторые же из них приобрели в процессе словопроизводства экспрессивный оттенок, не характерный для производящей основы. Он возник в производном слове под непосредственным влиянием суффиксов, являющихся здесь не только носителями логического значения, но и экспрессивно-оценочными модификаторами: попросить — слово лишено какой-либо эмоциональной нагрузки, но ПОПРОШУЛЯ — неодобрительное; молчать — нейтральное, но МОЛЧУГА — презрительно-пренебрежительное, образованное посредством презрительно-увеличительного или усилительного суффикса -УГ-А². Такой способностью обладают лишь очень экспрессивные аффиксы, яркую выразительность которых мотивирующая основа нейтрализовать не в силах.

Имена существительные, образовавшиеся от оценочных глаголов в прямом значении, всегда характеризуются эмоциональной окрашенностью, обычно отрицательной, источник которой легко обнаруживается в эмоционально-оценочной окрашенности производящего слова, обозначающего действие отрицательного качества: ЗАЕДАТЬСЯ — напрашиваться на

¹ Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1957, с. 83.

² Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 76.

скандал, «лезти на драку» — ЗАЕДУГА, БАЗЛАТЬ — БАЗЛАН; ВЯКАТЬ, ВЯНЬГАТЬ — плакать, «ныть» беспричинно, постоянно просить о чем-либо — ВЯКУША, ВЯНЬГУША, ВЯНЬГУН.

Слова — характеристики от названных глаголов образуются преимущественно с помощью экспрессивных суффиксов, которые являются интенсификаторами оттенков, присущих мотивирующим глаголам. Так, оттенок недоброжелательности, презрительности, характерный для глаголов ИЗЪЕДАТЬСЯ, СТРАМИТЬ и др., в сочетании образующей основы с суффиксом имени становится наиболее выпуклым: «Это такой ИЗЪЕДУГА, что жить с им совсем тяжело стало, ушла» (Зн.). «СТРАМИЛА-то та всяко, ить всяко бабу выставила» (Д. З.).

На основе оценочных глаголов формируются в небольшом количестве наименования лиц мужского рода также морфемами, лишенными какой-либо характеризующей функции: -ЩИК, -ЛЫЩИК, -НИК: ИЗГАЛЯТЬСЯ — ИЗГАЛЫЩИК (реже изгальник) — тот, кто постоянно, изощренно издевается — «ИЗГАЛЯЦА»; ПРОКУДИТЬ — ПРОКУДНИК — проказник, озорник; КОЧЕВРЯЖИТЬ (ся) — КОЧЕВРЯЖНИК — упрямый, чванливый; АЛЮСИТЬ — АЛЮСНИК — лстец, подхалим.

Степень эмоционально-оценочной окрашенности этих лексем полностью продиктована образующими словами, она не претерпевает никаких изменений при создании новых единиц, в отличие от имен с экспрессивными аффиксами. Сравним синонимы с разными суффиксами, мотивированные одним и тем же словом: ЗАЕДАЛЬЩИК — ЗАЕДУГА — зачинщик ссор, скандалист. Большая экспрессивность второго слова определяется резко презрительным суффиксом -УГ-А, она проявляется постоянно, вне зависимости от контекста.

Не случаен тот факт, что значительная часть слов, для которых мотивирующими стали оценочные глаголы, образуется безаффиксным способом. Нулевые суффиксы в таких именах существительных подчеркивают полную семантико-экспрессивную мотивированность подобных образований глагольными основами: ГОРЛОПАН — тот, кто кричит очень сильно — горлопанить; ХЛЮЗДА — тот, кто не соглашается с мнением, требованием окружающих, высказывает свои претензии и т. д. (чаще в детской речи).

Способность глагола употребляться в переносных значениях увеличивает его и без того широкие словообразовательные связи. Диалектных наименований лиц по склонностям, действиям как характерным признакам, образованных от глагольных основ с метафорическим значением, зафиксировано значительно больше, чем наименований, образовавшихся от нейт-

ральных глаголов. Продуктивность и закономерность их появления отмечается вообще в обиходно-разговорной речи³.

От отдельных многозначных глаголов в говорах образовались многозначные же наименования лиц. Слово «сопеть» с общенародным значением «тяжело дыша, издавать (носом) шипящие звуки с небольшим присвистом»⁴ и диалектными «долго, медленно и неумело делать что-либо», «быть недовольным, ворчать» стало мотивирующим для названия лица СОПУН во всех его значениях: 1) тот, кто издает носом шипящие звуки при тяжелом дыхании; и 2) человек неумелый, медлительный; 3) неуживчивый. От глагола ГНУСИТЬ (в говорах «гнусеть») с общенародным значением «говорить, петь в нос»⁵ и диалектным «брюзжать, проявлять постоянно недовольство» образовано слово ГНУСУН, называющее и того, кто говорит гнусаво, и того, кто всегда недоволен окружающим.

Чаще диалектные лексические единицы появляются на базе многозначных глаголов только в их переносном значении: НЕСПУСТИХА — неуступчивый, вздорный человек, от (не СПУСТИТЬ — (не) уступить); РЕЗУН — находчивый от РЕЗАТЬ — быстро и находчиво отвечать, говорить и т. д. Это позволяет говорить о сужении семантического объема имени по сравнению с семантическим объемом мотивирующего глагола⁶.

Посредством образований от глаголов-метафор говорящий высказывает свое отношение к недостаткам людей. Осуждение вызывают нескромность, неумение, привычка говорить неправду и т. д.: ВООБРАЖУЛЯ — тот, кто о себе очень высокого мнения, кто ведет себя неестественно, от глагола «воображать» — вести себя неестественно; быть о себе высокого мнения; ХЛЮПНЯ и ХЛЮПИХА — лгун, лгунья от глагола «хлюпать» — лгать: «...Да ты его больше слушай, хлюпиху, он тебе нахлюпат. Ты чё его слушаешь? Он ить хлюпиха-то добрый, он тебе наговорит с три короба» (Ал.) «Молчи ты, болтуша, ить как есть хлюпиха» (Ж.).

В отдельных случаях выразительная характеристика, заключенная в названиях лиц, может быть положительной, что зависит от ситуационной обусловленности. Так, слова ПОДМАЗУЛЯ, ЗАЛИВАЛА и некоторые другие могут носить характер ласковой снисходительности: «Весело с ним бывает, ЗАЛИВАЛА, прямо всяко горе забудешь» (Т.). «ПОДМАЗУЛЕ моей чо-то опять надо (о маленькой девочке, прижавшейся к бабушке)» Л.).

³ Тихонов А. И. О семантической соотносительности производящих и производных слов. — «Вопросы языкознания», 1967, № 1, с. 115—116.

⁴ Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1. М., 1957, с. 430.

⁵ Там же.

⁶ Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования в русском литературном языке нового времени. М., «Наука», 1969, с. 143.

Как и в именах от оценочных глаголов с прямым значением, в наименованиях лиц, возникших на базе глагольных форм с переносными значениями, основную эмоционально-экспрессивную нагрузку несут производящие основы, а не суффиксы. Об этом отчётливо свидетельствуют слова-характеристики, образованные безаффиксным способом и посредством нейтральных суффиксов: ОБЛАЯТЬ — ОБЛАЙ — грубиян, сквернослов; ВЫЖИМАТЬ — ВЫЖИМКА — жадный, корыстолюбивый и др.

Отглагольные оценочные наименования лиц образуются посредством большого количества суффиксов, самыми же продуктивными являются -УН, -УШ-А, -Л-А.

Аффикс -УН в языке обнаруживается в лексических единицах, несущих в словарях обычно помету «разг.» и «прост.»: болтун, врун, брехун, хвостун и др. Продуктивность этой морфемы определяется по-разному.

В «Грамматике современного русского литературного языка» словообразовательный тип с формантом -УН (мотивированность глаголами), по которому преимущественно создаются слова со значением лица, признан продуктивным в основном в разговорной речи⁷. Авторы «Грамматики русского языка» этот же тип называют малопродуктивным⁸. В. В. Виноградовым⁹ суффикс -УН отнесен к малопродуктивным, а Н. М. Шанским¹⁰ и З. А. Потиха¹¹ — к непродуктивным.

Почти полное отсутствие новообразований на -УН в литературном языке¹² не позволяет считать эту морфему здесь продуктивной, в говорах ее следует характеризовать как самую активную в оценочных наименованиях лиц мужского рода, мотивированных глаголами¹³.

Суффикс -УН, указывающий на усиленную склонность лица к свершению каких-либо действий, лишь в единичных случаях в говорах присоединяется к основам нейтральных глаголов. ПОПИВУН — тот, кто пьёт много воды. Это образование не содержит какой-либо дополнительной информации о предмете речи, оно лишь фиксирует объективные данные. Аффикс выступает здесь в роли усилителя процессуального призна-

⁷ Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 51.

⁸ Грамматика русского языка. М., 1960, с. 102.

⁹ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 102.

¹⁰ Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 109.

¹¹ Потиха З. А. Русское словообразование. М., 1970, с. 173.

¹² Там же.

¹³ Кашевская Ю. И. Образование оценочных агентивных существительных в говоре села Кабанск (Восточное Прибайкалье). — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, с. 201.

ка, обозначенного глаголом, но не в качестве средства, выражающего отношение говорящего к названному лицу.

В подавляющем же большинстве случаев суффикс -УН, создающий эмоционально-экспрессивные характеристики, сочетается с основами глагольных форм, основное значение которых осложняется отрицательной оценкой: ВЕРТУН — надоедливо подвижный, очень беспокойный, «вертучий»; ХАПУН — жадный, корыстолюбивый; БУРЧУН — ворчливый: «Старик-то бурчун был. С утра бурчит на одну невестку, потом на других, с обеда опять с первой начинат» (Ж.).

Общеславянский по происхождению суффикс слов общего рода -УШ-А приобрел значительную продуктивность лишь в северно-русских говорах¹⁴. В русском литературном языке словообразовательные типы с этой морфемой, по которым образуются наименования лиц, относятся к числу непродуктивных¹⁵.

В наших диалектах, в основу которых легли северно-русские говоры¹⁶, посредством суффикса УШ-А образован целый ряд слов, мотивированных оценочными глаголами: БОЛТУША — болтун, сплетник; ХЛОПУША — лгун, обманщик; БОТАЛУША — 1) болтун, 2) (одобр.) тот, кто хорошо говорит в раннем возрасте: «Брось собирать-то, боталуша (Л.). Нет, от его ничо не добьешься, Ванька наш годок ему, а боталуша такой дак ...» (Д. З.).

Аффикс концентрирует преимущественно отрицательный оттенок, характерный для производящих основ. Так, особой окраской пренебрежения отличается слово ПОДЕРГУША, давая резко негативную характеристику человеку взвинченному, часто меняющему свои намерения: «Пришла опять эта подергуша, смотреть аж противно (Тим.). Подергуша тот тебе чо-то обещал, и не верь, только наговорит» (Ч.).

В разговорной речи и диалектах широко распространены очень экспрессивные наименования общего рода с суффиксом -Л-А¹⁷. Они обозначают лицо либо по его постоянной деятельности, либо по выполнению действия, названного мотивирующим глаголом.

Активен этот аффикс и в приленских говорах: заедала, вьянгала, страмила, прижимала — скупой, жадный и т. д.

¹⁴ Герд А. С. Морфологическое словообразование имен существительных в современном русском языке (имена существительные с суффиксами УХ-А, УШ-А, ОТ-А, Б-А). — Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1962, с. 18.

¹⁵ Грамматика русского языка, с. 229.

¹⁶ Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, с. 6.

¹⁷ Вольтер Э. А. Разыскания по вопросу о грамматическом роде. СПб., 1882, с. 2.

Другие суффиксы отглагольных оценочных наименований в диалектном словопроизводстве или менее продуктивны, например, аффиксы наименований лиц мужского рода: -ЩИК, -НИК, -АН (-ЯН), -АК (-ЯК); суффиксы слов общего рода: -УГ-А, -ИХ-А, -УЛ-Я; или зафиксированы только в отдельных словах: -ТЕЛЬ, -Н-Я, -К-А, -ЫШ и др.

Причину невысокой продуктивности суффикса -ЩИК (-ЧИК) в образовании оценочных наименований следует видеть в наблюдающейся в языке сравнительно четкой дифференциации словообразовательных средств по значению. Эта морфема преимущественно в говорах оформляет названия лиц по роду профессиональных занятий. Суффикс -ИК (-НИК) свободнее и в диалектном и в общенародном языке сочетается с именными, чем с глагольными основами.

Аффикс -ТЕЛЬ, отмеченный в наименованиях лиц: СОМУСТИТЕЛЬ — соблазнитель и ИЗДЕВАТЕЛЬ, ПРИСТАТЕЛЬ — считается вообще не характерным для народного русского языка¹⁸. О необычности этой морфемы для словопроизводства говоров свидетельствуют и варианты образования к слову ИЗДЕВАТЕЛЬ — ИЗДЕВАТЕЛЬЩИК и ИЗДЕВАТЕЛЬНИК и отсутствие с этим суффиксом диалектных наименований лиц по профессии, роду активной деятельности.

В целом же категория экспрессивных наименований лиц в говорах не перестает пополняться. В литературном языке словопроизводство слов-характеристик, таких как «шаркун», «притворщик», «пузан» и т. д., идет на убыль¹⁹. В настоящее время активнее образуются наименования лиц не по какому-либо внешнему признаку, а по производственной деятельности, по общественному положению человека, по отношению к научному, идейному течению и т. д.²⁰

Продуктивность оценочных образований в диалектах, как и в просторечии, отвечает потребностям и особенностям устной непринужденной речи давать тем или иным лицам исчерпывающие характеризующие наименования, которые преимущественно являются словами общего или мужского рода. Преобладают среди них существительные общего рода. Именно единицы этой категории, в большинстве своем «эмоционально окрашенные слова», «иногда носящие резкий отпечаток фамильярного и даже вульгарного стиля», проникли

¹⁸ Обнорский С. П. К истории словообразования современного русского литературного языка. — В сб.: «Русская речь». Новая серия. Л., 1927.

¹⁹ Виноградов В. В. Вопросы русского словообразования. — РЯШ, 1951, № 2, с. 9—10; Шанский Н. М. Указ. соч., с. 169; Хохлачев В. Н. Указ. соч., с. 133.

²⁰ Шанский Н. М. Указ. соч., с. 169.

«в литературный язык из живой устной речи»²¹. Оценочно-отрицательный характер их обуславливается почти всегда мотивирующими глагольными формами, обладающими в народном русском языке, по словам А. М. Горького, «отличной образностью»²².

Семантико-структурные производящие основы, как правило, при присоединении словообразующего суффикса теряют конечный гласный: ПРОКУРАТИТЬ — ПРОКУРАТНИК — шутник, озорник, проказник; ПОДЖИМАТЬСЯ — ПОДЖИМУЛЯ — тот, кто заискивает перед начальством, выгодным ему человеком; ИЗГАЛЯТЬСЯ — ИЗГАЛЬЩИК, ИЗЪЕДАТЬСЯ — ИЗЪЕДУГА и т. д. Морфемы -Л-А, -ТЕЛЬ, -ЛЕЦ соединяются с образующей основой в ее полном составе: ВЯНЬГАТЬ — ВЯНЬГАЛА; ИЗДЕВАТЬСЯ — ИЗДЕВАТЕЛЬ; ИЗВЕКОВАТЬ — ИЗВЕКОВАЛЕЦ.

Усеченной основа оказывается и в том случае, если от нее производятся наименования лиц безаффиксным способом, сравнительно активным в говорах: БЕЛЕНТЯСИТЬ — БЕЛЕНТЯС — болтун, пустослов; ОБЛАЯТЬ — ОБЛАЙ.

В круг производящих оказываются введенными основы глаголов различных грамматических категорий и структур. Строгой последовательности избрания глагольной основы тем или иным суффиксом нет. Однако установить некоторые закономерные связи аффиксов с мотивирующими основами возможно. Суффикс -Л-А, как правило, сочетается с основами переходных глаголов несовершенного вида (заливала — заливать, прижимала — прижимать). Аффиксы -УН, -УГ-А, -НИК, -УЛ-Я преимущественно присоединяются к основам переходных глаголов несовершенного вида (гну́сун — гну́сать, молчу́га — молча́ть, заеду́га — заеда́ться, ашау́льник — ашау́лить, хвасту́ля — хваста́ть. Очень редко в качестве производящих используются глаголы совершенного вида приставочные и бесприставочные (сомуститель — сомустить — соблазнить, сбить с толку; облай — облаять).

Наименования лиц по роду занятий, временных или постоянных, получают номинативную функцию по названию действия, выполняемого в процессе работы, в отдельных случаях по названию способа деятельности и профессии: подавать — ПОДАВАЛЬЩИК — тот, кто подает сено на стог при его кладке; метать — МЕТАЛЬЩИК — тот, кто «мечет» — складывает сено в стог; подскребать — ПОДСКРЕБАЛЬЩИК — тот, кто собирает граблями сено²³, боронить — БОРОНЯГА —

²¹ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 74.

²² Русские писатели о языке. Л., 1954, с. 717.

²³ Подробно о наименованиях деятелей мужского рода см.: Серышева М. А. Имена существительные с суффиксом -ЩИК (-ЧИК) и его

тот, кто боронит; молотить — МОЛОТЯГА — тот, кто молотит; белить — БЕЛЕЛЬЩИЦА — та, которая белит; доить — ДОЕЛЬЩИЦА — доярка и др.

Выступая обозначениями носителей тех или иных действий, эти слова могут приобретать в отдельных случаях экспрессивные оттенки (одобрительности, неодобрительности и т. д.). Однако эту способность они получают уже будучи готовыми лексическими единицами, а не перенимают ее от сугубо нейтральных наименований действий — мотивирующих глаголов.

Среди наименований деятелей слова женского рода очень малочисленны. Диалектные лексемы обозначают чаще названия женщин не по роду деятельности, а по характерным признакам: ОБИХОДНИЦА — аккуратная женщина, КОСМАТУХА — непричесанная женщина, девочка (чаще о ребенке). Такие слова-характеристики образуются, как правило, от основ имен прилагательных, обозначающих признаки, качества, свойства какого-либо лица: старательная женщина, девочка — СТАРАТЕЛЬНИЦА, хитрая — ХИТРУХА, ХИТРУШКА.

Названия деятелей женского пола стали входить в диалектный язык сравнительно недавно в связи с широким участием женщины в жизни деревни: «зачинальщица», «доельщица», «пропольщица». Они образуются преимущественно по типу «основа переходного глагола + -льщиц-а».

Имена существительные мужского рода создаются посредством присоединения к глагольным основам суффиксов -ЩИК, -ЛЬЩИК. Слов этой родовой категории, образованных от глаголов посредством других аффиксов, мало. Причем одни из них встречаются редко (молотяга, бороняга), другие (отпускник, отпущенник — тот, кто «отпускал» — отправлял жениха с невестой и всех сопровождающих в церковь) можно слышать лишь в речи самых старых жителей отдаленных деревень.

Как видно, в диалектном словопроизводстве в той и другой родовой категориях установилась достаточно тесная связь между наименованиями деятелей и словообразовательными типами. Подобной концентрации оценочных названий лиц вокруг какой-либо словообразовательной модели не наблюдается.

Итак, отглагольные имена существительные — наименования лица составляют в приленских говорах значительный лексический пласт. Особое место среди них занимают оценочные слова преимущественно общего и мужского рода. Экспрессивная окрашенность названий лица определяется

производными. — Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока, IV. Улан-Удэ, 1966.

мотивирующим словом. Эмоционально-оценочные качества несут производные от оценочных глаголов или от глагольных форм, употребленных в переносном значении. Реже наименование лица в процессе словопроизводства может приобрести окраску, не характерную для производящего слова. В таких случаях эмоциональная выразительность появляется как результат модифицирующей роли экспрессивных словообразующих средств. Наиболее продуктивными в образовании слов-характеристик являются суффиксы -УН, -Л-А, УШ-А.

Взаимодействие основ оценочных глаголов и суффиксов, которые интенсифицируют выразительные возможности мотивирующих слов, создает яркий эмоционально-экспрессивный характер диалектных наименований лиц.

Имена существительные со значением лица обычно опираются не на все значения многозначного мотивирующего глагола, а чаще всего на одно, реже на два — три.

Список сокращенных названий деревень Жигаловского и Киренского районов

Ал. — Алымовка
Д. З. — Дальняя Загора
Ж. — Жигалово
Зн. — Знаменка
Л. — Лукиново
Т. — Тутура
Тим. — Тимошино

О ВТОРИЧНОЙ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ ГЛАГОЛОВ

С. Н. ЦЫБУЛИНА

(Томск)

Основная цель работы: указать на факт соотносительности наличия — отсутствия объекта действия глагола и наличия — отсутствия форм вторичного несовершенного вида глагола. Справочным материалом послужили данные словарей¹. Исследовалось около 1328 глаголов современного русского языка (из них 1028 невозвратных глаголов и 300 глаголов с частицей -СЯ). Применялся метод оппозиционного анализа. Под объектом действия понимается «то лицо или тот предмет, на который направлено глагольное действие»². В данной работе учитываются у невозвратных глаголов объекты в форме существительных и местоимений в винительном падеже без предлога, у глаголов с частицей -СЯ в форме существительных и местоимений в именительном падеже.

Выделилась группа невозвратных глаголов (189 глаголов) с противопоставленными значениями:

приобретать признак	наделять признаком,
делаться каким-либо	делать кого-либо, что-либо каким-либо.

Глаголы противопоставлены в основном по признаку отсутствия — наличия объекта действия, причем этот признак выражен формально суффиксами -Е(ТЬ), -И(ТЬ).

Например:

1. Цепенеть	цепенить (кого-либо)
становиться неподвижным ³	приводить в оцепенение, сковывать кого-либо ³

¹ Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. М.—Л., 1948—1965; Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1957—1961; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1968.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1968, с. 279.

2. Черстветь

1. 'Становиться черствым (о хлебе)'

2. Перен. 'становиться черствым (о сердце, о человеке)'

3. _____

черствить (кого-либо, что-либо)

делать черствым (сердце, человека)'

лохматить (кого-либо, что-либо)

'делать лохматым, растрепанным'

4. Влажнеть

становиться влажным'

Данную группу глаголов составили соотносительные глаголы (64 глагола), по приведенным примерам — это 1-я и 2-я оппозиции. Причем при анализе учитывалась соотносительность глаголов по лексико-семантическим вариантам, так, во 2-й оппозиции соотносительность — по 2-му варианту «черстветь» (о сердце) и единственному, который имеется у другого глагола, «черствить» (сердце). Несоотносительные глаголы (125 глаголов), по данным примерам — это 3-я и 4-я оппозиции, не имеющие соответствующей пары в оппозиции. Однако общий принцип противопоставления и в этом случае не нарушается.

Рассмотрим видовые цепи некоторых глаголов:

1. Пьянеть (н. с. в.)
'становиться пьяным'//
перен. 'приходить в состояние, подобное опьянению'

Опьянеть (сов. в.)
'стать пьяным'// перен.
'прийти в восторженное состояние'

нет н. с. в.

2. Цепенеть (н. с. в.)
оцепенеть (сов. в.)

1) 'стать неподвижным, замереть'

2) перен. 'застыть, остановиться в развитии'

— пьянить кого-либо (н. с. в.)
'делать пьяным кого-либо'//
перен. 'приводить в состояние, подобное опьянению, кого-либо'

— опьянить кого-либо
(сов. в.) 'привести в состояние опьянения'// перен.
'привести в восторженное состояние'

— опьянять кого-либо
(н. с. в.)

— цепенить кого-либо
(н. с. в.)

— оцепенить кого-либо, что-либо (сов. в.)

1) 'делать неподвижным, как бы застывшим кого-либо'

2) перен. останавливать, сковывать в развитии что-либо'

нет н. с. в.

3. Черстветь (н. с. в.)
очерстветь (сов. в.)
'стать равнодушным,
неотзывчивым, черст-
вым (о человеке)'

нет н. с. в.

4. Рыхлеть (н. с. в.)
разрыхлеть (сов. в.)

нет н. с. в.

5. Синеть (н. с. в.)
посинеть (сов. в.)

нет н. с. в.

6. Советь (н. с. в.)
осоветь (сов. в.)
нет н. с. в.

7. _____

8. Свирепеть (н. с. в.)
освирепеть (сов. в.)
нет н. с. в.
рассвирепеть (сов. в.)
нет н. с. в.

9. _____

- оцепенять кого-либо, что-
либо (н. с. в.)
— черствить кого-либо, что-
либо (н. с. в.)
— очерствить кого-либо, что-
либо (сов. в.) 'сделать
равнодушным, неотзывчи-
вым (человека)'
— очерствлять кого-либо
(н. с. в.)
— рыхлить что-либо (сов. в.)
— разрыхлить что-либо
(сов. в.)
— разрыхлять что-либо
(н. с. в.)
— синить что-либо (н. с. в.)
высинить что-либо (сов. в.)
подсинить что-либо (сов. в.)
высинивать что-либо (н. с. в.)
подсинять что-либо
(н. с. в.)
-

- бодрить кого-либо (н. с. в.)
взбодрить кого-либо
(сов. в.)
подбодрить кого-либо
(сов. в.)
взбодрять кого-либо
(н. с. в.)
подбодрять кого-либо
(н. с. в.)
-

- косматить кого-либо, что-
либо (н. с. в.)
раскосматить кого-либо,
что-либо (сов. в.)
раскосмачивать кого-либо,
что-либо (н. с. в.)

Примерно 80% глаголов этой группы обнаруживают за-
кономерность: глаголы, не имеющие объекта действия, не

имеют форм вторичной имперфективации, а глаголы, имеющие объект действия, имеют и формы вторичного несовершенного вида.

У 20% глаголов наблюдаются отклонения от указанной закономерности.

Например:

1. Желтеть (н. с. в.)
зажелтеть, нет н. с. в.
пожелтеть, нет н. с. в.	— желтеть что-либо (н. с. в.)
пожелтеть что-либо
(сов. в.)
нет н. с. в.
пережелтеть что-либо
(сов. в.), нет н. с. в.
2. Скудеть (н. с. в.)
оскудеть (сов. в.)
оскудевать (н. с. в.)	_____
3. _____	— горбить что-либо (н. с. в.)
изгорбить что-либо
(сов. в.)
нет н. с. в.

Остальные невозвратные глаголы (839 глаголов) были сгруппированы по наличию — отсутствию форм вторичной имперфективации в 3 группы. Первая группа глаголов — все приставочные глаголы, соотнесенные с бесприставочными, имеют формы вторичного несовершенного вида. Вторая группа — все приставочные глаголы, соотнесенные с бесприставочными, не имеют форм вторичного несовершенного вида. Третья группа — некоторые приставочные глаголы, соотнесенные с бесприставочными, имеют формы вторичной имперфективации, а некоторые нет. Затем глаголы в группах рассматривались со стороны отсутствия — наличия объекта действия у них.

Первая группа глаголов (371 глагол), все префиксальные глаголы совершенного вида, соотнесенные с беспрефиксными глаголами несовершенного вида, не имеют форм вторичной имперфективации. Из них 267 глаголов не имеют объекта действия, т. е. у 72% глаголов сохраняется указанная выше закономерность.

Например:

1. Бурлить (н. с. в.)
 забурлить (сов. в.), нет н. с. в.
 взбурлить (сов. в.), нет н. с. в.
2. Греть (н. с. в.)
 отгреть (сов. в.), нет н. с. в.
 загреть (сов. в.), нет н. с. в.
 погреть (сов. в.), нет н. с. в.

3. Чахнуть (н. с. в.). Сов. в. перечахнуть,
нет н. с. в.
зачахнуть (сов. в.), нет н. с. в.
исчахнуть (сов. в.), нет н. с. в.
почахнуть (сов. в.), нет н. с. в.

Отклонения от наблюдаемой закономерности отмечены у 28% глаголов.

Например:

1. Сулить что-либо (н. с. в.)
посулить что-либо (сов. в.), нет н. с. в.
2. Дубасить кого-либо (н. с. в.)
отдубасить кого-либо (сов. в.), нет н. с. в.

Около 12 глаголов этой группы без приставок не имеют объекта действия, а с некоторыми приставками имеют объект действия, однако форм вторичной имперфективации нет.

Например: клеветать (н. с. в.) — оклеветать кого-либо (сов. в.) — нет н. с. в.

Вторая группа (121 глагол) — все префиксальные глаголы, соотнесенные с беспрефиксными, имеют формы вторичного несовершенного вида. Из них у 109 глаголов есть объект действия, т. е. у 90% глаголов обнаруживается данная закономерность.

Например:

1. Членить что-либо (н. с. в.) — расчленить что-либо (сов. в.) — расчленять что-либо (н. с. в.),
членить что-либо (н. с. в.) — отчленить что-либо (сов. в.) — отчленять что-либо (н. с. в.).
2. Паковать что-либо (н. с. в.) — упаковать что-либо (сов. в.) — упаковывать что-либо (н. с. в.),
паковать что-либо (н. с. в.) — распаковать что-либо (сов. в.) — распаковывать что-либо (н. с. в.),
паковать что-либо (н. с. в.) — запаковать что-либо (сов. в.) — запаковывать что-либо (н. с. в.).

9 глаголов без приставок не имеют объекта действия, а с некоторыми приставками имеют объект действия.

Например: миротворить (н. с. в.) — умиротворить кого-либо (сов. в.) — умиротворять кого-либо (н. с. в.).

Около 10% глаголов нарушают закономерность (не имеют объекта действия при наличии форм вторичной имперфективации).

Например: трунить (н. с. в.) — подтрунить (сов. в.) — подтрунивать (н. с. в.).

Третья группа — 357 глаголов. Некоторые приставочные глаголы, соотнесенные с бесприставочными, имеют формы вторичной имперфективации, а некоторые нет. В этой группе 71% глаголов подчиняется указанной закономерности.

Например:

1. Стеречь кого-либо, что-либо (н. с. в.) — подстеречь кого-либо (сов. в.) — подстерегать кого-либо (н. с. в.),
стеречь кого-либо, что-либо (н. с. в.) — устеречь кого-либо (сов. в.) — устерегать кого-либо (н. с. в.),
стеречь кого-либо, что-либо (н. с. в.) — простеречь (кого-либо стеречь какое-либо время; прокараулить кого-либо, что-либо) (сов. в.) — нет н. с. в.,

стеречь кого-либо, что-либо (н. с. в.) — постеречь (кого-либо, что-либо стеречь некоторое время) (сов. в.) — нет н. с. в.

2. Шатать кого-либо, что-либо (н. с. в.) — расшатать кого-либо, что-либо (сов. в.) — расшатывать кого-либо, что-либо (н. с. в.),

шатать что-либо, кого-либо (н. с. в.) — зашатать (что-либо, кого-либо начать шатать) (сов. в.) — нет н. с. в.,

шатать что-либо, кого-либо (н. с. в.) — пошатать что-либо, кого-либо (сов. в.) (что-либо, кого-либо шатать некоторое время) — нет н. с. в.

У приведенных выше глаголов, казалось, нарушена указанная закономерность: глаголы имеют объект действия, а форм вторичной имперфективации у глаголов с приставками по-; за-; про- — нет. Дело в том, что данные приставки в этих и подобных случаях (таких префиксальных глаголов в 3-й группе около 200) обозначают время протекания действия, а не направленность действия на достижение результата, поэтому объект действия при таких глаголах, как правило, не обязателен. Если объект действия имеется, то он не влияет на значение глагола (на это обращалось внимание. См., например: Цыбулина С. Н. О некоторых особенностях сочетаемости приставки за- с глагольными основами. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск. 1971). Таким образом, можно считать, что подобные случаи не нарушают общей закономерности. Не нарушена закономерность и в следующих случаях (53 глагола).

ворожить (н. с. в.) — поворожить (сов. в.) — нет н. с. в.,

ворожить (н. с. в.) — обворожить кого-либо (сов. в.) — обвораживать кого-либо (н. с. в.),

ворожить (н. с. в.) — заморозить кого-либо (сов. в.) — замораживать кого-либо (н. с. в.),

ворожить (н. с. в.) — наворожить что-либо (сов. в.) — навораживать что-либо (н. с. в.) и другие.

Формы вторичной имперфективации обнаруживаются

у тех глаголов, у которых с присоединением приставок появляется объект действия, поэтому нарушения закономерности нет.

Отклонения наблюдаются у 29% глаголов этой группы. Например:

1. Дробить что-либо (н. с. в.) — надробить что-либо (сов. в.) — нет н. с. в.

2. Прыгать (н. с. в.) — упрыгать (сов. в.) — упрыгивать (н. с. в.),

прыгать (н. с. в.) — допрыгать (сов. в.) (до чего-либо) — допрыгивать (н. с. в.) (до чего-либо), прыгать (н. с. в.) — припрыгать (сов. в.) — припрыгивать (н. с. в.).

В 1-й оппозиции есть объект действия, нет формы вторичной имперфективации. Во 2-й оппозиции объекта действия нет, есть формы вторичного несовершенного вида.

Таким образом, примерно у 78% всех исследованных невозвратных глаголов проявляется указанная выше закономерность. Наиболее показательными для данных наблюдений являются оппозиции типа:

трезветь (н. с. в.) 'становиться трезвым'	— трезвить кого-либо (н. с. в.) 'делать трезвым, отрезвлять кого-либо'
отрезветь (сов. в.) 'стать трезвым, освободиться от хмеля'// перен. 'освободиться от иллюзий'	— отрезвить (сов. в.) 'привести в трезвое состояние'//перен. 'освободить от каких-либо иллюзий'
нет н. с. в.	— отрезвлять кого-либо (н. с. в.)
протрезветь (сов. в.) 'стать трезвым'	— протрезвить кого-либо (сов. в.) 'привести в трезвое состояние'
нет н. с. в.	— протрезвлять кого-либо (н. с. в.).

У членов этих оппозиций и глаголы, и приставки соотносительны как по форме, так и по значению, а противопоставлены члены оппозиций по отсутствию — наличию объекта действия, к тому же противопоставление выражено суффиксами -е(ть), -и(ть). Это противопоставление поддерживается отсутствием — наличием форм вторичной имперфективации.

В принципе у глаголов на -е(ть) в данных оппозициях есть объект действия, но специфика объекта в том, что он грамматически, да и фактически не ограничен от субъекта действия³: S=о, V=е(ть). Он отрезвел. Он охмелел, и дру-

³ Используются обозначения: S — субъект действия, О — объект действия, V — глагол.

гие. В отличие, например, от объектов действия глаголов на -и(ть): Холод отрезвил его. SV=и(ть)0. В отличие от объектов других исследованных глаголов невозвратных и с частицей -ся, имеющих объект действия: Она измылила кусок мыла. S им. п. V о вин. п. Субъект и объект действия грамматически разграничены (в частности, формами падежей), фактически также не совпадают. Кусок мыла измылился ею. о им. п. VS тв. п. Субъект и объект действия также разграничены и фактически, и грамматически формами падежей. Грамматическая невыраженность объекта действия глаголов на -е(ть) в рассмотренных выше оппозициях позволяет причислить их к глаголам, не имеющим объекта действия.

Дополнительно к анализу были привлечены глаголы с возвратной частицей -СЯ (300 глаголов), соотносительные с глаголами невозвратной конструкции. У всех этих глаголов есть объект действия. Около 240 глаголов из них имеют формы вторичной имперфективации, т. е. приблизительно 80% глаголов сохраняют соотносительность наличия объекта действия глагола и наличия у него формы вторичного несовершенного вида.

Например:

1. (вялить рыбу)	— (рыба вялится)
вялить рыбу (н. с. в.)	— рыба вялится (н. с. в.)
завялить рыбу (сов. в.)	— рыба завялится (сов. в.)
завяливать рыбу	— рыба завяливается (н. с. в.)
(н. с. в.)	
вялить рыбу (н. с. в.)	— рыба вялится (н. с. в.)
проявлять рыбу	— рыба проявится (сов. в.)
(сов. в.)	
проявливать рыбу	— рыба проявивается
(н. с. в.)	(н. с. в.)
2. (жарить мясо)	— (мясо жарится)
жарить мясо (н. с. в.)	— мясо жарится (н. с. в.)
обжарить мясо	— мясо обжарится (сов. в.)
(сов. в.)	
обжаривать мясо	— мясо обжаривается (н. с. в.),
(н. с. в.)	
жарить мясо (н. с. в.)	— мясо жарится (н. с. в.)
поджарить мясо	— мясо поджарится (сов. в.)
(сов. в.)	
поджаривать мясо	— мясо поджаривается
(н. с. в.)	(н. с. в.)

Отклонение от закономерностей имеется у 20% глаголов (проявляется отсутствием формы вторичного несовершенного вида).

Например:

^v (жарить мясо)	^v — (мясо жарится)
пожарить мясо (сов. в.)	— мясо пожарится (сов. в.)
1) 'подвергнуть жарению'	1) 'подвергнуться жарению'
2) 'жарить некоторое время'	2) 'жариться некоторое время'
нет н. с. в.	— нет н. с. в.

Приставка ПО- в этом примере имеет и результативное значение, при котором объект обязателен, однако форм вторичной имперфективации нет.

Следовательно, приблизительно 79% всех исследованных глаголов (невозвратных и с частицей -СЯ) обнаруживают соотносительность наличия — отсутствия у глагола объекта действия и наличия — отсутствия у него форм вторичной имперфективации. По отношению ко всей глагольной лексике наблюдаемая соотносительность не является абсолютной закономерностью, что показывают и наши примеры, а имеет характер тенденции.

В лингвистической литературе есть указания на связь несоотносительности глаголов (т. е. отсутствия форм вторичной имперфективации у них) с их непереходностью⁴.

Исследованный материал позволяет уточнить это представление, связать в общем плане отсутствие — наличие форм вторичной имперфективации глагола с наличием — отсутствием у него объекта действия. О том, что здесь дело не столько в формальной непереходности глагола, сколько в его семантической характеристике, говорит и Е. А. Земская в указанной выше работе: «Одновидовые приставочные глаголы совершенного вида, независимо от значения производящих основ, обычно употребляются как непереходные, так как они обозначают временные пределы действия, силу, интенсивность или слабость действия, а не направленность действия на предмет, произведение предмета или оказание на него какого-либо воздействия...» (с. 32). Действительно, исследованные глаголы с частицей -СЯ непереходные (т. к. эта частица делает глаголы формально непереходными), а в основной своей массе они, как показал материал, имеют формы вторичной имперфективации обычно при наличии у них объекта действия. Собственно, наличие и отсутствие форм

⁴ Григорян С. С. Несотносительные приставочные глаголы совершенного вида в современном русском литературном языке. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1951; Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. — В сб.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1955; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 15—20.

вторичной имперфективации — дело формо-словообразования глагола. А наличие — отсутствие объекта действия глагола есть как бы внешняя характеристика со стороны сочетаемости.

Однако доказанный в настоящее время факт связи внешней и внутренней валентности глагола позволяет и то, и другое рассматривать в определенном плане как явления одного порядка (соотносительные). В данной работе не ставилась задача — раскрыть причины, наблюдаемой соотносительности. Но несомненно то, что здесь обнаруживается, хотя и опосредованная, связь категории вида и категории залога. У О. М. Соколова читаем: «Категория вида отнюдь не менее синтаксична, чем залог, более того, и та, и другая категории взаимно связаны и взаимно обусловлены именно через характер субъектно-объектных отношений»⁵. Реакция категории вида отсутствием — наличием форм вторичной имперфективации глагола на объект действия, который очень важен в содержании категории залога, свидетельствует о связи категорий.

⁵ Соколов О. М. Семантическая характеристика глагольного слова. — В сб.: «Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР». Вып. 5. Лингвистика. Томск, 1972, с. 113.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛОВ НА -И(ТЬ) И МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

М. Н. ЯНЦЕНЕЦКАЯ

(Томск)

Одной из первостепенных задач дериватологии следует считать установление типов семантических отношений, существующих в современном русском языке между деривационно связанными словами. Созданию общей типологии деривационных семантических связей современного русского языка должна предшествовать работа по выявлению конкретных видов этих отношений.

Нет сомнения в том, что лексико-грамматические показатели деривационно связанных слов, их принадлежность к той или иной части речи, играет существенную роль в создании своеобразия семантических мотивационных отношений. В силу разной лексико-грамматической природы мотивирующих единиц, предопределяющей их неодинаковую способность к семантической трансформации, создаются разные виды семантических отношений даже в том случае, когда мотивируемые слова относятся к одной части речи и образованы с помощью одного и того же суффикса. Например, характер семантических отношений между глаголами на -И(ТЬ) и базовыми существительными носит принципиально иной характер, нежели между глаголами на -И(ТЬ) и базовыми прилагательными.

Данная статья посвящена описанию правил семантической мотивации, которые характеризуют семантические связи между глаголами на -И(ТЬ) и мотивирующими их именами прилагательными¹. Анализ материала проводился оппозиционным методом: путем последовательного сопоставления всех значений глагола со всеми значениями мотивирующего прилагательного².

¹ Выбор материала производился по «Словарю русского языка», в 4-х т. М., 1957—1961 (МАС).

² Метод оппозиционного анализа используется в работах О. М. Соколова (См.: Вопросы префиксальной дивергенции.— В сб.: Вопросы языка и литературы. Томск, 1970) и др.

Как известно, отадъективные глаголы на -И(ТЬ) могут быть переходными и непереходными; первым приписывается значение каузирования признака, вторым — значение проявления признака. Общее их деривационное значение определяется как значение действия, имеющего отношение к признаку, названному мотивирующим прилагательным³. Указанная грамматическая неоднородность и различия в деривационном значении глаголов, образованных при помощи одинаковых средств (от прилагательных с помощью суффикса -И-), вызывает постановку вопросов следующего характера: «Каковы правила семантической мотивации глаголов обеих групп? С чем связано наличие или отсутствие у данных глаголов лексико-грамматического значения переходности? Действительно ли «суффикс -Ø-//-И(ТЬ) не имеет самостоятельного значения», и «в глаголе нет формального элемента, с которым связывались бы допустимые различия в значениях»?⁴. Для того чтобы получить ответы на поставленные вопросы, мы проанализировали с точки зрения семантических отношений мотивационно связанные пары «прилагательное — глагол» обоих видов, учитывая все значения базовых прилагательных и мотивируемых ими глаголов.

1

Значением наделения признаком обладает наибольшая часть отадъективных глаголов на -И(ТЬ), многие из которых имеют несколько лексико-семантических вариантов. Это глаголы⁵: БАГРЯНИТЬ (лед); БЕЛИТЬ (стены, лицо, холст); БОГАТИТЬ (сады); БОДРИТЬ (силы); ВЕСЕЛИТЬ (человека, взор); ГОРЯЧИТЬ (щеки, воображение, коней); ГРЯЗНИТЬ (руки, семью); ГУСТИТЬ (чернила); ЖЕЛТИТЬ (стены); ЗЕЛЕНИТЬ (крышу, деревья); ЗЛИТЬ (человека); КОСМАТИТЬ (волосы); КРЕПИТЬ (рельсы, силы, оборону, желудок); КРИВИТЬ (саблю, рот); КРУГЛИТЬ (глаза); ЛЕДЕНИТЬ (воду, пальцы, сердце); ЛОХМАТИТЬ (бороду, тучу); МЕЛЬЧИТЬ (комья, дрова, образ); МЕРТВИТЬ (траву, сердце); МОЛОДИТЬ (женщину); МОХНАТИТЬ (ткань); МРАЧИТЬ (вечер, душу, мыс-

³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, (АГ-70), с. 232.

⁴ Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом -Ø-//-и-(ть). — Развитие словообразования современного русского языка. М., «Наука», 1966, с. 109.

⁵ Здесь и дальше глаголы и прилагательные, приводимые в качестве примеров, берутся в одном из своих значений. Данное в скобках существительное позволяет практически представить, какое значение глагола или прилагательного имеется в виду; при этом количество существительных соответствует количеству значений глагола или прилагательного, при котором эти существительные стоят.

ли); МУТИТЬ (воду, душу, разум, брата); МЯГЧИТЬ (кожу, грусть, душу, взгляд, смысл закона); ПОЛНИТЬ (душу); ПОЛНИТЬ (человека); ПЬЯНИТЬ (человека, воображение); РЖАВИТЬ (крышу); РУМЯНИТЬ (щеки, восток); РЫХЛИТЬ (почву); СВЕТЛИТЬ (пуговицы); СИНИТЬ (ткань, белье); СКВЕРНИТЬ (младенца); СЛАБИТЬ (больного); СТАРИТЬ (человека, лицо); ТЕМНИТЬ (кабинет, серебро); ТЕПЛИТЬ (душу, глаза); ТОЛСТИТЬ (женщину); ТУПИТЬ (нож); ТЯЖЕЛИТЬ (чемодан, тело, лицо, шаги, здание); ХОЛОДИТЬ (воду, душу); ХМЕЛИТЬ (человека, фантазию); ХМУРИТЬ (лоб); ЦЕЛИТЬ (человека травами); ЧЕРНИТЬ (усы, семью); ЧЕРСТВИТЬ (сердце); ЧИСТИТЬ (ковер, двор, сапоги, картофель, карман, человека на все лады, человека по зубам); ШЕРШАВИТЬ (кожу, степь); ШИРИТЬ (глаза, движение за мир) и др.

Анализ мотивационных отношений между данными глаголами и базовыми прилагательными позволил выявить особенности мотивирующей семантики, те рамки, в пределах которых происходит трансформация адъективного значения в процессуальное. Наши наблюдения могут быть представлены в виде следующих правил мотивации:

1. Глаголы на -И(ТЬ) мотивируются такими прилагательными, которые обозначают признак, непосредственно присущий предмету. Ср.: БАГРЯНОЕ (небо) — БАГРЯНИТЬ, БЕЛАЯ (стена) — БЕЛИТЬ, БОДРЫЙ (человек) — БОДРИТЬ, ВЕСЕЛЫЙ (человек) — ВЕСЕЛИТЬ, ГОРЯЧИЕ (щеки) — ГОРЯЧИТЬ, ГРЯЗНЫЙ (пол) — ГРЯЗНИТЬ, ГУСТОЙ (кисель) — ГУСТИТЬ, ДЫРЯВАЯ (кофта) — ДЫРЯВИТЬ, ЗЛАЯ (собака) — ЗЛИТЬ, КОСОЙ (рот) — КОСИТЬ, КОСМАТЫЕ (волосы) — КОСМАТИТЬ, КРИВЫЕ (губы) — КРИВИТЬ, КРУГЛЫЕ (глаза) — КРУГЛИТЬ, ЛЕДЯНАЯ (вода) — ЛЕДЕНИТЬ, МЕРТВАЯ (степь) — МЕРТВИТЬ, МРАЧНОЕ (небо) — МРАЧИТЬ, МУТНАЯ (вода) — МУТИТЬ, ОСТРЫЙ (меч) — ОСТРИТЬ, ПЕСТРОЕ (полотно) — ПЕСТРИТЬ, ПЬЯНЫЙ (человек) — ПЬЯНИТЬ, РЖАВОЕ (железо) — РЖАВИТЬ, РУМЯНЫЕ (щеки) — РУМЯНИТЬ, РЫХЛАЯ (почва) — РЫХЛИТЬ, СИНЯЯ (ткань) — СИНИТЬ, СТАРЫЙ (человек) — СТАРИТЬ, ТЕМНЫЙ (кабинет) — ТЕМНИТЬ, ТРЕЗВЫЙ (человек) — ТРЕЗВИТЬ, ТУПОЙ (нож) — ТУПИТЬ, ТЯЖЕЛЫЙ (чемодан) — ТЯЖЕЛИТЬ, ХМУРЫЙ (лоб) — ХМУРИТЬ, ХОЛОДНЫЕ (руки) — ХОЛОДИТЬ, ЧЕРНОЕ (сукно) — ЧЕРНИТЬ, ЧЕРСТВОВОЕ (сердце) — ЧЕРСТВИТЬ, ЧИСТЫЙ (ковер) — ЧИСТИТЬ, ШЕРШАВЫЕ (руки) — ШЕРШАВИТЬ, ШИРОКИЕ (глаза) — ШИРИТЬ и др.

Этой особенности мотивирующих прилагательных противостоит целый ряд семантических характеристик, запрещающих установление мотивационных отношений между прилагательными и глаголами на -И(ТЬ). Отметим, что отсутствие «глагольных» соответствий у тех или иных адъективных значений не обязательно свидетельствует о деривационных семантических ограничениях. Оно может говорить о том, что носители языка не испытывают необходимости в наименовании соответствующего действия. Однако если рассматривать лексико-семантические варианты прилагательных, не соотносимые с глагольными значениями, в совокупности, то можно прийти к определенным выводам: наличие общих семантических черт у «несоотносимых» адъективных значений делает возможным интерпретировать эти черты как такие показатели, которые ограничивают отношения семантической мотивации в пределах рассматриваемой деривационной оппозиции.

Наш материал позволяет назвать несколько видов адъективных значений, обладающих подобными негативными свойствами. Не вступают в мотивационные отношения лексико-семантические варианты (лексы) прилагательных, обозначающие признаки, которые характеризуют предмет: а) через указание на назначение предмета: БЕЛАЯ (горница), ГРЯЗНОЕ (ведро), ЧЕРНЫЙ (ход), ЧИСТЫЙ (ход); б) путем сравнения с другим предметом или с самим собой в разное время существования: ГРЯЗНАЯ (бледность), ПЬЯНАЯ (песня), СТАРАЯ (монета), СТАРЫЙ (университет); в) через количественное сопоставление предмета с возможной его частью: КРУГЛЫЙ (год), ПОЛНОЕ (ведро), ПОЛНАЯ (победа), ПОЛНЫЙ (день), ЦЕЛАЯ (картофелина), ЧИСТАЯ (прибыль), ЧИСТЫЙ (вес); г) через качественное уподобление целому, частью которого характеризуемый предмет является, ср.: ЛЕДЯНОЙ 'холодно вежливый' (тон) — (тон) холодно вежливого человека; ЧИСТЫЙ (взгляд) — (взгляд) чистого человека, т. е. человека чистой души. Независимо от степени дробности выделяемых групп все прилагательные данного типа характеризуют предмет опосредованно, т. е. являются или собственно относительными, или близко к ним стоящими⁶. К последним мы

⁶ Известно, что различие между качественными и относительными прилагательными «не имеет ярко или резко выраженного характера, так как одно и то же имя прилагательное может совмещать качественные значения с относительными» (Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953, с. 24). Ср. также: «Разграничение прилагательных на качественные и относительные не является грамматическим, так как не имеет последовательного формального выражения, хотя прилагательные этих разрядов и обнаруживают в ряде случаев особенности в образовании форм: отно-

относим такие прилагательные, которые в силу способности выражать разную интенсивность признака могут быть названы качественными⁷, но в то же время включают в свою семантику момент соотнесения характеризуемого предмета с другим явлением. Эта особенность адъективного значения плохо соотносится с семантикой глагола, выражающего прямое воздействие на объект, а не уподобление его чему-либо и не изменению его функций.

2. Прилагательные, мотивирующие глаголы на -И(ТЬ), обозначают признаки, способные к возникновению в предмете и количественному изменению (примеры см. выше). Когда же прилагательные выражают признаки, присущие предмету с момента его «появления», не способные возникнуть и развиваться в уже существующем предмете, тогда они не дают мотивационных пар с глаголами на -И(ТЬ): БЕЛЫЕ (ночи), ЗЕЛЕНый (корм), ЗЕЛЕНые (щи), ЧЕРНАЯ (работа), ЧЕРНые (дворы), ЧЕРНый (народ), ЧИСТАЯ (работа) и др.

Заметим, что прилагательные со значением признака, характеризующего предмет «опосредованно», также не имеют семы возникновения признака в предмете, так как элемент «отношения», выступая в качестве определяющего в их семантике, снимает вопрос о возможности — невозможности возникновения признака, делает его для данных прилагательных несущественным, а сами прилагательные — неспособными мотивировать глаголы на -И(ТЬ).

3. Особенностью прилагательных, мотивирующих глаголы на -И(ТЬ), является также обозначение ими такого признака, причина возникновения которого может находиться вне предмета-носителя этого признака. В самом деле, для багряного неба источником появления признака «багряный» может быть солнце, белыми стены могут стать в результате действий маляра, бодрым человеком можно быть от воздуха, солнца, веселым — от каких-либо приятных событий дня и т. п. Лексико-семантические варианты прилагательных, выражающие подобные признаки, как показано выше, имеют глагольные пары (БАГРЯНИТЬ, БЕЛИТЬ, БОДРИТЬ, ВЕСЕЛИТЬ и т. п.).

Напротив, лексы прилагательных со значением признака, источник которого не может рассматриваться как находящийся вне предмета, характеризуемого этим признаком, не способны устанавливать мотивационных связей с глаго-

сительные прилагательные не образуют кратких форм и компаратива» (АГ-70, с. 307).

⁷ Ср.: «Качественные прилагательные обозначают качество предмета, свойство, которое может проявляться с разной степенью интенсивности...» (АГ-70, с. 306—307).

лами на -И(ТЬ). Например: БОДРАЯ (свежесть), ВЕСЕЛЫЙ (спектакль), ГОРЯЧЕЕ (солнце), ГРЯЗНЫЙ (намек), ЗЛОЕ (время), КРИВЫЕ (порядки), ПЬЯНЫЙ (напиток), СВЕТЛАЯ (лампочка), ТЕПЛЫЕ (носки) и др. В перечисленных примерах существительные называют предметы, которые сами являются источником появления признака, выраженного прилагательным, так как БОДРАЯ (свежесть — это (свежесть), 'вызывающая бодрость'; ВЕСЕЛЫЙ (спектакль) — это (спектакль), 'вызывающий веселье'; ГОРЯЧЕЕ (солнце) — это (солнце), 'источающее, дающее сильный жар'; ЗЛОЕ (время) — это (время), 'приносящее зло, беду', и т. п.

4. И наконец, указание на нейтральную, среднюю, норму интенсивности признака также характерно для прилагательных, с которыми соотносятся глаголы на -И(ТЬ). Лексы прилагательных с подчеркнуто высокой степенью интенсивности качества обычно не входят в состав глагольно-именных пар: БОГАТЫЙ (урожай), БОГАТЫЙ (пир), ГУСТОЙ (слой пыли), ЗЛОЙ 'ретивый, очень усердный' (рыбак), ЗЛОЙ (недуг) и некоторые др.

Таким образом, глаголы со значением наделяния признаком мотивируются прилагательными, обозначающими непосредственно вычленяемый признак предмета, представленный в рамках средней нормы интенсивности, способный возникнуть в самом предмете под влиянием внешних (по отношению к характеризуемому предмету) причин и подвергаться количественным изменениям.

Перечисленные особенности мотивирующей семантики находят своеобразное отражение в значении мотивируемых глаголов.

Значение возникающего признака, непосредственно присущего характеризуемому предмету, в глаголе трансформируется в значение возникновения признака («делать каким»), которое составляет существенную часть глагольного содержания. «Возможность развития признака в предмете под влиянием извне» создает условия для представления о предмете-носителе качества как об объекте, который испытывает на себе воздействие активного субъекта. Действительно, если причина, повод возникновения признака может быть «вынесен» за пределы носителя признака, то возможно представление об ином (по сравнению с носителем признака) предмете, воздействующем на носителя признака. Иными словами, оказывается допустимым расчленение того, кто (что) стимулирует возникновение признака и у кого (у чего) этот признак появля-

ется, а это уже прямое основание для расчлененного представления о производителе и объекте действия.

Вычленение производителя действия, отличного от предмета-носителя признака (злая собака — кто-то злит собаку 'делает собаку злой'), не ведет и не может привести к вытеснению первым понятием понятия носителя признака, так как мотивирующей единицей для глагола в рассматриваемом значении является прилагательное, которое, как известно, обозначает признак не абстрагированный, а «в составе» предмета — носителя этого признака.

Итак, понятия производителя действия и носителя признака (он же объект действия) являются такими единицами, без которых невозможно представить полную картину развития признака, т. е. без которых невозможна полная реализация глагольного значения «делать каким». В результате создается специфическое для глаголов на -И(ТЬ) значение — «действие активного субъекта, направленное на объект».

Наличие в составе глагольного значения семы «активная направленность действия на объект», в свою очередь, ведет к тому, что лексическое значение наиболее употребительных глаголов определяется «в зависимости от объекта, на который направлено действие», и обозначает действие, тесно связанное с одним или несколькими объектами одного семантического поля (ГОРЯЧИТЬ, ЛЕДЕНИТЬ КРОВЬ, БЕЛИТЬ СТЕНЫ, ПОТОЛОК; КРЕПИТЬ ЕДИНСТВО; ШИРИТЬ ЕДИНСТВО, СОРЕВНОВАНИЕ)»⁸.

2

Группа непереходных глаголов с точки зрения мотивирующей семантики и деривационного значения неоднородна.

Прежде всего, следует выделить такие глаголы, как ГЛУПИТЬ, ГОРЧИТЬ, ГРУБИТЬ, ДЕРЗИТЬ, ДЕШЕВИТЬ, КИСЛИТЬ, МЕРЗИТЬ, ОСТРИТЬ, РЯБИТЬ, ТРЕЗВИТЬ, ХИТРИТЬ, ЧАСТИТЬ. Сопоставительный анализ семантики данных глаголов и базовых прилагательных показал, что последние характеризуются теми же показателями, что и прилагательные, мотивирующие рассмотренные выше глаголы со значением «наделять признаком». Однако в целом значения сравниваемых глаголов мотивируются разными семантическими единицами: семантика «наделять признаком» — значением прилагательного, семантика глаголов типа ГРУБИТЬ — значением словосочетания «прилагательное + существительное». Ср.: ОСТРИТЬ — 'делать острым' (меч, нож, зубы и т. д.) и ОСТРИТЬ — вести острый

⁸ Бахтурина Р. В. Указ. раб., с. 96.

'остроумный, язвительный' разговор. На основе базового словосочетания «прилагательное + существительное» (ОСТРЫЙ РАЗГОВОР) формируется значение глагола, называющего не только качество, свойство, которое создается, но и предмет, у которого развивается или которому придается это свойство. Как видим, сема направленности действия на объект реализуется в самом глаголе, преобразуясь в сему объекта, конкретное наполнение которой зависит от лексического содержания глагола.

Следовательно, компонент глагольного значения «направленность действия на объект», идущий от семантики мотивирующего прилагательного (от значения признака, причина развития которого находится вне носителя признака), может быть реализован в самом глаголе или вне его, и тогда глагол оказывается соответственно непереходным или переходным. Показательными в этом отношении являются такие глаголы, которые, семантически соотносясь то с прилагательным, то со словосочетанием, могут употребляться и с винительным падежом объекта, и без прямого дополнения: ТРЕЗВИТЬ 'делать трезвым' (ум, состояние) и ТРЕЗВИТЬ 'способствовать возникновению трезвого ума, состояния'.

Однако совмещение двух деривативных значений в пределах одного глагола наблюдается в единичных случаях. Обычно непереходные глаголы типа ГРУБИТЬ, как, впрочем и переходные глаголы, имеют одно деривативное значение; обязательным его компонентом является семантика объекта, характеризуемого соответствующим признаком: ГЛУПИТЬ — совершать глупые поступки, произносить глупые речи, выражать глупые мысли; ГРУБИТЬ — произносить грубые слова; ДЕРЗИТЬ — говорить дерзкие слова; ДЕШЕВИТЬ — устанавливать дешевую цену; РЯБИТЬ — создавать, образовывать рябую картину, вид; ХИТРИТЬ — 1) вести хитрый 'обманный, не прямой, лукавый' разговор; совершать по отношению к кому-либо хитрые 'обманные' поступки; 2) производить хитрые 'изобретательные, искусные' действия, работу; ЧАСТИТЬ — 1) производить частые действия; 2) совершать частые визиты к кому-либо и др. Неслучайно определения лексического значения таких глаголов в толковых словарях даются с использованием конкретных существительных. Так, по данным МАСа, ГРУБИТЬ — это 'говорить грубости', где ГРУБОСТЬ — 'грубое слово'; ДЕРЗИТЬ — 'говорить дерзости', где ДЕРЗОСТЬ — 'дерзкое высказывание, дерзкие слова'; ДЕШЕВИТЬ — '...не давать настоящей цены'; ГЛУПИТЬ — '...делать глупости', где ГЛУПОСТЬ — 'глупый поступок, глупая мысль, речь'; ОСТРИТЬ — 'говорить остроты', где ОСТРОТЫ — 'остроумные

выражения'; ЧАСТИТЬ — 'производить какие-либо действия в быстром темпе'; ХИТРИТЬ — 'поступать или говорить с хитростью', где ХИТРОСТЬ — 'скрытый смысл' и т. п.

Р. В. Бахтурина эту особенность отметила у глаголов ОСТРИТЬ, ГРУБИТЬ, ДЕРЗИТЬ, объясняя их способность мотивироваться «через существительное данной семантической принадлежности» влиянием глаголов типа КАЛАМБУРИТЬ, КОМПЛИМЕНТИТЬ, которые образуются от имен существительных со значением «различного рода высказывания» и обозначают «говорить то, что названо в основе»⁹. Заметим, что такую особенность значения имеют не только отадъективные глаголы «говорения», но и глаголы иного лексического содержания (см. ГЛУПИТЬ, ГОРЧИТЬ, ДЕШЕВИТЬ, КИСЛИТЬ, РЯБИТЬ, ТРЕЗВИТЬ, ЧАСТИТЬ и некоторые др.). На наш взгляд, указанная особенность глагольного значения имеет место потому, что глаголы на -И(ТЬ), обозначая действие, направленное на объект, могут реализовывать эту направленность в своем лексическом значении; последнее оказывается возможным, благодаря специфике мотивирующих прилагательных (см. выше) и несамостоятельному, синтаксичному, характеру их грамматических показателей, благодаря «привязанности» прилагательных к существительным.

Небезынтересно сопоставление рассматриваемых глаголов с отадъективными глаголами на -Е(ТЬ) типа ВЕСЕЛЕТЬ, которые не обладают семой направленности действия на объект и поэтому никогда не соотносятся со словосочетанием «прилагательное + существительное» (и не могут быть определены с помощью такого словосочетания).

Следует отметить, что непосредственное участие семантики существительного в формировании глагольного значения способствует его лексикализации. Кроме того, «набор» семантических объектов у разных глаголов может быть самым различным, так как их возможный перечень фактически зависит от лексических связей мотивирующего прилагательного. Все это делает форму передачи деривативного значения у каждого глагола достаточно специфичной, поэтому для единообразного его выражения необходимо введение соответствующего трансформ. Пользуясь методикой выделения перифраз, предложенной З. М. Волоцкой, в качестве такового мы избрали трансформ «делать что-либо, характеризуемое признаком». В тех случаях, когда объект, включенный в значение глагола, носит конкретный, строго очерченный характер (напр., ДЕШЕВИТЬ, МЕРЗИТЬ, ЧАСТИТЬ), глагольная семантика мо-

⁹ Там же, с. 92

жет быть определена как «делать что каким» ('цену дешевой', 'чувство мерзким', 'действия частыми'). Независимо от возможных вариантов определения рассматриваемое деривативное значение явно не тождественно значению проявления признака. Включение субстантивной семантики в мотивирующую накладывает существенный отпечаток на содержание глагола. Значение проявления признака обнаруживается у него лишь в определенных конситуациях (напр., в сочетании со словами ВСЕГДА, ПОСТОЯННО, ОБЫЧНО: ВСЕГДА ОСТРИТ, ГРУБИТ, ХИТРИТ) и является производным от первого («делать что-либо, характеризующее признаком»).

3

К глаголам проявления признака относят также глаголы типа КАРТАВИТЬ.

С точки зрения деривационной семантики эти глаголы в части своих лексико-семантических вариантов примыкают к предыдущей группе, и в этом случае их деривативное значение может быть сведено к формуле «делать что-либо, характеризующее признаком». Ср.: ГНУСАВИТЬ — 'говорить, петь что-либо в нос'; КАРТАВИТЬ — 'произносить картавые звуки «р» и «л»'; ФАЛЬШИВИТЬ — 1) совершать фальшивые поступки, 2) производить фальшивые звуки; ШЕПЕЛЯВИТЬ — произносить шепелявые звуки и т. п.

Особенностью данных глаголов является то, что в других своих значениях они мотивируются такими лексами прилагательных, которые по существу обозначают относительные признаки предметов (КАРТАВЫЙ — 'неправильно, нечисто произносящий звуки «р» и «л»'; ПИСКЛЯВЫЙ — 'издающий очень тонкие, высокие звуки'; ШЕПЕЛЯВЫЙ — 'произносящий свистящие звуки как шипящие' и т. п.). Трансформация этого отадъективного значения в глагольное возможна потому, что оно представляет собой фактически выражение адъективированного процесса, переходящего на объект ('произносящий... звуки...'). И хотя носитель признака сам является источником его появления, содержание объекта и носителя признака («звуки» и «лицо») не совпадает, так как объект представлен в значении прилагательного. Семантика прилагательного оказывается максимально «приближенной» к значению, которое выражают отадъективные глаголы на -И(ТЬ)¹⁰. Совпадение носителя признака с источником его развития предопределяет его трансформацию в субъект действия. Необычная для рас-

¹⁰ Словарные определения таких прилагательных даются с помощью причастий (и даже образованных от глаголов, мотивируемых этими прилагательными), напр.: картавый — 1) 'неправильно... произносящий звуки...; картавящий' (МАС).

смаатриваемого деривационного типа оппозиция «носитель признака — производитель действия» и приводит к созданию деривативного значения «быть каким» («проявления признака»), при котором сема активного действия, переходящего на объект, нейтрализуется.

Глаголы на -И(ТЬ) со значением проявления признака смыкаются с немногочисленными глаголами на -Е(ТЬ) того же значения (ср. ШЕПЕЛЯВИТЬ — 'быть шепелявым' и РОБЕТЬ — 'быть робким'). Основой их объединения является общность такого момента в их семантической мотивации, как трансформация «носителя признака» в «субъекта действия». Но способность глаголов на -И(ТЬ) обозначать действие, производимое субъектом, в принципе отличает их от отадъективных глаголов на -Е(ТЬ), которые называют действие пассивного субъекта. Характерно, что у глаголов на -И(ТЬ) значение «быть каким» всегда совмещается со значением «делать что-либо, характеризующееся признаком», и, следовательно, в определенной конситуации сема активного субъекта проявляется достаточно отчетливо, напр.: «(Лакей) шепелявил и премодно не выговаривал буквы «р» (Достоевский) ¹¹.

4

Располагая правилами семантической мотивации для отадъективных глаголов на -И(ТЬ), можно ставить вопрос о значении суффикса -И-.

Если исходить из положения о взаимной семантической предрасположенности единиц, участвующих в образовании слова, то у суффикса -И- следует предполагать такое значение, которое соотносилось бы с вышеназванными характеристиками мотивирующей семантики. Таковым является значение «действие активного субъекта», которое проявляется не только при специально выраженном объекте (у переходных глаголов), но и у непереходных глаголов на -И(ТЬ).

Это значение становится очевидным при сопоставлении рассматриваемых глаголов с отадъективными глаголами на -Е(ТЬ), которые характеризуются пассивностью субъекта действия, выраженной суффиксом -Е-Еj-, и не имеют ни семы направленности на объект, ни семы объекта, включенного в состав лексического содержания глагола.

Конкретизация лексического значения глагола на И(ТЬ) «в зависимости от объекта, на который направлено действие», происходит в рамках семантики «действие активного субъекта», т. е. «допустимые различия в значениях» глагола связываются с таким формальным элементом глагола, как суффикс.

¹¹ См.: МАС, т. 4, с. 970.

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(На материале медико-биологических терминов)

М. И. ШЛИХТА

(Ленинград)

В современной лингвистической литературе и прежде всего в работах, посвященных вопросам научно-технической терминологии, все больше внимания уделяется проблемам интернациональной лексики. Это объясняется неуклонно возрастающей ролью интернациональных слов и терминов в самых различных областях языковой деятельности и особенно в сфере профессионального общения представителей науки и техники, поскольку интернационализация научно-технической терминологии значительно облегчает общение специалистов, говорящих на разных языках.

И хотя наиболее старый слой международных терминов европейских языков восходит к эпохе античности, однако в широких масштабах интернациональная терминология начинает развиваться с XVIII в. Быстрый количественный рост последней обусловливается экстралингвистическими причинами и прежде всего тем, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹. А поэтому в широких масштабах международная лексика развивается только в эпоху капитализма, достигая наибольшего развития в эпоху социализма².

Решающее значение имело и изменение отношения ученых к языку науки. Именно к XVIII в. относится начало сознательного воздействия последних на развитие научного и научно-технического языка, что, в свою очередь, было связано с рядом крупных научных открытий, сделанных во второй половине XVII и начале XVIII вв., с появлением мно-

¹ Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 23. М., 1961, с. 318.

² Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 168—185.

жества новых научных понятий, а следовательно, и с необходимостью создания многочисленных новых терминов.

В течение первой половины XVIII в. в различных областях науки возникают полемики по вопросам терминологии. Например: полемика в связи с распространением учения Ньютона и предложенной им терминологии; многолетняя (более 15 лет) дискуссия между сторонниками и противниками новых методов классификации и терминологии, предложенных Ш. Линнеем, начатая Ж. Л. де Бюффеном в первом томе его известной «Естественной истории» (G. — L. L. de Buffon «Histoire naturelle», 1747), последняя переросла рамки одной науки и приобрела общенаучное значение; принципы языка науки, изложенные аббатом Ж.-А. Нолле в его «Уроках экспериментальной физики» (J.-A. Nollet «Leçons de Physique expérimentale», 1743 et suiv.)³.

Результаты поисков в области научной терминологии первой половины XVIII в. нашли свое отражение и дальнейшее развитие в знаменитой «Энциклопедии»⁴, созданной под руководством Дидро и Даламбера. Авторы ее многочисленных статей не только приводят обновленную терминологию, но и излагают принципы, которыми следует руководствоваться при создании научной терминологии.

Энциклопедисты признавали искусственный характер языка науки, правомерность или скорее необходимость его специального создания. Они рассматривали его не как нечто второстепенное, не имеющее принципиального значения, а как необходимое условие существования самой науки. Плохая терминология, по их мнению, становится тормозом развития науки. А поэтому только сами ученые имеют право создавать термины, при этом они не должны считаться ни с установившейся языковой традицией, ни с мнением «света», ни с рекомендациями «академиков».

Энциклопедисты считали, что язык науки должен носить интернациональный характер. В этой связи Даламбер в «Предварительном рассуждении» («Discours préliminaire»), открывавшем первый том «Энциклопедии», выражал сожаление, что латинский язык безвозвратно ушел в прошлое⁵. Поскольку французский язык распространился по всей

³ См. подробнее: Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. P., t. 6, fasc. 2, p. 559—596.

⁴ «Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences des arts et des métiers» par une Société de gens de lettres, mis en ordre et publié par M. Diderot et quant à la partie mathématique par M. D'Alembert. Paris, Briasson, 1751-1780.

⁵ «L'usage de la langue latine... ne pourrait être que très utile dans les ouvrages de philosophie, mais l'usage pernicieux s'est établi de tout écrire en langue vulgaire et il n'y a pas lieu d'espérer que l'usage du latin soit rétabli».

Европе, он успешно мог бы играть роль международного языка науки, но Даламбер предвидел возражения со стороны англичан, немцев, русских, которые могли бы выдвинуть аналогичные притязания.

Для того чтобы придать научному языку максимально интернациональный характер, энциклопедисты рекомендовали ввести в научную терминологию как можно больше латинских и греческих корней, причем последним отдавалось явное предпочтение, так как греческий язык с давних пор рассматривался как язык науки и более латинского подходил для создания неологизмов⁶. Именно окончательная окаменелость этих корней, их неподверженность спонтанным семантическим сдвигам, по мнению Даламбера, представляла особую ценность для ученых, которые нуждались во всеобщем условном языке (*«n'ont besoin que d'une langue universelle et de convention»*). С другой стороны, энциклопедисты рекомендовали по возможности убрать слова обиходного французского языка и особенно термины просторечного происхождения.

Научная терминология нуждалась в строгой и гибкой системе однозначных деривационных средств, которой были бы не свойственны многозначность, неточность, расплывчатость значения, присущие деривационным средствам общенародного языка. Чтобы создать такую систему, энциклопедисты рекомендовали обращаться к наиболее редким суффиксам, префиксам, частицам и особенно греческим, менее всего подверженным семантической деформации под влиянием общенародного языка.

Насколько плодотворной оказалась деятельность энциклопедистов, ориентировавшихся на создание интернациональной научной терминологии на греко-латинской основе, свидетельствует современное состояние целого ряда научных терминологических систем. Так, метрическая система, разработанная энциклопедистами в 1795 г., по свидетельству некоторых исследователей⁷, ныне является официально принятой более чем в 50 странах мира. К числу терминологических систем, подвергшихся максимальной интернационализации, принадлежат в первую очередь системы медико-биологических, химических, геологических дисциплин.

⁶ «Nous avons dans cette langue les noms d'une très grande quantité de choses qui n'ont aucun nom en latin ou en français... ce que nous ne pouvons représenter que par une phrase se nomme dans cette langue par un seul substantif» (Buffon G.-L. L. de. Histoire naturelle. T. I. Paris, 1747, p. 42).

⁷ Derooy L. L' emprunt linguistique. Paris, 1956, p. 335; Schöne M. Vie et mort des mots. Paris, 1947, p. 27-28.

Объектом нашего исследования были 10 000 наиболее употребительных медико-биологических терминов, представленных в словаре G. D. Arnaudov'a «Terminologia medica polyglotta» (Sofia, 1966). В результате сплошного обследования указанного количества терминов было выявлено 8 890, или 88,9% интернациональных терминов⁸.

При определении интернационального характера терминов мы исходили из следующих основных признаков, принятых большинством исследователей интернационализмов: межъязыковое распространение, общность семантики слов-аналогов, сходство фонетической структуры.

В связи с межъязыковым распространением интернационализмов некоторые лингвисты пытаются установить определенные критерии в отношении количества языков, входящих в межъязыковую изоглоссу интернациональных слов. Однако мнения по этому вопросу расходятся: минимальная из предлагаемых цифр колеблется от 2 до 6⁹. В процессе нашего исследования мы сравнивали медицинские термины на пяти языках: латинском, французском, английском, немецком, русском.

Что касается семантики интернационализмов, то к ней предъявляются два требования: выражение понятия международного значения и полное или хотя бы частичное совпадение семантики слов-аналогов¹⁰.

Любые научные дисциплины, в том числе и медико-биологические, являются достоянием всего человечества, и, сле-

⁸ Ср. со значительно более низким процентом интернационализмов в области технических наук — 32% (Кейнис С. Интернациональные элементы в литовской терминологии. — В сб.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, Изд. «Зинатне», 1973, с. 151).

⁹ Так, В. Фрид считает интернациональными слова, существующие более чем в двух языках, принадлежащих к различным семьям (Fried V.

Mezinárodní slova, jejich shoda a úskali. — *Časopis pro moderní filologii* ročník 38, číslo 4-5, 1956, s. 215); А. А. Белецкий, В. В. Акуленко, Р. Л. Ковалевский — слова, распространенные не менее, чем в трех неродственных или неблизкородственных языках (Белецкий А. А. Об интернационализмах. — «Наукові записки Київського ун-ту ім. Т. Г. Шевченка», 1955, т. 14, вып. 11. Збірник філологічного факту, № 8, с. 73; Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? — ВЯ, 1961, № 3, с. 61; Ковалевский Р. Л. Интернациональная лексика и пути ее возникновения. — Учен. зап. Волгоградского педин-та им. Серафимовича, вып. 24. Исследования по романо-германскому языкознанию, вып. 1, 1969, с. 6); Е. Вюстер — слова, принадлежащие шести главнейшим языкам (Wüster E. Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektrotechnik. Berlin, 1931, S. 120); А. Фринта — слова, распространенные во всех «культурных» языках (Frinta A. Neologismy v hornoluzické srbské po roce 1945. — «Славянская филология. Сб. статей». I. М., 1958, с. 219).

¹⁰ Белецкий А. А. Указ. соч., с. 64; Акуленко В. В. Указ. соч., с. 61; Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958, с. 113.

довательно, термины их выражают понятия международного значения.

При сравнении смысловой структуры проанализированных интернациональных терминов-аналогов нами было обнаружено в подавляющем большинстве случаев полное совпадение семантики последних. Например: лат.: *sensibilisatio*, фр.: *sensibilisation*, англ.: *sensibilization*, нем.: *Sensibilisierung*, русск.: сенсбилизация — повышение реактивной чувствительности; лат.: *genesis*, фр.: *gènèse*, англ.: *genesis*, нем.: *Genese*, русск.: генезис.

Случаи же частичного совпадения смысловой структуры единичны, например: лат.: *antritis*, фр.: *antrite*, нем.: *Antritis*, русск.: антрит — воспаление слизистой оболочки, выстилающей *antrum mastoideum*, и остеомиелит около этой полости, тогда как в англ.: *antritis* кроме вышеуказанного значения обозначает и воспаление слизистой оболочки гайморовой полости. Лат.: *anthrax*, нем.: *Anthrax*, русск.: антракс — сибирская язва, тогда как во фр.: *anthrax malin* — сибирская язва, *anthrax* — карбункул, в англ.: *anthrax* — и сибирская язва, и карбункул.

Столь высокая стабильность смысловой структуры анализируемых терминов-аналогов объясняется их значительной замкнутостью по сравнению с общеупотребительными интернационализмами¹¹, в своем употреблении рамками медико-биологических дисциплин и самой природой терминов, которые лишь в очень незначительной степени подвержены семантическим сдвигам.

И, наконец, в анализируемых терминах-аналогах наблюдается значительное фонетическое сходство, обусловленное тем, что они представляют собой «фономорфологические варианты одних и тех же слов»¹². Например: лат.: *therapeuticus* [*terapeutikus*], фр.: *thérapeutique* [*terapoetik*], англ.: *therapeutic (al)* [*ʰθегə 'pju:tik(əl)*], нем.: *-therapeutisch* [*tə-ga'rəøtis*]; русск.: терапевтический [*т'ерап'ефт-*].

И все же можно говорить лишь об относительном звуковом сходстве, ибо, получая межъязыковое распространение как слово целиком, так и его отдельные словообразовательные элементы, ассимилируются, приспособляясь к звуковой системе каждого языка. Ассимиляцию следует понимать

¹¹ По данным, приводимым В. В. Кельтуяла, лишь одна треть общеупотребительных интернационализмов совпадает по своему семантико-стилистическому содержанию в четырех сравниваемых языках (Кельтуяла В. В. К семантической характеристике общеупотребительных интернациональных слов. — В сб.: Вопросы общего языкознания. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1965, с. 44).

¹² Белецкий А. А. Указ. соч., с. 78.

как полное или частичное воспроизведение слова фонемами заимствующего языка¹³. Частичное несовпадение звуковой структуры является иногда следствием морфологической ассимиляции интернациональных терминов, например:

лат.: scarificatio	symptomaticus
фр.: scarification	symptomatique
англ.: scarification	symptomatic
нем.: skarifizieren	symptomatisch
русс.: скарификация	симптоматический

При рассмотрении интернациональной лексики весьма существенным является вопрос о способах ее интернационализации. В современной лингвистической литературе по этому вопросу существует две точки зрения. Согласно одной, все интернационализмы представляют собой заимствования в общепринятом смысле этого слова¹⁴. Согласно второй, единственно правильной, по нашему мнению, лишь часть интернационализмов может рассматриваться как обычные заимствования¹⁵.

И действительно, такие термины, как *hydrentérocele*, *orchiocèle*, *vermifuge*, *acupuncture*, *héméralopie*, *artério-pituitéux*, *microbe*, etc., не могут считаться заимствованиями из древнегреческого или латинского языков, поскольку в период античности не существовало ни соответствующих понятий, ни слов, их выражающих. Эти термины были искусственно созданы в рамках французского языка из отдельных морфем греческого или латинского происхождения, по уже существовавшим структурным моделям, а затем получили международное распространение. Таким образом, в подобных случаях речь может идти о заимствовании лишь отдельных словообразовательных элементов, а не терминов целиком.

Процесс интерлингвистического распространения терминов, построенных на греко-латинской основе, качественно отличается от процесса заимствования «готовых» иноязычных терминов. Каждый из «заимствующих» языков потенциально располагает набором необходимых словообразовательных элементов (корневых и деривационных морфем) и соответствующими интернациональными словообразовательными моделями. А поэтому термин типа *microbiologie*, созданный

¹³ Ковалевский Р. Л. Указ. соч., с. 7—8.

¹⁴ Маковский М. М. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики. — ВЯ, 1960, № 1, с. 71; Скуиня В. П. Соотношение интернациональных элементов в латышской и русской научной терминологии. — В сб.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, Изд-во «Зинатне», 1973, с. 149, 160.

¹⁵ См., например: Deroo L. L'emprunt linguistique, p. 128; Белецкий А. А. Указ. соч., с. 61—67; Ковалевский Р. Л. Указ. соч., с. 12; Кельтуяла В. В. Указ. соч., с. 52.

например, во французской языковой среде, реализуется в других языках по той же структурной модели (AN₁N₂)^а из существующих уже у них морфем micro-, bio-, logia англ.: microbiology, нем.: Mikrobiologie, русск.: микробиология), не проходя пути обычных заимствований.

В отличие от обычного заимствования такой способ интернационализации лексики некоторые исследователи предлагают называть иначе, так, например, Р. Л. Ковалевский — трансляцией¹⁶.

Принимая во внимание способы интернационализации терминов, в рамках медико-биологической терминологии следует выделить следующие группы интернациональных слов:

1. 1. Заимствования терминов в готовом виде из классических языков:

из латинского:	фр.	англ.	нем.	русс.
febrilis >	fébrile	febrile	febril	фебрильный- лихорадочный
ligamentum >	ligament	ligament	Ligament	лигамент-связка
punctio >	ponction	puncture	Punktion	пункция-прокол
flexio >	flexion	flexion	Flexion	флексия-сгибание

из древнегреческого:

ἐπίδερμα >	épiderme	epiderm	Epidermis	эпидермис
σύνπτωμα >	symptôme	symptom	Symptom	симптом
οἰδήμα >	oedème	(e)odema	Odem	эдема-отек
θώραξ >	thorax	thorax	Thorax	торакас грудная клетка

Готовые латинизмы и грецизмы (правда, в значительно меньшей степени, чем первые) были активным источником пополнения национальных медицинских терминологий на протяжении XVI—XVII вв. К началу же XVIII в. в связи с бурным развитием медицины и появлением множества понятий, не известных ни античной медицине, ни медицине Средневековья, этот источник оказывается практически исчерпанным.

2. Заимствования из живых языков, например:

лат.	фр.	англ.	нем.	русс.
из французского:				
titrage >	titratio	titration	Titration	титрование
tamponnement >	tamponatio	tamponing	Tamponierung	тампонада
grippe >	grippus	grip(pe)	Grippe	грипп
из итальянского:				
malaria >	malaria	malaria	Malaria	малярия
pellagra >	pellagra	pellagre	Pellagra	пеллагра
из голландского:				
scheurbuik >	scorbutus	scorbut	Scorbut	скорбут-цинга

¹⁶ О разнице связи между взаимодействующими языками при заимствовании и трансляции см.: Ковалевский Р. Л. Указ. соч., с. 15—16.

из индийского:

kala azar > kala-azar kala-azar kala-azar Kala-Azar кала-азар
тропическая
из японского: splenомегалия
so doku > sodoku sodoku Sodoku содоку-болезнь
укуса крыс

Заемствования из живых языков носят единичный характер и обозначают, как правило, наименование заболеваний, получивших преимущественное распространение в стране соответствующего языка.

II. Термины, искусственно создаваемые из корневых и деривационных морфем классических языков по интернациональным структурным моделям. К ним относятся:

1. Термины, создаваемые на базе словообразовательного материала только древнегреческого языка — грецизмы:

лат.

endaortitis	[< "ενδον + 'αορτ'η + itis]
spasmophilia	[< αἷμα, — ατος + μνελός + ia]
haematomyelia	[< σπασμός + φιλία]
othaematoma	[< οὐς, ωτός + αἷμα, — ατος + ομα]

фр.

англ.

endaortite	endaortitis
spasmophilie	spasmophilia
hématomyélie	h(a)ematomyelia
othématome	oth(a)ematoma

нем.

русс.

Endaortitis	эндаортит
Spasmophilie	спазмофилия
Hämatomyelie	гематомиелия
Othämatom	отгематома

2. Термины, создаваемые на базе словообразовательного материала только латинского языка — латинизмы:

лат.

supraspinalis	[< supra- + spinalis]
extravasatio	[< extra- + vas + -atio]
desinfectio	[< des- + infectio]
dorsoventralis	[< dorsum + venter + -alis]

фр.

англ.

supraspinal	supraspinal
extravasation	extravasation
désinfection	desinfection
dorsoventral	dorsoventral

нем.

русс.

supraspinalis	супраспинальный-надостный
Extravasation	экстравазация
Desinfizierung	дезинфекция
dorsoventral	дорсовентральный

3. Термины, создаваемые на базе словообразовательных элементов как древнегреческого, так и латинского языков — гибридные термины:

лат.	
strumectomy	[< struma + 'εκτομία]
talalgia	[< talus + "αλγος]
radiodermatitis	[< radium + δ'ερμα + itis]
immunotherapy	[< immunitas + θεραπεία]

фр.	англ.
strumectomie	strumectomy
talalgie	talalgia
radiodermite	radiodermatitis
immunothérapie	immunotherapy

нем.	русск.
Strumektomie	струмектомия
Talalgie	талалгия
Radiodermatitis	радиодермит
Immunotherapie	иммунотерапия

4. Термины, создаваемые на базе имен собственных (антропонимы — фамилии врачей, исследователей, а иногда и топонимы) и греко-латинских словообразовательных элементов:

лат.	
daltonismus	[< J. Dalton + -ισμος]
pasteurisation	[< L. Pasteur + -isatio]
curietherapia	[< P. et M. Curie + θεραπεία]
tularaemia	[< Tulare + αμία]
	(озеро в Калифорнии)

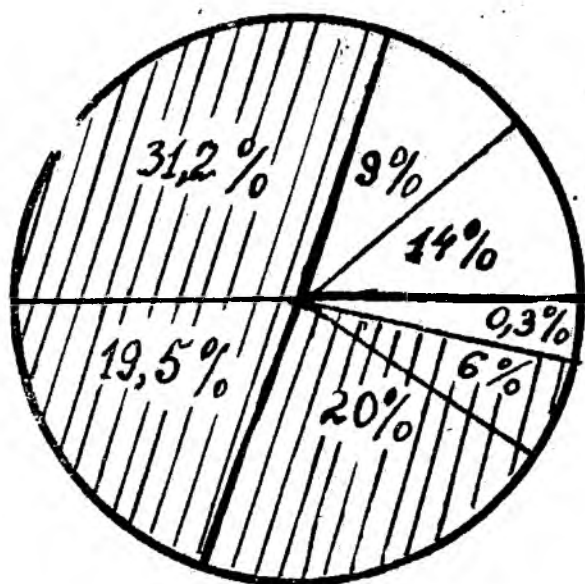
фр.	англ.
daltonisme	daltonism
pasteurisation	pasteurisation
curiethérapie	curietherapy
tularémie	tular(a)emia

нем.	русск.
Daltonismus	дальтонизм
Pasteurisieren	пастеризация
Curitherapie	кюриотерапия-радиотерапия
Tularämie	туларемия

Эта группа интернациональных терминов, как уже отмечалось выше, становится активным, а точнее, основным источником пополнения медицинской терминологии с середины XVIII в.

Удельный вес каждой из рассмотренных выше групп интернационализмов в современной медико-биологической терминологии далеко не одинаков. Результаты статистиче-

ской обработки полученных данных представлены схемой, где незаштрихованная часть — заимствования: из древнегреческого — 9%, из латинского — 14%, из живых язы-

ков — 0,3%; заштрихованная — термины, искусственно созданные из морфем классических языков: грецизмы — 31,2%; латинизмы — 19,5%; гибридные термины — 20%; на базе имен собственных — 6%.

Краткие выводы

Процесс интенсивной интернационализации научно-технической терминологии является объективной закономерностью развития последней. В основе этого процесса лежат экстралингвистические причины: все возрастающая интернационализация материальной и духовной культуры человечества (начинающаяся с эпохи капитализма и достигающая апогея при социализме), а также сознательное целенаправленное воздействие ученых на развитие научно-технического языка начиная с XVIII в.

Необычайно плодотворной в этом отношении следует признать деятельность энциклопедистов, ориентировавшихся на создание интернациональной терминологии на греко-латинской основе.

К числу терминологических систем, подвергшихся максимальной интернационализации, принадлежит, в частности, медико-биологическая — 88,9% интернациональных терминов (при сравнении на пяти основных европейских языках).

В отличие от общеупотребительных интернационализмов международные термины-аналоги характеризуются высокой

стабильностью смысловой структуры, что объясняется их значительной замкнутостью по сравнению с первыми в своем употреблении рамками определенной науки, а также и самой природой терминов, почти не подверженных семантическим сдвигам.

Что же касается способов интернационализации научной терминологии, то здесь следует различать два качественно различных процесса:

I. Заимствование в общепринятом смысле этого слова «готовых» иноязычных терминов (в основном из классических и в единичных случаях из живых языков).

II. Интерлингвистическое распространение терминов, искусственно создаваемых на греко-латинской основе, а иногда и на базе имен собственных, по соответствующим интернациональным словообразовательным моделям.

Первый способ интернационализации медико-биологических терминов фактически оказался почти исчерпанным в XVIII в., и в настоящее время интернационализмы этого рода составляют 23,3%.

Второй способ становится активным источником пополнения медико-биологической терминологии с середины XVIII в. и в настоящее время является основным путем создания научных неологизмов. На сегодняшний день интернационализмы этого рода составляют более 76%.

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА¹

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

(Ленинград)

За последние 10—20 лет заметно усилился интерес к вопросам, связанным со славянской этимологией и словообразованием. В частности, этот интерес проявился в издании и переиздании целого ряда этимологических словарей славянских языков. В Польше был переиздан словарь А. Брюкнера и в настоящее время выходит словарь Ф. Славского. В Чехословакии были опубликованы словари Й. Голуба — Ф. Копечного и В. Махка (1-е и 2-е издания). В Болгарии продолжает выходить словарь Вл. Георгиева, Ив. Гълъбова, Й. Заимова и Ст. Илчева. У нас был переиздан «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского, вышло два издания «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской, выходит словарь Н. М. Шанского в издательстве МГУ. Важным событием явилось опубликование этимологического словаря М. Фасмера в русском переводе с дополнениями О. Н. Трубачева. Из числа новых этимологических словарей, которые выходят или готовятся к печати в наши дни, можно отметить словари сербохорватского, словенского и украинского языков.

В этих условиях особенно остро ощущается отсутствие этимологического словаря белорусского языка. Поэтому неудивительно, что в существующих этимологических словарях славянских языков белорусский материал используется до крайности скудно, главным образом — при перечислении славянских соответствий. И очень редко этот материал привлекается для раскрытия этимологии анализируемого слова. Уже самая элементарная статистика могла бы показать существенную диспропорцию между значением и использо-

¹ Статья представляет собой переработку доклада, прочитанного на Межреспубликанской конференции «Белорусская лексикология и этимология» (Минск, 1968, февраль).

ванием белорусского материала в работах по славянской этимологии. Особенно странным выглядит тот факт, что в этимологических словарях русского языка гораздо чаще приводятся примеры из западно- и южнославянских языков, чем из языка белорусского. Хотя уже а priori каждому этимологу ясно, что материал белорусского языка и его диалектов должен иметь первостепенное значение для работ по русской этимологии.

В последние годы вопрос о широком привлечении в этимологических исследованиях белорусского материала и, в частности, материала белорусских диалектов ставился неоднократно как в самой Белоруссии, так и за ее пределами. Здесь в первую очередь мне хотелось бы сослаться на интересную работу О. Н. Трубачева — его доклад на V Международном съезде славистов (София, 1963) «О составе праславянского словаря», точнее — на второй раздел этой работы: «Характеристика праславянских лексических архаизмов и изоглосс в белорусском»².

Несмотря на недостаточную разработанность белорусского этимологического материала, именно данные белорусского языка помогают в целом ряде случаев уточнить словообразовательную структуру, исходную семантику и этимоны анализируемых слов русского и других славянских языков. Чтобы не быть голословным, я остановлюсь несколько подробнее на одном из конкретных примеров.

Слово *кувалда* имеет в русском языке и его диалектах два основных значения: 1) «тяжелый молот» и 2) «неповоротливая толстая женщина». Авторы этимологических словарей русского языка расходятся между собой при объяснениях происхождения этого слова (или этих слов). Так, А. Г. Преображенский пишет, что слово *кувалда* восходит «вероятно, к *ковать*, *кую*; образование не совсем ясно» (т. I, с. 404). В немецком издании словаря М. Фасмера приводится только второе из двух значений слова *кувалда* («неповоротливая толстая женщина»; т. I, с. 678). Об этимологии именно этого слова здесь говорится следующее: «...вероятно, префикс *ку-* и *вал-* к *валить*». В русском переводе добавлено также и первое значение слова («тяжелый молот»), а объяснение оставлено прежнее. Это, видимо, недосмотр переводчика и редактора словаря, ибо едва ли М. Фасмер мог связывать происхождение слова *кувалда* «молот» с глаголом *валить*. Он, вероятно, считал, что перед нами — два разных слова, а не два разных значения одного и того же по своему происхожде-

² Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря. — Славянское языкознание. Доклады советской делегации, на V Международном съезде славистов. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 175—186.

нию слова. Наконец, наиболее пространное объяснение слова *кувалда* мы находим в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (статья принадлежит В. В. Иванову): «Вероятно, восходит к *ковалда*, образованному с помощью суф. *-да* (ср. *дылда*) от *коваль* — «кузнец», сохранившегося в диалектах и являющегося производным с суф. *-ль* (ср. *строгаль*) от *ковати*. Изменение *ковалда* > *кувалда* объясняется, возможно, влиянием *кую*» (стр. 171—172)³.

Здесь, как и в объяснения А. Г. Преображенского, нужно признать правдоподобным возведение рассматриваемого слова к глаголу *ковать*, а также, быть может, наличие аналогического влияния парадигмы *кую*, *куешь* и т. д. на изменение **ковалда* > *кувалда*. Что же касается вычленения суффикса *-да* в слове *кувалда*, то оно представляется весьма сомнительным.

Прежде всего, славянские образования с суффиксальным **-d-* в большинстве случаев являются отглагольными, а не отыменными образованиями. Славянские же отыменные производные со вторичным суффиксом **-d-* в подавляющем большинстве случаев образуются от именных основ с первичным суффиксом **-n-* (тип ст. -слав. *гов-А-до*⁴, *жел-У-д-ь*, *скар-А-д-ъ* и др.)⁵. Надежных примеров слов со вторичным суффиксом **-d-*, образованных от именной основы с первичным суффиксом **-l-*, в славянских языках нет. Ссылка В. В. Иванова на слово *дылда* ненадежна, ибо *-л-* в данном случае относится к корню, а не к суффиксу⁶. Кроме того, принимая этимологию авторов КЭСРЯ, мы не сможем объяснить, как производное от *коваль* (с мягким *ль*) дало твердое *л* в слове *кувалда*. Наконец, изложенное объяснение нельзя признать убедительным и в общесемантическом отношении: *потеп auctoris* с суффиксом *-ль* путем присоединения к нему конечного *-да* превращается в *потеп instrumenti*. Такой семантико-словообразовательной модели мы опять-таки не знаем в славянских языках. Объяснения же, даваемые *ad hoc*, никогда не считались убедительными.

³ Во втором издании словаря (1971 г.) авторы отказались от этой этимологии.

⁴ Юс малый и юс большой по техническим причинам передаются соответственно буквами А и У.

⁵ Подробнее об этом см.: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 149—150.

⁶ Там же, с. 120. Новую весьма убедительную этимологию слова *дылда* предложила недавно Ю. Лаучюте (см. сб.: Лексічныя балтызмы у беларускай мове. Мінск, 1969, с. 19—20). Поэтому, оставляя в силе сопоставление с др.-руск. *дѣлѣ* на балто-славянском уровне, я должен признать, что слово *дылда* является балтизмом в славянских языках.

Все это делает вычленение суффикса *-да* в слове *кувалда* весьма малоправдоподобным, а следовательно, и вопрос об этимологии этого слова по-прежнему должен считаться открытым⁷. Между тем белорусский материал может, как мне кажется, пролить новый свет на происхождение слова *кувалда*. Белорусские слова (с явными следами заимствования из польского) *кава́дла* и *кува́дло* «наковальня» (Носович, 257) представляют несомненный интерес как в фонетическом, так и в словообразовательном и семантическом отношении. Прежде всего, мы имеем здесь параллельные варианты на *кав-* и *кув-*. Тем самым, если будет доказана связь белор. *кавадла* и *кувадло* с русск. *кувалда*, теоретически реконструируемая для русского слова исходная форма **ковалда* и связь этого слова с глаголом *ковать* получит практическое подтверждение на конкретном материале белорусского языка.

Важно отметить также наличие в белорусских словах форм среднего рода на *-дло* и женского рода на *-дла*⁸. Вторичный характер последней формы (ср. польск. *kowadło*⁹ «наковальня»), видимо, не вызывает сомнений. И объяснить ее появление можно без особого труда белорусским аканьем.

Интересными представляются также и семантические расхождения у анализируемых слов. Западнославянские формы (польск. *kowadło*, чешск. *nakovadlo*) и заимствованные из польского белор. *кавадла*, *кувадло*, укр. *ковадло* имеют значение «наковальня». Соответствующие же им восточнославянские образования (русск. диалект. *ковало* — Даль. II, 128; укр. *ковалдо* — Гринченко. II, 260) означают «(большой) молот». То же самое семантическое расхождение можно отметить также, например, при сопоставлении таких родственных образований, как греч. *ῥακμων*, *ῥακμωνος* «наковальня» и др. -в.-нем *hamag*, др.-исл. *hamaggr* «молот». Следовательно, нет никаких серьезных препятствий семантического характера для сопоставления белорусских слов *кавадла* и *кувадло* с русск. *кувалда*.

⁷ Едва ли можно признать обоснованным сопоставление слова *кувалда* с чагат. *копал* «неуклюжий, грубый, тяжелый» (Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 565; сопоставление дается в гипотетической форме) или с мордов. *кувал* «длинный» — по длинной рукояти (Федорова М. В. Источники диалектной лексики Воронежской области. — Сб. материалов 2-й научной сессии вузов Центральной черноземной зоны. Лингвистические науки. Воронеж, 1967, с. 109).

⁸ В дер. Рубель Столинского р-на Брестской области в 1964 г. записано слово *кавалда*, которое во всех падежах ед. числа склоняется как обычное существительное жен. рода и только в винит. падеже имеет форму *кавалда* (*-а* из *-о*) — явный реликт парадигмы среднего рода (сообщено Л. Т. Выгонной).

⁹ Польское велярное [л] (l перечеркнутое) по техническим причинам передается курсивным латинским l.

В свете изложенных фактов этимология русск. *кувалда* может быть представлена в следующем виде. Исходная форма **ковадло*, образованная от глагола *ковати* с обычным инструментальным суффиксом *-дло*, претерпела ряд фонетических изменений:

а) *ков-* > *кув-* под аналогическим воздействием парадигмы *кую, куешь, кует...* (В. В. Иванов);

б) метатеза *д—л* > *л—д* (*-дло* > *-лдо*);

в) изолированное новообразование на *-лдо*, лишенное поддержки словообразовательного ряда на *-дло* > *-ло*, перешло под влиянием аканья в парадигму женского рода на *-а*.

Хронологически изменение, указанное первым, могло быть, на самом деле, и последним, но этот момент не имеет существенного значения. Общая схема фонетических изменений может быть представлена здесь, например, следующим образом:

**ковадло* > **ковалдо* > **ковалда* > *кувалда*.

Два последних изменения находят себе аналогию в белорусских формах *кавадла* (флексия *-а*) и *кувадло* (корень *кув-*), а первое изменение устанавливается на основании украинского и сравнения белорусских и западнославянских слов с русск. *кувалда*.

В этимологической литературе уже отмечалось, что в ряде случаев, когда этимологи предполагают непосредственное заимствование из польского языка в русский, мы можем говорить о белорусском посредничестве в процессе этого заимствования¹⁰. Приведенные выше белорусские слова *кавадла* и *кувадло* позволяют предположить, что необычная для русского языка форма **ковадло* (> *кувалда*) явилась результатом заимствования из польского языка (*kowadlo*) в русский через белорусское посредничество. Поскольку фонетическое изменение *-дло* > *-ло* к моменту заимствования уже завершилось в русском языке, в слове **ковадло* вместо обычной в более раннюю эпоху утраты *д* перед *л* произошла метатеза.

Однако подобное объяснение имеет ряд слабых пунктов. Во-первых, географический ареал слова *кувалда* отнюдь не ограничивается западными или северо-западными русскими говорами. Во-вторых, семантика русского слова *кувалда* «(большой) молот» расходится с семантикой западнославянских (польск. *kowadlo*, чеш. *nakovadlo*), белорусских (*кавадла*, *кувадло*) и украинского (*ковадло*) слов, имеющих значение не «молот», а «наковальня». В то же время значение

¹⁰ Об этом, в частности, говорилось в докладе А. И. Журавского «Лексические полонизмы в старобелорусской письменности позднейшего периода», прочитанном на упомянутой выше конференции «Белорусская лексикология и этимология».

слова *кувалда*, отличаясь от приведенных западнославянских по своему происхождению слов, полностью совпадает с такими восточнославянскими образованиями, как укр. *ковалдо* и русск. диалект. *ковало* «(большой) молот».

Следовательно, можно высказать предположение, что праслав. *kowadlo, получившее на западнославянском ареале значение «наковальня», у восточных славян означало «большой молот» — что, кстати, более соответствует общей семантике суффикса -дло. Исходная форма *kowadlo претерпела различные фонетические изменения:

*kowadlo | $\begin{matrix} \text{-----} > \text{ковало «большой молот»} \\ \text{-----} > \text{ковалдо} > \text{кувалда «большой молот»} \end{matrix}$

Таким образом, и русск. диалект. *ковало*, и форма *кувалда* представляют собой результат различного фонетического развития одной и той же исходной формы *kowadlo, сохранившейся до сих пор в западнославянских языках со значением «наковальня»¹¹.

Пример с этимологией слова *кувалда* показывает, что и в фонетическом, и в словообразовательном, и в семантическом отношении именно белорусский материал позволяет по-новому взглянуть на происхождение этого слова и восполняет недостающие звенья теоретически реконструируемых форм живыми формами живого языка.

Значение слова *кувалда* «неповоротливая толстая женщина», засвидетельствованное в диалектах русского языка, явилось, видимо, результатом иронического словоупотребления, ибо *кувалда* для дробления камней, как известно, не отличается ни особым изяществом, ни легкой подвижностью...

Помимо случая с этимологией слова *кувалда*, можно было бы привести немало и других примеров, когда данные белорусского языка и его диалектов оказывались весьма полезными при этимологическом анализе русских и других славянских слов.

Так, полный параллелизм в образовании русских диалектных форм *гроб-ов-ище* и *клад-ов-ище*, *гроб-ище* и белор. *клад-ище* — с одним и тем же значением «кладбище»¹² — позволяет выделить в качестве исходных синони-

¹¹ Таким образом, предлагаемая здесь этимология слова *кувалда* существенно расходится с объяснением, изложенным во 2-ом издании КЭСРЯ.

¹² Белор. *клад-ище* дважды засвидетельствовано в памятниках письменности XVIII в. См.: Центральный госуд. историч. архив УССР. Ф. 64, № 606, л. 4 и 7.

мичные образования *гробъ* и **кладъ* «могила, гроб». Слово **кладъ* с указанным значением отсутствует в русском языке и его диалектах. Но это слово может быть реконструировано, с одной стороны, на основании сопоставления *гробъ* — *гробнице* — *гробовище* и **кладъ* — *кладище* — *кладовище*, а с другой — благодаря наличию др.-русск. (церк.-слав.) *клада* (=русск. диалект. *колода*) «выдолбленный гроб» и белор. *клады* «кладбище». Возможно, что последнее слово является семантической калькой: ср.: лит. *kāras* «могила» — *караі* (имен. падеж множ. числа) «кладбище» → белор. **кладъ* «могила» — *клады* (имен. падеж множ. числа) «кладбище»¹³. Таким образом, здесь также белорусский материал оказывается важным звеном в системе доказательств при анализе этимологии русского слова «кладбище»¹⁴.

При этимологизации русск. *оковалок* «часть говяжьей туши» (в разных диалектах — *разная*) существенную помощь оказывает наличие белорусского слова *кавал* «кусок, обренок». Оба слова — в конечном итоге — являются производными корня **kou-*, но не со значением «ковать», а «рубить, резать» (ср.: лит. *kauti*, др.-в.-нем. *houwan* «рубить»). Следовательно, исходным значением слова *оковалок* (как и белор. *кавал*) было не значение «кусок (кованого) железа», как это считал А. Г. Преображенский (т. I, с. 643), а значение «вырезка» (в частности, мяса), «резень» → «кусок».

Можно было бы остановиться и на других случаях с русскими этимологиями, которые в значительной своей части опираются на материал белорусского языка. Но и приведенных примеров достаточно для иллюстрации того несомненного факта, что подготовка и издание белорусского этимологического словаря является в настоящее время одной из самых насущных и неотложных задач, стоящих перед белорусским языкознанием.

Условные сокращения

Грінченко — Грінченко Б. Словарь української мови. Т. 2. Київ, 1908.

Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Носович — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

¹³ Ср.: *могила* «кладбище» — подобная же словообразовательная калька в русских говорах Литовской ССР (из курсовой работы студента Ленинградского университета Г. Л. Скуратова).

¹⁴ Подробнее о данной этимологии см.: Откупщиков Ю. В. Указ. соч., с. 122—124.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЙ С СУФФИКСАЛЬНЫМ -^сU- В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

(К постановке вопроса)

Л. Т. ЛЕУШИНА

(Ленинград)

Вопросы словообразования всегда занимали видное место в работах по исторической грамматике отдельных индоевропейских языков¹. Исследованию латинского и греческого словообразования посвящена книга А. Жюре², именное словообразование древнегреческого языка рассматривается в сочинении П. Шантрена³, вопросы славянского словообразования являются предметом исследования в трудах Ф. Миклошича⁴, А. Мейе⁵, С. Б. Бернштейна⁶. Изучению литовского языка в данном аспекте посвящены исследования А. Лескина⁷ и П. Скарджюса⁸, соответствующий материал германских языков излагается в работах К. Бадера⁹ и Ф. Клюге¹⁰.

Среди работ последнего времени, посвященных анализу отдельных словообразовательных моделей, можно назвать, например, фундаментальное исследование Ж. Перро о латинских производных на -men и -mentum¹¹ или монографию

¹ См., например: Wackernagel J. Altindische Grammatik, Bd. 1—111. Göttingen-Leipzig, 1896—1954; Schwyzer E. Griechische Grammatik, Bd. 1—111. München, 1934—1953; Stolz F., Schmalz J. Lateinische Grammatik, 5 Aufl., bearb. von M. Leumann und J. Hofmann. München, 1928.

² Juret A. C. Formation des noms et des verbes en latin et en grec. Paris, 1937.

³ Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.

⁴ Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. 11. Wien, 1875.

⁵ Meillet A. Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave, t. 11, 2 ème éd. Paris, 1902—1905.

⁶ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.

⁷ Leskien A. Die Bildung der litauischen Nomina. Leipzig, 1891.

⁸ Skardzius P. Lietuviu kalbos zodziu daryba. Vilnius, 1943.

⁹ Bahder K. V. Die Verbalabstrakta in den germanischen Sprachen. Halle, 1880.

¹⁰ Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle, 1886; F. Kluge. Abriss der deutschen Wortbildungslehre. Halle, 1925.

¹¹ Perrot J. Les dérivés latins en -men et -mentum. Paris, 1961.

Т. Болелли о древнегреческих производных с суффиксами *-men-/*-mon-¹².

Упомянутые выше исследования по отдельным индоевропейским языкам или их группам¹³ и самый обширный из трудов в данной области Grundriss К. Бругман¹⁴, представляющий собой богатейший свод материала всех известных в то время основных индоевропейских языков (индоиранские, древнегреческий, латинский, славянские, балтийские, германские, кельтские), имеют обзорный характер, давая чаще всего простой перечень образований то с одним, то с другим суффиксом. Эти работы предоставляют ценный материал исследователю и являются важными справочными пособиями для изучающих проблемы индоевропейского словообразования, но описательность как существенный недостаток указанных исследований должна быть отмечена, поскольку они не ставят своей задачей выявление внутренних связей между отдельными словообразовательными моделями в системе.

Элементы словообразовательных систем затрагивались в работах некоторых ученых. Интересно в этом плане исследование Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование»¹⁵. Э. Бенвенист изучает, например, очень архаичное морфологическое чередование г//п и связь его с гетероклитическим склонением. Исследование строится на фактах индоиранских, древнегреческого, латинского и хеттского языков, но материал ни одного из этих языков целиком не освещается, а берется лишь в той мере, в какой в нем нуждается автор для решения своих проблем. Э. Бенвенист ограничивается описанием двусторонних связей морфологических элементов (г//п, и//п), оставляя за пределами своего внимания целый ряд иных чередований.

Важный шаг вперед в этом направлении был сделан Ф. Шпехтом¹⁶, который приводит множество суффиксальных чередований на базе практически всех известных индоевропейских языков и который пытается установить типы суффиксальных чередований. В книге Ф. Шпехта содержится много интересных этимологических наблюдений. Однако и работе Франца Шпехта присущ ряд серьезных недостат-

¹² Bollelli T. Origine e sviluppo delle formazioni greche in -men-/-mon-. — «Annali della scuola normale superiore di Pisa», ser II, vol. XXII, 1953, fasc. I—II, p. 1—72.

¹³ См. сноски 1, 5, 7, 8.

¹⁴ Brugmann K. u. Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl. Bd. II. Straßburg, 1906—1916.

¹⁵ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

¹⁶ Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.

ков. Прежде всего, далеко не все его сопоставления этимологически надежны. Например, сопоставление ст.-сл. бръвь, лит. bruvís, др.-гр. 'οφρύς «бровь» с лат. frons «лоб»¹⁷; др.-гр. 'ουλαί < *'ολφαί «ячмень» с 'αλίφατα «ячмень» и 'ελυ-μος «просо»¹⁸. Ф. Шпехт не находит нужным обосновывать этимологии (см., напр.: ст.-сл. си-нь, -си-въ и сѣ-рѣ¹⁹; ст.-сл. ни-ва и ни-цѣ «лицом к земле»²⁰) и никак не объясняет семантически, когда сближаются далекие по значению слова (напр., лит. míel-as, mý-l-as, ст.-сл. ми-л-ъ со ст.-сл. ми-р-ъ)²¹. Подача материала «сплошным потоком» не допускает детальной аргументации, не говоря уже о том, что все сопоставления подчинены идее о дейктическом происхождении индоевропейского склонения, что вряд ли является правильным и не было принято в индоевропейском языкознании²². Наконец, обилие фактического материала в книге Ф. Шпехта приводит к тому, что почти никакой системы в словообразовательных связях между разными типами мы не наблюдаем. Среди работ советских ученых, посвященных интересующим нас проблемам, можно отметить, например, книгу Ю. В. Откупщикова «Из истории индоевропейского словообразования»²³, в которой исследуются различные типы суффиксальных образований в их связи с глагольными и именными основами (см., напр., главу о славянских образованиях с суффиксом *-d-), большое внимание уделено здесь проблеме суффиксальных чередований, относительной хронологии словообразовательных процессов.

Словообразовательная модель с древним и.-е. суффиксом *-u- представляет собой малоисследованную область сравнительного индоевропейского языкознания. Нет ни одной работы, посвященной специально анализу данной модели. Возможно, это объясняется тем, что среди образований с суффиксальным *-u- лишь немногие имеют надежные соответствия или общепризнанную этимологию. Слова с суффиксом *-u- входят в древнейший фонд индоевропейского словаря (например: др.-инд. dēvár-, лат. lēvir из *daiuer, гомер. δᾱνρ, ст.-сл. дѣверь, лит. dieveris «деверь»;

¹⁷ Specht F. Op. cit., S. 83.

¹⁸ Specht F. Op. cit., S. 68.

¹⁹ Specht F. Op. cit., S. 121, 179.

²⁰ Specht F. Op. cit., S. 64.

²¹ Specht F. Op. cit., S. 320.

²² Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание.— Сб.: «Общее и индоевропейское языкознание». М., 1956, с. 152—153; Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 18 и др.

²³ Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.

др.-инд. *vidhāvā*, лат. *vidua* «вдова», др.-гр. ἡ-ἴθεος «неженатый», ст.-сл. вдова, гот. *widuwo* «вдова»; др.-инд. *jīvāh*, лат. *vīvus*, лит. *gyvas*, ст.-сл. живъ «живой»; лат. *agrum*, др.-гр. αἴρουρα «пашня» и т. д.), и, безусловно, указанная словообразовательная модель заслуживает пристального внимания и изучения.

Материал по некоторым вопросам, связанным с интересующим нас суффиксом, можно найти в *Grundriss'e* К. Бругмана²⁴, где собраны данные многих индоевропейских языков, а по отдельным языкам в упомянутых выше работах Ф. Миклошича²⁵ и А. Мейе²⁶ (славянские языки), П. Скарджюса²⁷ (литовский язык), П. Шантрена²⁸ (древнегреческий язык), А. Жюре²⁹ (латинский и древнегреческий языки) и т. д. Кроме того, могут быть использованы соответствующие разделы в трудах по истории основных индоевропейских языков³⁰ и в исследованиях обобщающего характера по группам индоевропейских языков³¹.

Самое подробное из имеющихся описаний производных с суффиксом *-у- содержится в *Grundriss'e* К. Бругмана. Располагая весь материал под заголовком «Форманты -уо-, -уâ-, -уо-, -уâ- и -еу-, -еуâ-», автор никак не разграничивает эти образования³². К. Бругман отмечает связь форманта *-у- с основами на *-у-//*-еу- и приводит примеры производных с первичным и вторичным суффиксом *-у-, где более или менее отчетливо тематический гласный -о- служит адъективированию и примеры имен собирательных с исходом на -о-т и -а³³.

В работе К. Бругмана делается попытка семантической классификации прилагательных с суффиксом *-у- путем выделения следующих четырех групп: 1) прилагательные, обозначающие цвет; 2) прилагательные, обозначающие цельность, совокупность; 3) прилагательные со значениями «ле-

²⁴ Brugmann K. u Delbrück B. Op. cit., S. 199—208.

²⁵ Miklosich F. Op. cit., S. 218—231.

²⁶ Meillet A. Op. cit., p. 362—374.

²⁷ Skardzius P. Op. cit., p. 376—393.

²⁸ Chantraine P. Op. cit., p. 122—124.

²⁹ Juret A. C. Op. cit., p. 26—27, 39—40.

³⁰ См. сноску 1.

³¹ См., напр., A. Meillet et J. Vendryès. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*, 2ème éd. Paris, 1948, p. 387—388; A. Vaillant. *Grammaire comparée des langues slaves*, Lyon-Paris, 1950, p. 116, 120 etc; t. II. Paris, 1974, p. 706—717.

³² Опыт отдельной группировки образований с суффиксом -еу- и с распространением у/уо имеется в книге A. C. Juret. Op. cit.

³³ K. Brugmann u. B. Delbrück. Op. cit., S. 199—200.

вый», «правый»; 4) прочие³⁴. Попытку можно считать неудавшейся, поскольку весьма значительное количество слов (6 латинских прилагательных при 14 латинских примерах; 12 греческих, в то время как общее число приведенных греческих слов — 21 и т. д.) входит в группу примеров, не поддающихся классификации. Из первых трех групп одна (прилагательные, обозначающие цвет) является довольно обширной, а в третьей всего два слова, во второй — четыре. К. Бругман отмечает, что во многих случаях прилагательные, относящиеся к последней из названных им групп, могут быть поняты как отглагольные образования (In vielen Fällen kann man das -uo- Adjektiv als Verbaladjektiv (Partizipium) bezeichnen/vgl. die Bedeutung zum Formans -ues/) ³⁵, но тут же оговаривается, что четкое обособление этих слов от других невозможно. Таким образом, для четвертой группы, никак не определенной с семантической стороны, отмечается связь с глагольными основами, которая вовсе не исключена и для прилагательных первых трех подразделений. Далее перечисляются деноминативные прилагательные с *-uo- и прилагательные, образованные путем присоединения *-uo- к наречным формам. Существительные даны без какой бы то ни было характеристики.

У А. Мейе во «Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков» некоторые из интересующих нас слов рассматриваются среди образований с суффиксом *-eu-³⁶, причем *-eu- характеризуется как формант, образующий многочисленные прилагательные с тоном на суффиксе и корневой огласовкой в нулевой ступени. По поводу существительных на *-eu- отмечено, что они «не образуют единой категории ни по смыслу, ни по форме»³⁷.

Нам представляется, что для изучения индоевропейских образований с суффиксом *-u- необходимо обратить перво-степенное внимание на следующие аспекты исследования:

1. Вместо анализа выборочных примеров необходимо тщательное сплошное исследование всего материала изучаемых индоевропейских языков.

2. Среди производных с -v- нужно выделить образования с первичным суффиксом *-u-, восходящие непосредственно к глагольным корням.

³⁴ К. Brugmann u. B. Delbrück. Op. cit., S. 201—202.

³⁵ К. Brugmann u. B. Delbrück. Op. cit., S. 202.

³⁶ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, с. 272—273, 286, 287.

³⁷ Мейе А. Указ. соч., с. 272.

3. Следует провести четкое, насколько это возможно, выделение наиболее убедительных в словообразовательном и этимологическом отношении примеров.

4. В принципе желательно провести подобный анализ на материале всех основных индоевропейских языков, но на первом этапе исследования, по-видимому, можно ограничиться материалом какой-то части этих языков.

5. Важным представляется установление более или менее надежных критериев для выделения *-u- в качестве суффиксальной части исследуемых слов.

6. Представляется необходимым уточнить многие детали в вопросе о генетической связи между древними основами на *-u- и индоевропейскими производными с суффиксом *-u-.

7. Одной из основных задач исследования должно быть определение места образований с суффиксом *-u- в общей системе индоевропейского суффиксального словообразования, выявление наиболее типичных суффиксальных чередований слов с суффиксом *-u- с другими производными тех же основ и корней.

8. Требуется уточнения, по-видимому, вопрос о характере связей между древними типами суффиксальных чередований и гетероклитическим склонением.

Остановимся несколько подробнее на некоторых из перечисленных здесь положений. Пункт 3. Среди латинских образований с суффиксом *-u- можно выделить слова с достаточно ясной этимологией. Например, *arvum* «пашня», производное от глагольного корня *ag- со значением «пахать». Этот глагольный корень отчетливо виден в латинском *ago* и в литовском *agiu* «пашу», в старославянском *орати* и готском *agjan* «пахать». Слово *arvum* имеет надежные индоевропейские соответствия. Прежде всего, это образования, явившиеся результатом присоединения того же суффикса *-u- к корню *ag- «пахать»: древнегреческое тематическое производное *ἄρουρα* «пашня» из **ἄροϋρα*³⁸, возможно, кимр. *egw* «поле» из **eg-u-*³⁹. Кроме того, в разных языках встречаются образования от того же корня с суффиксальными *-men- и *-t-, по значению идентичные латинскому *arvum* «пашня»⁴⁰: др.-гр. *ἄρωμα* и лит. *артиб* «пашня» с суф-

³⁸ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 142.

³⁹ Роконнэ Ж. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959—1969, S. 63.

⁴⁰ По вопросам, связанным с этимологией *arvum* и родственных ему образований, см.: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 221, 222 и т. д.

фиксом *-men- (*-men//^о*-u-), гот. *aigra* «земля» из *eg-t- с суффиксом *-t- (*-t-//^о*-u-).

С другой стороны, мы находим довольно большое количество слов, с трудом поддающихся объяснению, например, *furgvus* «темный», поскольку не очень ясны значение и форма глагольного корня, лежащего в его основе, и, наконец, совершенно темные в этимологическом отношении образования типа *vegva* «изображение головы барана, сделанное из мрамора».

Подобное разграничение можно провести на материале любого другого индоевропейского языка. В славянских, например, языках наряду с образованиями, прозрачными в этимологическом отношении (рус. диал. грев «согревание»⁴¹ / (ст.-сл. грѣти; рус. (на) пев/ ст.-сл. пѣти) и словами, структура которых достаточно отчетливо обнаруживается при сравнении с родственными образованиями других индоевропейских языков (др.-рус., вьрвь, лит. *viŕvė* «веревка» при лит. *vėrti* «продевать нитку», др.-гр. *Γερόω* «ташу»), имеются слова, которые объяснены не очень уверенно. Например, для русского диалектного дивий «дикий» М. Фасмер⁴² лишь допускает возможность связи с лит. *diēvas* др.-инд. *dēvāh* «бог», А. Г. Преображенский⁴³ утверждает ее без сомнений, а Э. Бернекер⁴⁴ отрицает категорически. Наконец, встречаются такие слова, как русское диалектное стрѣва кон (в играх)⁴⁵, стревá «пространство, по которому бегут за мячом»⁴⁶, этимологически никак не истолкованные.

При таком положении дел очень важным представляется четкое определение критериев (пункт 5) для выделения суффиксального *-u-. Надежным критерием, в первую очередь, является прозрачная этимология слова. Имеется в виду тот идеальный случай, когда для истолкования какого-нибудь слова достаточно простого словообразовательного анализа без выхода за пределы одного языка (ст.-сл. пи-в-о

⁴¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955, с. 402.

⁴² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1964, с. 513.

⁴³ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, с. 184.

⁴⁴ Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1908—1913, S. 202—203.

⁴⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М., 1955, с. 339.

⁴⁶ Подвысоцкий А. С. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, с. 166.

/пи-ти, ст.-сл. сѢ-в-ѣ / сѢ-ти). Другим основанием для выделения *-и- в качестве суффиксального элемента исследуемых слов является наличие суффиксальных чередований (ст.-сл. ди-в-ий, рус. диал. ди-в-ий = рус. ди-к-ий, лат. *fug-v-us* = *fus-c-us* и т. д.).

Кроме того, вычленению суффикса *-и- может способствовать анализ общей словообразовательной структуры индоевропейского слова, когда только путем сопоставления с материалом родственных языков в интересующем нас слове выделяются корневая и суффиксальная морфемы. Так, суффиксальное *-и- в др.-гр. *λαῖος* «левый» обнаруживается

лишь путем сравнения этого слова с лат. *laevus* и ст.-сл. лѣвъ «левый». Структура др.-гр. слова *ῖος* «стрела» становится ясной при сопоставлении его с др.-инд. *isuh* «стрела». Др.-инд. слово обнаруживает основу на *-и- (**isu-*), которая в древнегреческом образовании подверглась тематизации (**isu-o*), причем, -и- становится сонантным элементом -и-; **isuo-s* > др.-гр. **ῖοFo-ς*. В интервокальном положении группа -σF- после озвончения -σ- и перехода его в звонкое придыхание для ионийского диалекта исчезает, оставляя след в виде заместительного удлинения предшествующего гласного (**ῖοFος* > гомер. *ῖος*). Подобное явление мы наблюдаем при образовании ион. *νῆος* «храм» из **νασ-Fός*. Корень **nas-* (ср. аорист *ἔνασ—σα*, связанный с презенсом *ναίω* «обитаю, живу») в соединении с суффиксом *-и- дает общегреческое **νασFός* «обиталище, жилище». В результате ряда фонетических изменений получается дорийское *ναός* с заместительным удлинением гласного α и ионийское *νῆος* (α > η). Корень **eis-* «быстро двигаться», лежащий в основе др.-гр. *ῖος* и др.-инд. *isuh* «стрела», мы видим, например, в др.-инд. глаголе *isnâti, isyati* «приводит в движение» и в ряде древнегреческих образований⁴⁷.

Работа в данном направлении при строгом соблюдении указанных выше методических приемов предоставляет возможности изучения древнейших закономерностей, типичных для словообразовательной модели с индоевропейским суффиксом *-и-, и интересна в плане возможного решения некоторых этимологических проблем на материале латинского, древнегреческого, русского и других индоевропейских языков.

⁴⁷ Рокогпу J. Op. cit., S. 299.

ЭТИМОЛОГИЯ ЛАТИНСКОГО СЛОВА *stīva*

Л. Т. ЛЕУШИНА

(Ленинград)

Латинское *stīva*, -ae, f «ручка, рукоятка сохи» новейшими этимологическими словарями латинского языка характеризуется как слово, у которого нет надежного этимологического объяснения. В словаре А. Вальде-И. Хофмана¹ дается помета: «Происхождение неясно», в словаре А. Эрну-А. Мейе² — «Без надежной этимологии».

Первую этимологию слова *stīva* мы находим у Варрона (Varro 5.L.L. 135): он связывает *stīva* с глаголом *stāre* «стоять», и *stīva*, в его понимании, «стоящая». Единственный из античных писателей, Варрон различает *stīva* и *manicula*, *manicula* у него — это палка, находящаяся в поперечном положении по отношению к *stīva*; за нее держится пахарь, проводя борозду. Значение слова *stīva*, как его употребляют все античные авторы, кроме Варрона, «Lexicon totius latinitatis» определяет таким образом: «*Stīva est ea aratri pars, quam arator manu tenet et premit, sulci dirigendi gratia, ὄχετλη*»³. Суммируя существовавшие в то время точки зрения на этимологию слова *stīva*, авторы лексикона отмечают, что одни соединяют его с древнегреческим *στειβω* «топчу» и латинским *stīpo* «сжимаю», а другие соотносят с латинским *sto* «стою». Такое двойственное понимание вполне соответствует назначению называемой словом *stīva* вещи, продолжают далее авторы словаря, пытаясь прямолинейно объединить обе точки зрения.

¹ Walde A.—Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1938—1954, Bd. II, S. 595.

² Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1932, p. 937.

³ Corradini Fr. Lexicon totius latinitatis. 1864—1890, vol. IV, p. 494.

В «Этимологическом словаре» А. Ваничека⁴ *stīva* возводится к корню **sta-* со значением «стоять» через ступень **sta-i-va*. Очень сомнительным выглядит присоединение гласного суффикса к корню с исходом на гласный, кроме того, поскольку *-ai-* в срединной позиции в латинском языке переходит в дифтонг *-ae-*, **sta-i-va* привело бы к **staeva*, а не к *stīva*.

Позднейшие исследователи отказались от этой этимологии, предложенной еще Варроном, и искали новые возможности объяснения данного слова.

Х. Эрлих в рецензии на второе издание «Этимологического словаря латинского языка» А. Вальде⁵ сопоставил латинское *stīva* с древнеиндийским *tīvrāh* «сильный, стремительный, горячий, острый». Словарь А. Вальде — Й. Хофмана⁶, кажется, отдает предпочтение именно этой точке зрения, а Ю. Покорный⁷, включая с некоторым сомнением *stīva* вместе с латинскими словами *stilus* «острие», *stimulus* «стрекало», авестийским *staera* «пик, вершина горы» в ряд образований от и.-е. корня *(s)tei- «остроконечный, острый», присоединяет сюда и др.-инд. *tīvrāh*. В данном случае бросается в глаза семантическая ненадежность такого сопоставления: трудно представить себе, чтобы предмет, держась за который нужно было выполнять трудную работу, мог быть остроконечным. Кроме того, у слова *tīvrāh* значение «острый» не является основным, на что, очевидно, обратил внимание Ю. Покорный, поскольку он считает нужным дать следующее пояснение: «Значение др.-инд. *tīvrāh* «сильный, стремительный, острый» могло развиваться из значения «остроконечный, колющий»⁸.

К. Бругман в «Indogermanische Forschungen» пишет следующее об и.-е. соответствиях слова *stīva*: «Как наше *Sterz* «рукоятка плуга» связано со ср.-в.-н. *stürzel* «стебель растения», «кочерыжка», норв. *start* «твердая ветвь», так и *stīva* могло относиться к лат. *stīpes* «ствол», «столб», *stipulus* «твердый», *stipula* «соломина», «стебель», лит. *stiprūs*, ср.-в.-н. *stif* «твердый», которым родственны греческие слова *στίφρος* «сильный», «прочный», *στίφος* «куча», «толпа»,

⁴ A. Vanicek. Griechisch-lateinisches etymologisches Wörterbuch. Leipzig, 1877, S. 1135.

⁵ Ehrlich Hugo. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910. «Berliner philologische Wochenschrift», Leipzig, 1911, S. 1576.

⁶ Walde A — Hofmann J. Ibid., S. 595.

⁷ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959—1969, S. 1015.

⁸ Pokorny J. Ibid., S. 1015.

στῖβαρος «крепкий», «плотный», στῖπτός «утоптаный»⁹. К. Бругман ошибочно представляет образование stīva из *stips-va, опираясь на др.-гр. στῖφος, εος: он говорит, что *stips-va относится к στῖφος так же, как атт. ἴσος, горт., беот. FίσFος к εἶδος, ἰδ'ε [σ]α(ἴσος из *uidsuos). Такая словообразовательная модель латинского слова выглядит усложненной и в некоторой степени надуманной. Развитие группы -psv- → -v- не подтверждается никакими другими примерами из истории латинского языка.

В появившейся вслед за работой К. Бругмана статье Л. Зюттерлина stīva сопоставляется с германскими словами, имеющими значение «палка»: англос. sticca, др.-в.-н. stēsko. Обоснование этому сопоставлению автор дает, исходя только из реалий, «поскольку составной частью древнейшего плуга являлась изогнутая палка»¹⁰. Из других индоевропейских параллелей Л. Зюттерлин приводит др.-гр. στίζω «колю» и др.-инд. tigṁāh «острый». Исходя из материала, предложенного Л. Зюттерлином для сопоставления, в данном случае, скорее всего, можно предполагать древний глагольный корень со значением «колоть», «втыкать». И если развитие значений «колоть», «втыкать» → «плуг» может быть понято, то линия «колоть», «втыкать» → «рукоятка плуга» выглядит весьма неправдоподобно. В данной ситуации напрашивается мысль о возможности метонимического перехода «плуг» → «рукоятка плуга», но все это очень проблематично, поскольку не может быть подтверждено примерами, подобно др.-инд. c'ākha «ветвь», лит. sakà «ветвь» и гот.

hōha «плуг», русск. соха, где метонимия не вызывает сомнений («ветвь» → «соха»)¹¹.

Ф. Вуд¹², которому были известны работы К. Бругмана и Л. Зюттерлина, не видя оснований для выведения stīva из *stips-va, в понимании слова stīva предлагает исходить из балтийских параллелей: из лтш. stiws «неподвижный», «окостенелый» (*stī-va) или stīga «стебель». В работе 1926 г. Ф. Вуд¹³, включая stīva в ряд германских параллелей со значением «палка», «колоть» и называя здесь же лат.

⁹ Brugmann K. Griechische und lateinische Etymologien. «Indogermanische Forschungen». XXVIII. Straßburg, 1911, S. 369.

¹⁰ Sütterlin L. Aus meinem etymologischen Sammelkasten. «Indogermanische Forschungen». XXIX. Straßburg, 1912, S. 128.

¹¹ Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 204.

¹² Wood F. A. Notes on Latin Etymologies, «Classical Philology», vol. 7. Chicago, 1912, p. 328—329.

¹³ Wood F. A. Post-Consonantal W in indo-european. Philadelphia, 1926, p. 122.

stinguo «колоть», instîgo, «побуждать», по сути дела, присоединяется к точке зрения Л. Зюттерлина.

Х. Петерссон¹⁴, говоря об индоевропейском корне *tei- : stei- «острие», «вершина», предлагает считать расширением этого корня и.-е. образование *tig- : *stig-, которое прослеживается в др.-инд. tejate «является острым», tigmah «остроконечный», «острый», др.-гр. στίζω «прокалываю», στίγμα «клеймо», лат. instigare. Латинское stîva он называет родственным этой группе слов и рассматривает как образование посредством суффиксального *-ua от простого корня *stei- (и.-е. *stei-ua или *stîua) или от расширенной корневой формы (и.-е. *steig-ua или *stig-ua). В «Etymologien» Ф. Хольтхаузена¹⁵ stîva возводится к *stîhua и рассматривается как женский род прилагательного *stîhuos «поднимающийся», родственного др.-гр. οτίζω «иду», «ступаю», гот. steigan «восходить», «подниматься» и т. д. Значение лат. stîva и указанных выше слов связано таким образом: рукоятка — поднимающаяся (задняя) часть плуга.

После 20-х годов к слову stîva обращались лишь авторы крупных этимологических словарей¹⁶ и то лишь с тем, чтобы сказать, что этимология слова остается невыясненной, поскольку ни одна из указанных выше точек зрения, не имея достаточного научного обоснования, не казалась убедительной. Между тем, многие из сделанных сопоставлений, видимо, не лишены оснований и весьма правдоподобно намечают границы семантического поля, в которое может быть включено слово stîva. Возможный путь к истолкованию латинского stîva, нужно полагать, лежит через его словообразовательный и семантический анализ с учетом имеющихся в и.-е. языках словообразовательных и семантических моделей.

В своем рассмотрении слова stîva мы исходим из выделения в нем корневого элемента *sti- и суффиксального *-va. Деление *stiv-а исключается, поскольку и.-е. корень не может в своем исходе включать два сонантных элемента. Так как латинское î в одних случаях продолжает индоевропейское *î, а в других является результатом монофтонгизации дифтонга *ei¹⁷, возникает вопрос, имеем ли мы дело с исконным

¹⁴ Petersson H. Zur slavischen Wortforschung. «Archiv für slavische Philologie». Berlin, 1916, S. 135—136.

¹⁵ Holthausen F. Etymologien. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen» Göttingen, 1922, S. 142.

¹⁶ См. сноски 1 и 2.

¹⁷ Например, civis < ceivis, dico < deico (ceivis и deico в Senatus consultum de Bacanalibus; CIL, 12, 581).

и.-е. *stî- или stî- в слове stîva отражает и.-е. корень *stei-. Ответить на этот вопрос помогают данные романских языков. Дело в том, что романские языки, наряду с формами estiva (марсельск), tiva (марар.), восходящими к лат. stîva, имеют esteva (прованс., катал., исп., порт.), estoive (ст.-фр.), не поддающиеся объяснению с точки зрения stîva с î. Латинское î в романских языках развивается в i, а формы esteva и estoive предполагают е (закрытое). В этом закрытом е в предроманский период слились лат. ê и лат. ^ui, то есть в качестве исходной латинской формы для esteva и estoive мы должны предположить *stîva или *stêva. Первое нужно исключить, поскольку никаких условий для количественных изменений гласного i в слове stîva нет, остается *stêva. В. Мейер-Любке¹⁸ объяснил *stêva, сопоставив его со spêca, как явление сельских говоров; в своем словаре¹⁹ он предлагает (наряду со stîva) *stêva — с пометой «оскско-умбрское». Stîva входит в тот же слой сельскохозяйственной лексики, что и spîca, о котором Варрон говорил: «Spîca autem, quam rustici, ut acceperunt antiquitus, vocant specam» (Rer. rust., 1, 48, 2). Поскольку î в spîca имеет дифтонгическое происхождение (spîca < *speica), а дифтонг ei в процессе монофтонгизации прошел через этап ê (ei > ê > î; conpromei-sisse > conpromesise [Sen. cons. de Bac.] > compromisise), то вполне естественным является предположение о том, что spêca отражает промежуточный этап, дальше которого эволюция дифтонга ei в народном языке не пошла. Принимая сопоставление *stêva и *spêca, мы приходим к неизбежному выводу о том, что *stêva возникло из *steiva, конечным этапом эволюции которого явилось stîva. Кажущийся хронологический разрыв между *stêva (начало II в. до н. э.) и романскими формами esteva, estoive объясняется тем, что в народном языке слово *stêva не исчезало. Итак, речь идет об одном из явлений, уходящих в глубь истории латинского языка. Наличие явлений такого рода в романских языках вполне объяснимо тем, что они явились результатом непрерывного развития народной латыни. «Некоторые из... дублетов народного языка нашли свое продолжение в романских языках: так, ст.-фр. estoive и современное французское voisin предполагают в качестве своих латинских предков stêva «рукоятка сохи» и vêcînus «сосед», а не stîva, vîcînus,

¹⁸ Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1920, S. 148, 149.

¹⁹ Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1968, S. 683.

представляющие собой формы литературного латинского языка»²⁰.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что латинское *stīva* восходит к и.-е. корню **stei-*. Возникает вопрос, каково значение этого корня и нет ли в латинском языке других восходящих к нему слов, которые помогли бы уяснить его значение. Еще К. Бругман²¹ заметил связь между *stīva* «рукоятка плуга», с одной стороны, и *stīpes* «ствол», «столб», *stīpula* «стебель», «соломина», с другой, но обоснование этой связи в словообразовательном отношении было настолько ненадежным, что его сопоставление не было принято. Между тем, уже простое сравнение слов *stī-v-a* и *stī-p-es* позволяет выделить общий для них корень *stī-*, связанный с двумя разными суффиксами, *-v-* и *-p-*, которые могут чередоваться между собой в индоевропейских языках, например: лат. *cor-p-us* и родственное ему ст.-сл. чръ-в-о, др.-рус. сер-п-ъ (с палатальным и.-е. **k-*) и русское диалектное чер-в «серп» (с велярным **k-*, ср.: лит. *kiřvīs* «топор»).

Обратимся к этимологии слова *stīpes*. Словарь А. Вальде—И. Хофмана²² предлагает рассматривать это слово вместе со *stīpāre* «сжимать», возводя к корню со значением «стоять», «ставить». В определении формы данного корня авторы словаря²³ целиком соглашаются с точкой зрения Х. Перссона²⁴, который считает, что корень **sthā-/sthē-* может образовывать основу **sthāi-*; слабая ступень основы отражается в лат. *stīpes*, *stīpula*, в др.-в.-н., ср.-в.-н. *stiften* «устанавливать», в лит. *vien-stīpis* «то, что имеет один стебель, ветку». Рядом с этой основой, которая в древнеиндийском начинается со *sth-*, существует близкая в фонетическом отношении и по смыслу основа с начальным *st-*: **stāi-*, **stiā-*, **stī-* — «уплотняться» (др.-инд. *styayate* «уплотняется», лат. *stīpāre* «сжимать»). Поскольку в др.-инд. языке взаимозаменяемость *sth-* и *st-* не исключена, допускается изначальное родство этих основ.

Ю. Покорный²⁵ и М. Фасмер²⁶ указывают на следующие параллели для лат. *stīpes* и *stīpula*: лит. *stiebas* «мачта», «палка», «стебель», лит. *stāibis* «голень», лтш. *stiba* «палка»,

²⁰ Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949, с. 61, 62.

²¹ См. сноску 9.

²² Walde A. — Hofmann J. Ibid., S. 593.

²³ A. Walde—J. Hofmann. Ibid., S. 599.

²⁴ Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala—Leipzig, 1912, S. 712.

²⁵ Покорный J. Ibid., S. 1015.

²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, с. 750.

ст.-сл. стьбль²⁷. Присоединим сюда русское диалектное стибак «рослый, видный человек»²⁸, связанное чередованием со ст.-сл. стьбль, и, опираясь на сопоставление Ю. Покорного и М. Фасмера, восстановим форму и.-е. корня для *stīpes*. Приведенные балтийские примеры говорят о наличии дифтонга в корне: *ie* < **ei*, *ai* < **oi*; лтш. *stība* и ст.-сл. стьбль могут быть реализацией нулевой ступени этого дифтонга. Гласный -и- в слове стибак — отражение дифтонга **ei* или **i*, поскольку в славянских языках, как и в латинском, **ei*, монофтонгизируясь, совпадает с **i*. Литовский язык сохранил различия между **ei* (>*ie*) и **i* (>*y*), но зато здесь встречаются слова с варианностью *ie/y*, имеющий и.-е. происхождение²⁹. С этим мы сталкиваемся в интересующей нас группе слов, поскольку, наряду с указанными балтийскими параллелями, существует лит. *vienstūpis*, которое этимологически связано с лат. *stīpes* и лит. *stiebas*. Итак, и.-е. параллели говорят о существовании вариативных корней **stei-* и **sti-*, один из которых отражается в латинском *stīpes*.

При такой реконструкции корневой части слова *stīpes* и с учетом возможности чередования **p*//**v*. *stīva* совершенно естественно занимает место в ряду образований от корня **stei-*.

Любопытная картина получается при рассмотрении обоих интересующих нас слов в романских языках. Выше уже шла речь об испанском *esteva* и старофранцузском *estoive* «рукоятка плуга», а в каталанском языке встречается слово *estera* с тем же значением. Семантически равное слову *stīva*, но оформленное суффиксальным -р-, оно вызывает недоумение у романистов³⁰. С другой стороны, в испанском языке имеется слово *estera* в значении «куст», «побег», «ковыль». Одни исследователи³¹ просто отмечают неясность его происхождения, другие возводят его к лат. *stipula* «стебель», «соломина»³² или же к лат. *stirps* «ствол»³³. Ввиду наличия в предполагаемых латинских прототипах сонорного звука

²⁷ Варианты суффиксальных *-р- и * -b- хорошо известны в этимологической литературе.

²⁸ Подвысоцкий А. С. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, с. 163; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, с. 759.

²⁹ Например: *kviēkti—kvykti* «визжать», *liēti—lŷti* «лить», *mīēgti—mŷgti* «нажимать», «ударять», *mīēlas—mŷlas* «милый» и т. д.

³⁰ Meyer-Lübke W. Ibid., S. 683; Corominas J. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. Vol. II. Berna, 1954, p. 429.

³¹ García de Diego. Diccionario etimológico español e hispanico. Madrid, 1954, p. 279.

³² Corominas J. Ibid., p. 426.

³³ Diccionario de la lengua española. Madrid, 1970, p. 582.

и отсутствия его в испанском *estepa*, не исключена возможность того, что последнее восходит не к указанным латинским словам, а к **stêpa*, которое могло быть диалектным вариантом классического латинского *stîpes*. Наряду с *estepa* в испанском языке в значении «куст», «побег», «ковыль» встречается *esteva*, которое сравнивают с португальским диалектным *resteva* «жнивье», «молодая поросль»³⁴. Обобщая сказанное, заметим, что в романских языках создано довольно парадоксальное положение: на месте латинского **stêpa* в значении «рукоятка плуга» мы находим *estepa* (катал.), на месте латинского **stêpa* (ср. *stîpes*) в значении «куст», «побег» — *esteva* (исп.). Здесь возможны два объяснения. В разговорном латинском языке или в его диалектах для слов со значением «рукоятка плуга» и «побег», «стебель» существовали варианты с суффиксальными *-p-* и *-v-*. Однако возможно, что такая картина явилась результатом контаминации, осуществившейся в романских языках, но и это могло произойти лишь при семантической и фонетико-морфологической близости данных слов.

Установив возможное родство между *stîva*, с одной стороны, и *stîpes*, *stîpula* вместе со ст.-сл. *стѣбль*, лит. *stiebas* «мачта», «палка», «стебель», лтш. *stiba* «палка», с другой, попытаемся определить значение корня **stei-*, лежащего в основе всех этих образований. Из имеющихся семантических решений наиболее достоверным является предложенное Х. Перссоном³⁵ для слова *stîpes*. Х. Перссон видит в нем производное от корня со значением «стоять». Очевидно, именно это значение присуще корню **stei-*. Существование и.-е. корня **stei-* «стоять», «ставить» с разновидностями **stoi-*, **sti-*, в которых проявляется обычное и.-е. чередование *e/o* нуль, было отмечено в книге Ю. В. Откупщикова «Из истории индоевропейского словообразования»³⁶.

Суффикс **-u-* является средством, формирующим производное *stî-v-a* от глагольного корня **stei-* «стоять», «ставить», подобно тому как *ri-v-us* «ручей» от корня **rei-* со значением «течь» (ср.: ст.-сл. *рѣ-к-а* с суффиксом *-к-*), *dîvus* (ст.-лат. *dei-v-os*) «бог» от **dei-* «светить» (ср.: лит. *diē-v-as* «бог» и *diē-n-à* «день»).

В указанных выше родственных словах реализуется словообразовательная модель «стоять» → «стояк» (стебель, ствол, столб)³⁷.

³⁴ Corominas J. Ibid., p. 426.

³⁵ Persson P. Ibid., p. 712.

³⁶ Откупщиков Ю. В. Указ. соч., с. 204.

³⁷ Откупщиков Ю. В. Указ. соч., с. 187.

Семантический переход от «ствол, стебель» к «рукоятка» представляется вполне возможным, поскольку мы имеем слова, соединяющие в себе оба эти значения. Например, рус. черен со значениями «рукоятка, ручка (лопаты)» и «стебелек (растения)»; лит. *stímbrỹs* «стебель» и «рукоятка»; нем. *der Stiel* «рукоятка» и «стебель». И хотя немецкое слово является заимствованием из латинского языка, то, что оба интересующих нас значения развиваются в одном слове, служит достаточным основанием для утверждения о семантическом родстве образований, несущих эти значения, и этимологической близости их, так как фонетико-морфологическая связь *stīva* и *stīpes*, на наш взгляд, достаточно правдоподобна:

стебель	рукоятка
русс. черен	русс. черен
лит. <i>stímbrỹs</i>	гнс. <i>stímbrỹs</i>
нем. <i>Stiel</i>	нем. <i>Stiel</i>
лат. <i>stīpes</i>	лат. <i>stīva</i>

Лат. *stīpes* и *stīva* вполне закономерно вписываются сюда (р//v).

Обращают на себя внимание также следующие факты. С одной стороны, лат. *stīpes* и лит. *stīebas* означают не только «ствол», «стебель», но и «столб», «свая», «жердь», «кол» (*stīpes*), «мачта», «палка» (*stīebas*). С другой стороны, в разных языках имеются слова, объединяющие эти вторые значения со значением «ручка», «рукоятка». Например, нем. *die Stange* «шест», «кол», «жердь» и «древко», «рукоятка», ит. *stile* «столб» и «ручка», «рукоятка». Кроме того, древнегреческий язык сохранил целый ряд производных от корня **stel-* «стоять», «ставить», которые реализуют три указанных группы значений и имеют однокорневые глагольные образования со значением «стоять», «ставить»: στέλλω «ставлю» (в строй), посылаю (др.-в.-н. *stellen* «ставить»), атт. στέλεός, στέλεκος «ствол», στήλη «столб», «колонна»,

στέλε'α «рукоятка (топора)». Это позволяет восстановить такую последовательность развития в данном семантическом ряду: «стоять»→«стояк»→«стебель», «ствол»→«жердь», «шест», «кол», «палка»→«ручка», «рукоятка».

Из значений корня **stei-* «стоять», «ставить» второе может быть истолковано как каузативный оттенок первого: «ставить», т. е. «заставлять стоять» или как семантический оттенок, присущий страдательному залогу в современных языках, поскольку в древнейший период развития и.е. семьи языков не было четкого морфологического разграничения действительного и страдательного залога. Исходный лексический минимум нераспространенного корня **stei-*

в различном суффиксальном оформлении дает многообразные семантические варианты.

Предложенная этимология лат. *stīva* позволяет предварительно поставить вопрос об ином истолковании большой группы и.-е. слов, которые обычно возводятся к форме и.-е. корня **stei-g-* со значением «колоть», «острый», и о словах с корнем **stei-gh-* «ступать». Поскольку структура и.-е. корня говорит о суффиксальном происхождении *-*g-* и *-*gh-* в приведенных случаях, можно считать, что перед нами производные того же простого корня **stei-//*stoi-//*sti-* «стоять», «ставить». Ю. Покорный³⁸, увидев среди образований от **steig-* «острый» большую группу германских слов со значениями «палка», «жердь» «столб» (др.-в.-н. *stehho* «палка», англос. *sticca* «палка», др.-исл. *stikka* «палка», «жердь», др.-сакс. *stekko* «палка», «столб»), предполагает, что произошла семантическая контаминация с производными корня **steg-* «жердь». Не прибегая к такому объяснению, а рассматривая слова со значением «палка» и «острый» как этапы семантического развития образований от корня **stei-* «стоять», можно таким образом представить себе последовательность семантического развития: **stei-* «стоять» → **steig-* «стояк» → «столб», «палка» → отыменные глаголы со значением «действовать заостренной палкой» → «колоть».

Значение «ставить», по-видимому, лежит в основе производных с суффиксальными *-*b-* (др.-гр. *στέιβω* «топчу», «попираю», «хожу», *στίβος* «утоптанная дорога», «тропа», «след») и *-*p-* (лат. *stī-po* «сжимаю»). Рядом с указанными словами в др.-гр. существует близкое по значению семейство, оформленное суффиксом *-*gh-*: *στέιχω* «иду», «ступаю», *στοίχος* «ряд», «строй», *στίχος* «ряд», «строй» (ср.: гот. *stei-gan* «восходить», «подниматься», *stai-ga* «тропа», «дорога» и т. д.). В то время как в глаголе *στέιβω* и т. д. исследователи склонны видеть корень со значением «ставить»³⁹, *στέιχω* они рассматривают, никак не связывая его со *στέιβω*⁴⁰. Более последовательным, на наш взгляд, является рассмотрение тех и других образований в их связи с и.-е. корнем **stei-* «ставить»⁴¹, поскольку различия между *στέιβω* и *στέιχω* сводятся к отношениям простого и фреквентативного глагола: *στέιβω* несет оттенок многократности действия в сравнении со *στέιχω*. Семантическое развитие могло происходить так: **stei-* «ставить» → **steigh-* «ставить ногу» → «насту-

³⁸ Pokorny J. Ibid., S. 1017.

³⁹ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954—1972, Bd. II, S. 782; A. Walde—J. Hofmann. Ibid., S. 593.

⁴⁰ Frisk H. Ibid., S. 783—785; Pokorny J. Ibid., S. 1017—1018.

⁴¹ Откупщиков Ю. В. Указ. соч., с. 783—785.

пать»→«тропа» и т. д.; *stei- «ставить»→*steib(h) «часто ставить ногу»→«наступать»→«тропа» и т. д. Подобная постановка вопроса позволяет дать широкую картину семантического многообразия производных простого и.-е. корня *stei-// *stoi// *sti-. (Ср. выполненную в последнее время в основном на материале славянских языков - работу А. С. Мельничука о корне *kes-⁴² и сделанную на материале балтийских языков работу Б. Егерса⁴³). Данная статья является попыткой анализа в этом направлении применительно к корню *stei-.

⁴² Мельничук А. С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков.— «Этимология». 1966, М., 1968, с. 194—240.

⁴³ Jegers B. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Göttingen, 1966, S. 6—162. [†]

ЛАТИНСКИЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА CEDO и EM

Г. А. ЧУПИНА

(Томск)

Относительно этимологии cedo выдвинута не одна гипотеза. Наиболее известным и распространенным является то мнение, что cedo заключает в себе два самостоятельных корня, взаимно дополняющих друг друга: указательную местоименную частицу се- и полную ступень корня *dō- / *dэ-. Побудительное значение приписывается компоненту -do, в котором видят древний императив, по форме равный корню. Предполагается, что в результате ямбического сокращения *cedō > cedo. Действительно -do имеет ряд признаков, как морфологических, так и синтаксических, которые, казалось бы, говорят в пользу предположения о генетическом родстве его с глаголом dare. Глаголы, восходящие к корню *dō- / *dэ-, действительно могут иметь императив, по форме равный корню. В греческом языке от глагола δίδωμι засвидетельствована форма императива δίδω (Horn Od. III, 58) и она вполне закономерна. Но, как известно, латинский глагол dare в своей парадигме имеет огласовку -ā- / -a-. Мало того, большинство лингвистов предполагает, что данный глагол сохранил лишь вокализм нулевой ступени, а удлинение -ā- в формах императива dā и 2-го л. ед. ч. praes. indicat. dās характеризуется ими как вторичное явление, возникшее в исходе односложных слов в силу фонетических закономерностей латинского языка¹.

Существует мнение о том, что в латинском языке полной ступенью корня, имеющего значение «давать», является не

¹ Meillet A. et Vendryes I. Traité de grammaire comparée des langues classiques 3 éd. Paris, 1948, p. 277; Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 3 éd. T. I. Paris. 1951, p. 318; Эрн у А. Историческая морфология латинского языка. Перевод со 2-го французского издания М. А. Бородиной. Под ред. И. М. Тронского. М., 1950, с. 218—219.

*dō, а dā- < *dā-, о чем высказал предположение Вяч. Вс. Иванов² и, на наш взгляд, вполне убедительно доказал это Г. М. Шатров. Г. М. Шатров, исследуя причины бытования композитов с dare, таких как mandare, commendare, засвидетельствованных еще с Плавта, и причины появления в поздней латыни перфектной формы davi вместо dedi, приходит к выводу о сохранении глаголом dare не только вокализма нулевой, но и полной ступени. Долгота -ā- в формах dās и dā объясняется не вторичным удлинением, а как явление исконное. В качестве дополнительного аргумента Г. М. Шатров приводит параллелизм вариантности основ у глагола stāre³. Следовательно, императив от глагола со значением «давать» на латинской почве не мог иметь формы *dō.

Может показаться, что наличие имен dōnum и dōs доказывает существование в латинском языке корня со значением «давать» в виде *dō-. Однако это не может противоречить предположению о бытовании в латинском языке корня *dā-. Достаточно ограничиться указанием на чередование в и.-е. ā и ō, примером чего могут служить греческое дорическое φάμι «говорить» и φωνή «звук». Последнее является именным образованием, совпадающим, кстати, и с точки зрения словообразовательной структуры с латинским dōnum.

Мало вероятно толкование элемента -dō как императивной формы и потому, что в латинском языке указательная местоименная частица никогда не бывает проклитической. Все местоименные усилительные, указательные частицы всегда занимают второе место, ср. huiusce, ī-dem, id-em, is-te, tute.

Особенно такая позиция частицы характерна в и.-е. языках для структур, выражающих побуждение, например:

лат. *ehodum*, «делай же» *age-dum*, гр. ἄγε δὲ «ну же»,

лит. *eĩk-s* «иди сюда», русск. ну-т-ко, ну-те-т-ко, дай-то (бог) рус. -то, так же, как и лат. -dum, может стоять и при местоимении, например: «он-то придет»). В русских былинах постоянны комплексы типа «сядь-ко-ся», «дай-ко-ся», «заходи-ко-ся». Вяч. Вс. Иванов полагает, что в побуждениях начальное положение глагола характерно для всех древних индоевропейских языков⁴.

² Иванов Вяч. Вс. Проблема ларингальных в свете данных индоевропейских языков Малой Азии.— Вестник МГУ. Историко-филологическая серия, 1957, с. 33—34.

³ Шатров Г. М. О причинах глагольной вариантности в латинском языке.— Учен. зап. ТГУ, Вопросы лингвистики, № 59, 1966, с. 115—120.

⁴ Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская праславянская и анатолийская языковые системы. М., «Наука», 1965, с. 256—265.

Все приведенные факты говорят о том, что элемент *-do* в *cedo* вряд ли можно рассматривать как форму повелительного наклонения.

Трудно принять и толкование *cette* < **ce* + **dte* < **ce* + **date*, так как редуцированная форма от *-date* неоднократно засвидетельствована как *-dite*: *reddite*, *condite* и т. д.; и *cedo* в *pl.* должно было иметь форму **cedite*.

Мы предполагаем, что *-do* в *cedo* родственно местоименному **do-*, обнаруживаемому в *quan-do* и в архаической форме *en-do*, где **-do* несет определенное указательное значение, которое еще может быть отмечено в Законах XII таблиц и у Луцилия, ср. *Sī non it, capito, inquit, eum, et si salvitur, endo ferte manum.* (Luc. Sat. XVIII, 10—11) «Если он не идет, нужно его схватить, говорит, и если увертывается, наложите на него (*en-do*) руку». Возможно, *-do* в *cedo* представляет собой местный падеж, подобно *quo*, где *-o-* может быть из *-oi*⁵, а в результате ямбического сокращения *cedō* > *cedo*, а скорее всего является несклоняемой частицей. Что же касается *cette*, то *-d-*, возможно, появилось по аналогии с *-d-* в *singularis*, а возможно, двойное написание *-tt-* не отражает истинной истории развития данной формы.

Элемент *-do* в *cedo* типологически можно сравнить с частицей *dhi*, которая часто присоединяется к императиву, равному корню в нулевой ступени, ср. императивы: санскр. *ihi*, гр. *ἴ-θι*, хетт. *it* < **iti* «иди». Весьма показательно, что в греческом языке встречаем *-θι*, обозначающее местонахождение где-либо, не сохранившееся в аттическом диалекте, но встречающееся в полунаречных словах у Гомера и его подражателей: *ἄλλο-θι* «в другом месте», *οἴ-θι* «где», *οἴκο-θι* «дома»⁶. Элемент *-θι* в императиве мог первоначально указывать на определенное место, где должно совершаться то или иное действие.

Что же представляет собой элемент *се-*?

Се- восходит к корню **ke-*, **ki-*, **ko-*, выступающему во многих индоевропейских языках в виде указательных частиц и местоимений: лат. *cis* «по эту сторону», *citra* «по эту сторону» умбр. *ṣitu*, *ṣita*, гр. *κε* в *κεῖνος* < **ke* + *enos* «он»; «этот», лит. *sis* «этот», «сюда», старославянское *се/сь*. В латинском варианте *се/-се* выступает и в постпозиции (*-се*, которое могло присоединиться факультативно к любому местоимению). У Плавта и Теренция мы встречаем *ille* и *illic*, *illum* и *illunc*, *ipsius* и *ipsiusce* и т. д. Частица *-се* служит «для

⁵ Leumann-Hofmann-Szantyr, Lateinische Grammatik. B. I. Lateinische Laut- und Formenlehre von Manu Leumann. 1963, S. 273.

⁶ Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. Пер. Я. М. Боровского. М., 1953, с. 14.

более точного обозначения лица или предмета, о котором говорят»⁷. В полной форме она встречается в надписях, например: haice=haec (C. I. L., 1², 581), honce=hunc (C. I. L. XI, 4766), -hance=hanc (1², 582, 1, 268), hoiusce=huiusce (1¹, 198, 1, 58), hoice=huic (1², 582, 1, 26), heisce=hi (1², 675)⁸.

Нужно думать, что это указательное местоимение-частица — имело значение «вот», «сюда». Последнее значение ясно выступает в литовской форме eĩk-s «иди сюда»⁹, элемент -s которой восходит к интересующему нас корню. Такое же значение имеет и компонент se формы cedo. Поскольку форма se представляла собой односложное образование и преимущественно выступала в качестве энклитики при местоимениях, в самостоятельной функции она получает подкрепление в виде -do. Cedo означало, таким образом, «вот это, именно это», «вот сюда», а отсюда понятно и побудительное употребление «вот сюда! = клади! дай! ставь» и т. д. Ср.: у Плавта Cedo argentum (Persa, 422) «дай денег!» = «сюда деньги»; Cedo aquam (Most., 308) «дай воды»; Cedo manum (Amph. 1075) «дай руку».

Наше предположение, на наш взгляд, подтверждает и ессе, имеющее значение «вот, гляди, смотри на». Все исследователи вторую часть данного слова единодушно квалифицируют как указательную частицу -се.

В ессе компонент -се скорее имеет уже значение указательной частицы и, как видим, занимает и место указательной энклитической частицы. Любопытно, что при ессе, как и при cedo у Плавта и Теренция, как правило, стоит аккузатив, ср.: «Ессе me, qui id faciam vobis (Ter. Adel. 995) «Вот я, который вам это сделает»; Quid me quaeris? quid laboras quid hunc sollicitas? Ессе me (Plt. Epid. 680). «Что ты меня ищешь? Что трудишься? Что ты его беспокоишь? Вот я»; Ессе odium meum (Plt. Poen. 352) «Вот моя ненависть»¹⁰.

Указательность могла усиливаться другими дейктическими местоимениями, которые впоследствии слились с ессе, и в письменной латыни мы обнаруживаем такие формы, как ессим < ессе + *hom, ессам < ессе + *ham, ессос < ессе + *hos, есса < ессе + *ea, есциллам < ессе + illam, есциллум < ессе + illum¹¹. Как видно из вышеприведенного, ессе слилось во

⁷ Эрну А. Указ. соч., с. 106.

⁸ Эрну А. Указ. соч., с. 109.

⁹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Пер. Д. Кудрявского. М.—Л., 1938, с. 358.

¹⁰ Аналогичные примеры: Plt. Miles gl. 611, Rud. 1178.

¹¹ Leumann M. Указ. соч., с. 286; Sommer F. Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1948, S. 447.

тива. Все эти слитные формы, строго говоря, представляют собой сложные указательные местоимения, но у Плавта и Теренция иногда весьма прозрачно выступает значение целого предложения, например: *Sed eccum sceleratum Sygum* (Ter. Adel. 553) «Но вот разбойник Сир (на его разбойника)»; *Sed eccum ipsum* (Ter. Adel. 720) «Но вот он сам». Аккузативы *sceleratum Sygum* и *ipsum* являются приложением к местоимению, зависящему от *esse* и слившемуся с ним¹².

К корню *ke-/ki-ko-* С. Я. Лурье возводит и славянское «ке», имеющее то же значение, что и латинское *se*, а именно «дай», «бери», и «вот»¹³, например: *ке табачку «дай-ка»* или «на-ка табачку»¹⁴. «Ке», подобно *se*-, требует винительного падежа и имеет форму множественного числа «ке-те». Впоследствии по аналогии оно получает и форму инфинитива несовершенного вида «кетовать» и даже отглагольного существительного «кеточка»¹⁵. Фонетической разновидностью этого «ке» С. Я. Лурье считает и словенское «ко», например: *КО ПРИДИ «давай приходи»*¹⁶. Однако при возведении славянского «ке» к интересующему нас корню мы встречаемся с серьезными фонетическими трудностями. Известно, что индоевропейское *-k-* перед гласным переднего ряда в славянских давало *-с-*, и наш корень встречается в виде указательных частиц в таких словах, как «днесь», «здесь»¹⁷. Можно предположить, что в славянских языках сохраняется второй вариант нашего корня в местоименном употреблении: «ко», в окающих говорах и «ка» в акающих, ср.: «где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем», «тутот-ко»; «чем мне-ко будет князя дарить»¹⁸; в акающих говорах: «мне-ка», тебе-ка», «нут-ка». Что касается *ка*, то хотя индоевропейское *k* в славянских языках давало *с*, однако известны случаи, когда палатализация проводилась непоследовательно, например, вторая палатализация не коснулась некоторых говоров русского языка. С. М. Глушкина отмечает отсутствие второй палатализации в псковских и новгородских летописях и приводит целый ряд примеров из обиходной лексики «кеж»

¹² Аналогичные примеры: *Plauti Amphitruo* (120, 778), *Bacchides* (772, 784), *Captivi* (169), *Miles gloriosus* (1427—1428), *Pseudolus* (36), *Rudens* (241, 576), *Terentii Adelphoe* (890).

¹³ Лурье С. Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках. Львов, 1955, с. 18.

¹⁴ Даль В. Толковый словарь великорусского языка. Т. 2. СПб., М., 1881, с. 106.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лурье С. Я. Указ. соч., с. 18.

¹⁷ *Walde-Hoffmann A.* Указ. соч., т. 1, с. 193.

¹⁸ Примеры заимствованы из книги А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», 4. М.—Л., 1941, с. 187.

вместо палатализованного «цеж», «кеп» вместо «цеп» и т. д.¹⁹ Кроме того, здесь могла проявиться так называемая «непоследовательная сатэмность», характерная в частности для балтийских и славянских языков. Варианты *k и *k̃ используются в целях лексического противопоставления: русск.: «при-слониться» и «при-клониться»; лит. *pir̃kl̃ys* «купец» и *pir̃sl̃ys* «сват»; *pir̃kti* «покупать» и *pir̃sti* «сватать».

Для семантического различия мог сохраниться вариант КЕ с побудительным значением «дай» в отличие от местоименного се/сь, хотя восходят они к одному корню.

Об общих истоках побудительных слов и местоимений и местоименных частиц говорят и следующие примеры.

В греческом языке есть слово *τη* со значением «на», «бери». Оно имеет форму множественного числа с характерным

окончанием императива *τη ~ ιε*, управляет винительным падежом, например: *τη τόδε φάρμακον ἑσθλόν* (Одиссея,

Х, 287) «Возьмите хороший напиток». Но это же *τη* способно в качестве указательной местоименной частицы входить

и в дорийскую местоименную форму *τηνος* < **τη* + *ενο*. П. Шантрэн об этом местоимении пишет: «...дорийской формой является *τηνος*, где местоименной части = *ενο* предше-

ствует другая указательная частица (ср. гомер. *τη* «на!»)²⁰.

Следующей формой, которую можно поставить рядом с *се*до, является *επ*, имеющая значение «на, вот, бери». Все исследователи латинского языка форму *επ* объясняют как синкопированную от императива *επε*. Предполагается, что *επε* переходит в категорию междометий, и поэтому конечный гласный -е, как не имеющий флективной функции, подбегается апокопе²¹.

Против такого толкования формы *επ* трудно что-либо возразить. Действительно, глагол *εμεγε*, к которому возводится форма *επ*, восходит к индоевропейскому корню **εμ*-со значением «брат».

¹⁹ Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). — «Псковские говоры», 2. Псков, 1968, с. 20—43.

²⁰ Шантрэн П. Указ. соч., с. 104.

²¹ Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка, с. 51; Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 91, 233.

Былое существование такого значения глагола *emere* в латинском языке подтверждает Веррий Флакк, который в своем словаре дает следующее разъяснение значения глагола *emere*: *Emere enim antiqui dicebant pro accipere* (Sexti Pompei Festi de verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome... Ed. Lindsay, Leipzig, 1913, p. 4, s. 30—31). «Ведь древние говорили *emere* вместо *accipere*». И в старославянском языке глагол *имати* означает «брать». Глагол *имать* со значением «брать» бытует в ряде диалектов русского языка²². Все латинские приставочные глаголы сохраняют именно это древнее значение, ср. *demo* < **de-eto* «снимать», *срывать*, *вынимать*», *propto* < **pro-eto* «вынимать, доставать, вытаскивать», *supto* < **susmo* < **subseto* «брать», *хватать*, *схватывать*, *собирать*, *убирать*». С появлением у древних итальянцев обмена, а затем купли-продажи глагол *emere* получает новое осмысление «покупать». Форма императива *eme* означает «бери», «покупай», а краткая форма означает «на!», «бери!».

Функция и семантика формы *em* у Плавта, сравнение с подобными побудительными словами в других языках наводят на следующие размышления.

Прежде всего, бросается в глаза сходство значения формы *em* со значением формы *cedo*. Например, у Плавта очень часто на просьбу, выраженную с помощью *cedo* «дай», второй собеседник непосредственно предлагает: *em* «бери». Предмет, который просят и предлагают, находится на глазах у собеседников, ср.:

Ег. *Cedo manum*.

Не. *Em manum* (Plt. Capt. 859) «Дай руку. — Бери руку»;

Alc. *Em pateram tibi: ecce*.

Amph. *Cedo mi* (Amph. 778) «Бери себе чашу, вот она. — Дай мне (ее)»;

De. *Cedo manum*.

Ca. *Em. tene* (Most. 332—333) «Дай руку. — Бери, держи!».

Подобно *cedo*, форма *em* в предложении управляет винительным и дательным падежами, например:

Em hominem tibi,

qui a matre et sorore venit (Plt. Mil. gl. 1312) «вот тебе человек (-получай себе человека), который прибыл от матери и сестры»;

Em tibi hominem (Asin. 880) «вот тебе человек».

Как и *cedo*, *em* способно управлять придаточным предложением:

Cedo ut bibam (Most. 373) «дай пить» («дай, чтобы я пил»);

²² Даль В. Толковый словарь..., т. 2, с. 42.

Cedo ut inspiciam (Curs. 654) «дай взглянуть» (дай, чтобы я взглянул»);

Em ut scias me liberum esse (624) «вот (на), знай, что я свободен» («вот, (на), чтобы ты знал, что я свободен»).

Форма *em* нередко приближается к функции указательной частицы и часто выступает у Плавта в роли обособленной указательной побудительной частицы при императиве, например:

Em tene (Most. 333) «на (вот), держи»;

Em huic habeto gratiam (Most. 1180) «на (вот), благодари его»;

Em serva (Persa, 810) «на (вот), храни».

Впрочем, в такой же функции часто выступает и греческая форма *τη*, о которой говорилось выше, ср. *τη νυν τουτων* 'ιμ'αντα. τεω 'εϋκ'ατθεο κόλλω (Hom. I. i. XIV. 219) «вот на, спрячь этот пояс у себя на груди».

Известная наполненность значением указательности могла усиливаться дейктическим местоимением *ille*, но и в этом случае *em* требовало после себя аккузатива, ср. *ellum* < **em*+*(i)llum, *ellos* < **em*+*(i)llos и т. д., где генетически *em* может рассматриваться как побудительное слово с зависимым аккузативом.

Таким образом, намечается явный параллелизм между слитными образованиями с *cedo* и слитными образованиями с *em* и эволюцией *se* и *em*:

em → *ellum*,
 ellam
 ellos
 ella's
 ella

se → *esse* → *essum*
 essam
 eccos
 essa
 eccillum
 eccillam

Как побудительная, так и местоименная функции интересующих нас форм являются вполне закономерными, ибо, как установлено в результате исследования ранее малоизученных языков, местоименные слова различных систем происходят от полнозначных слов, абстрагированных в результате развития языка и мышления²³.

Общие истоки глаголов и местоимений наблюдаются и в индоевропейских, и в тюркских, и в финноугорских языках. Достаточно привести следующие примеры: древнеиндий-

²³ См.: Hirt H. Indogermanische Grammatik. B. 3. Das Nomen. Heidelberg, 1927, S. 9, 10, 13, 15; Меновщиков Г. А. Указательные местоимения в эскимосском языке.— ВЯ., 1955, № 1, с. 28—29; Майтинская К. Е. К происхождению местоименных слов в языках разных систем.— ВЯ., 1966, № 1, с. 15—25.

ское местоимение пета «некоторый» генетически явно восходит к *petadhiiti* в значении «разъединять», латинское местоимение *quivis* «всякий», «любой» состоит из двух частей: местоимения *qui* «кто», «который» и глагола 2-го л. ед. ч. *vis* «хочешь». В удмуртском (финноугорская группа) местоимение *wan'* «все» связано с глаголом *wan'* «существует, имеется, есть».

Побудительные слова, подобные латинским *cedo*, *cette* и *etn*, существуют и в других языках, как в индоевропейских, так и в не индоевропейских. Достаточно привести русские «на!», мн. ч. «нате!», «ке», мн. ч. «кетел!» в значении «дай».

«дайте»²⁴, гр. *τη, τηε* «на!», «бери!», лит. *te* с тем же значением. Во множественном числе литовская форма получает даже характерный суффикс, свойственный литовскому императиву, *-k-*: *tekit*, в современном итальянском языке *te* «на!», «бери!»; фин. *se* «на!», «вот!», *sekää* «нате». Д. В. Бубрих называет их повелительными междометиями; удм. *ме!* «на!», *те лә!* «нате!»²⁵. Как правило, все приведенные формы имеют значение «дай!», «бери!», причем «дай!» или «бери» не вообще, а что-то конкретное, что находится перед глазами обоих собеседников. А. М. Пешковский о русской форме «Ке» писал, что она означает «Возьми то, что я тебе протягиваю»²⁶. С. Я. Лурье справедливо замечает, что истинный смысл русского побудительного слова «на!» можно раскрыть следующим образом: «возьми вот это, что лежит здесь, и мы оба видим его своими глазами». Когда мы говорим: «на́ ключ», мы держим этот ключ в руке, а тот, кому передаем, видит его. Нельзя сказать «иди домой и на́ там ключ»²⁷.

С. Я. Лурье, исследовавший подобные формы в индоевропейских языках, условно назвал их «вербоидами» и полагал, что они являются реликтами языкового строя, существовавшего до восстанавливаемого общеиндоевропейского языка²⁸. Трудно сказать, к какому периоду восходят эти слова, но несомненно одно, что их нельзя отнести к императиву и трудно причислить к категории междометий.

Будучи лишенными характерных глагольных флексий и суффиксов, семантически обладают целым рядом ярко выраженных грамматических признаков глагола: имеют

²⁴ См.: Даль В. Толковый словарь..., т. 2, с. 106.

²⁵ Грамматика современного удмуртского языка. Ижевск, 1962, с. 359.

²⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, с. 151—152.

²⁷ Лурье С. Я. Указ. соч., с. 10.

²⁸ Лурье С. Я. Указ. соч., с. 10—12.

значение наклонения, обладают категорией числа (имеют единственное и множественное число), категорией переходности; подобно глаголу, управляют именами в винительном и других косвенных падежах и, подобно глаголу, обладают важнейшим синтаксическим признаком — быть сказуемым в предложении, выступая в качестве предиката. Основная функция этих слов — выражать побуждение к действию.

К ВОПРОСУ ОБ *-ON В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ФЛЕКСИИ GENETIVUS PLURALIS

Г. М. ШАТРОВ

(Томск)

В индоевропейском языкознании традиционно окончанием gen. plur. считалось* -ōn, содержащее долгий гласный «о». Только об окончании с долгим гласным говорят, например, А. Шлейхер¹, К. Бругман² и Ф. Ф. Фортунатов³. Однако исследователи уже давно пришли к мысли о возможности существования в индоевропейском языке и окончания *-on с кратким гласным⁴. Это окончание А. Мейе принимает для славянского, древнерусского, умбрского и древнеирландского языков⁵. Нам кажется, что в определенных случаях можно предположить использование окончания *-on с кратким гласным «о» и в греческом языке.

Как известно, в древнегреческом языке ударение не может падать на 3-й слог от конца слова, если конечный гласный долг. Так, при ударении на начальном слоге в gen. sing. γ'ερωντος существительного γ'ερων «старик» во множественном числе в этом же падеже ударение перемещается на один слог вправо: γ'ερόντων, в связи с присоединением к основе γ'ερонт-окончания с долгим гласным.

Относительно этой закономерности важно отметить, что, по словам И. М. Тронского, посвятившего особое исследова-

¹ Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 4. Auflage. Weimar, 1876, S. 544—548.

² Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen Strassburg, 1904, S. 394.

³ Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков. — В кн.: Избранные труды. Том 2. М., 1957, с. 416 слл.

⁴ Osthoff H. Kleine Beiträge zur Declinationslehre der indogermanischen Sprachen. I. 1. Die Bildung des gen. plur. im Indogermanischen. — См.: Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. I. Theil. Leipzig, 1878, S. 207—232.

⁵ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 305; Он же. Общеславянский язык. М., 1951, с. 315.

ние проблеме ударения в греческом языке, «...конечный ансамбль и зона ударности — явления общегреческие, предшествующие выработке диалектных отличий»⁶.

В соответствии с этим аттический генитив единственного числа πόλεως существительного πόλις «город» не может считаться исконным (иначе бы он произносился *πολ'εως). И действительно, эта форма возникла из πόλη-ος, засвидетельствованного у Гомера (например, II., 16, 395), в результате перестановки количества гласных (metathesis quantitatis) : -ē-ος > -ē-ōs.

Необычной является и форма gen. plur. πόλεων. Ударение ее объясняется аналогией с ударением в gen. sing. πόλεως⁷. Но если причиной изменения места ударения служит аналогия, то почему подобной аналогии мы не наблюдаем у существительных с основой на заднеязычный, губной, зубной, на -п, на -s и т. д., которые не изменили места ударения в gen. plur. под влиянием gen. sing.? Для примера назовем соответственно nom. sing., gen. sing., gen. plur. некоторых существительных:

μ'αστιξ «бич»	μ'αστιγος — μαστίγων
φ'ύλαξ «сторож»	— φ'ύλακος — φύλακων
ὄνυξ «ноготь»	— ὄνυχος — ὀνύχων
ἔρις «ссора»	— ἔριδος — ἐρίδων
κόρυς «шлем»	— κόρυθος — κορύθων
σῶμα «тело»	— σώματος — σωματων
φ'ύλαξ «сторож»	— β'ελεος — βελ'εων и т. д.

Может быть, аналогии содействовало то обстоятельство, что в πόλεως и πόλεων весьма близки по звучанию исходы этих форм? Но тогда почему аналогия не имеет места в слове κρ εας «мясо» с gen. sing. κρ εως и gen. plur. κρεων? Почему ее нет в ионийском типе существительных мужского рода на -της, например, в πολί'ητης «гражданин», где при акцентологически аномальном gen. sing. πολί'ητεω (из *-τηο) сохраняется закономерная форма gen. plur. πολιητ'εων? Почему, далее, вопреки действию аналогии у существительного πόλις в gen. dualis ударение осталось на своем месте: πολ'εοιν? Наконец, непонятным представляется то, что аналогия проявила себя не в каком-то отдельном, изолированном, экзотическом слове, а в целом типе имен с основой на -i, многие из которых весьма употребительны. Поэтому ссылка

⁶ Тронский И. М. Древнегреческое ударение. М.—Л., 1962, с. 106.

⁷ Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, с. 72, § 86; Schwyzler E. Griechische Grammatik. I. Bd München, 1953, S. 572.

на то, что в формах типа πόλεων место ударения объясняется вмешательством аналогии, кажется нам неубедительной. Действительно, для πόλεως хорошо уже одно то, что ударение здесь способно удержаться на исконном месте, хотя оно и стало противоречить нормам акцентуации. И напротив, маловероятным кажется предположение, чтобы ударение покинуло свое место и началось двигаться против действия акцентуационных законов в целом классе имен.

Очевидно, что к помощи аналогии мы прибегаем здесь потому, что нет иного объяснения. В этих условиях представляется вполне целесообразным высказать другое истолкование возникновения формы πόλεων.

Может быть, в основании сходства между πόλεως и πόλεων лежит не аналогия, а более глубокие причины? Не имеет ли у них общего происхождения долгий гласный «о»? Тогда окажется, что в πόλεων не место ударения, а происхождение долготы конечного гласного аналогично возникновению ее в gen. sing., т. е. как πόλεως вытекает из πόληος, так πόλεων объясняется из *πόληον, в котором ударение на начальном слоге закономерно. Но это означает, что здесь нужно допустить в gen. plur. окончание *-ον.

Любопытно, что для существительного πόλις гласный -η- засвидетельствован в gen. sing. (πόληος, напр., Il. 16, 395), в dat. sing. (πόληι Il. 3, 50), в acc. sing. (πόληα Hesiod. Scut. 105), nom. plur. (πόληες, напр., Il. 4, 45), acc. plur. (πόληας, Od. 17, 486). Между тем форма gen. plur. *πολ'ηων, которая показала бы, что metathesis quantitatis здесь не происходила, не засвидетельствована. Может быть, это не случайность? Если допустить в gen. plur. окончание *-ον, то отсутствие *πολ'ηων следует признать естественным: *πόληον > > πόλεων.

Вполне понятно и отсутствие формы *πόληον: во всех падежах, содержащих -η-, флексии не отличаются от флексий имен с основами на вогласный звук и на -и-, а окончание *-ον стояло бы обособленно. Поэтому здесь осуществление metathesis quantitatis есть не просто возможность, а необходимость, диктуемая давлением всей именной парадигмы.

Кроме характерного для аттического диалекта генитива πόλεων в греческом существовала также форма πολ'ίων, используемая и Гомером (напр., Il. 1, 125). Если сопоставить их между собою, то окажется, что аттическое πόλεων из *πόλη(ι)-ον (< *πόλει-ον) содержит полную ступень основообразующего суффикса *-ει- и краткую форму падежного окончания генитива множественного числа *-ον-, тогда как πολ'ίων, наоборот, характеризуется нулевой ступенью суф-

фикса и падежным окончанием с долгим гласным (πολι-ων). Место ударения в обоих случаях закономерно.

У имен с основой на -о/е с неударным конечным слогом типа *'ανθρωπος, λυκος в родительном падеже множественного числа окончание -ων является безударным. Греческий грамматик II в. н. э. Геродиан, разработавший учение об ударении, говорит, например: «При баритонных (т. е. не имеющих ударения на конечном слоге. — Г. Ш.) именительных падежах множественного числа, оканчивающихся на -οι, баритонно произносятся и их родительные падежи: φίλοι φίλων, ἡμέροι ἡμέρων»⁸. Таким образом, ген. plur. названных выше существительных имеет такой вид: 'ανθρωπων, λυκων. В последнем слове, где ограничения в зоне ударности не действуют и ударение может быть и на предпоследнем, и на конечном слоге, ударным является тот же слог, что и в древнеиндийском: vr'kām «волков».

Чем же объясняется место ударения у этих существительных в ген. plur. в древнегреческом? Ведь в форме *'ανθρωπο-ων ударение не может отходить от конца слова дальше «о»: *'ανθρωπό-ων, и в результате стяжения гласных генитив должен был принять вид *'ανθρωπων. Между тем в действительности ударным является второй от конца слог: 'ανθρ'ων. Как возникает эта форма? С традиционной точки зрения возможны, видимо, два объяснения: 1) она сложилась в греческом как *'ανθρwl-ων; 2) ударение переместилось на один слог по аналогии, например, с формой ген. sing. 'ανθρω'ου.

Ссылка на *'ανθρwl-ων невольно наводит на сомнения: гласный -о/е основы представлен в единственном числе в номинативе, генитиве, дативе, аккузативе, вокативе. Основа в полном виде выступает и в падежах множественного числа — в номинативе, дативе, аккузативе. Лишь генитиву мы отказываем в этом и, чтобы объяснить необычное место ударения, исходим из усеченной основы 'ανθρwl-. Почему эта форма должна была оказаться на каком-то особом, исключительном положении?

Обращение к аналогии тоже не представляется убедительным. Не означает ли ссылка на аналогию лишь того, что мы не видим иных возможностей истолкования данной

⁸ Herodiani Technici reliquiae. Collegit... A. Lentz. T. I. Lipsiae, 1867, p. 425, 1.7—8.

формы? Вспомним, что когда мы оказались в затруднительном положении с $\pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\nu$, единственным помощником тоже была именно аналогия. Можно ли не усомниться в этом аргументе: как генитив, так и ...аналогия?

Если же мы допустим в качестве окончания генитива множественного числа окончание *-ov, то форма $\alpha\nu\theta\rho\omega\pi\omega\nu$ может быть объяснена как образование, закономерное и с точки зрения основы, и с точки зрения ударения:

* $\alpha\nu\theta\rho\omega\lambda\text{-}ov > \alpha\nu\theta\rho\omega\pi\omega\nu$.

Есть ли возможность проверить это предположение?

Прозаический текст нам помочь, видимо, не может. Но несомненно может оказать помощь текст ритмизированный: лишь он в состоянии сохранить какие-либо следы нестяженного произнесения гласных «о» основы и окончания генитива. Самыми древними в греческом языке из текстов такого рода являются поэмы Гомера. К ним мы и обратимся.

В «Илиаде» (Ψ 806) читаем:

$\psi\alpha\nu\sigma\eta\ \delta'\ \epsilon\nu\delta\iota\nu\omega\nu\|\delta\iota\alpha\ \tau'\ \epsilon\nu\tau\epsilon\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\ \alpha\iota\mu\alpha$

— — / — ? / — // — — / — — — / — — — / — —

Затруднения вызывает здесь gen. plur. $\epsilon\nu\delta\iota\nu\omega\nu$ «внутренностей». Дело в том, что у прилагательных с безударным суффиксом -ivo- -i- является кратким, напр.: $\beta\upsilon\beta\lambda\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, $\delta\epsilon\rho\mu\acute{\alpha}\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, $\delta\rho\upsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ (все со времени Гомера) и т. д. А если -i- краткое, то во второй стопе, которая должна быть дактилической (— — —), недостает одной моры: $\epsilon\nu\delta\iota\text{-}$ (— — —).

Поэтому слово $\epsilon\nu\delta\iota\nu\omega\nu$ породило целую литературу. По поводу этого слова писали В. Шульце⁹, К. Бругман¹⁰, Ж. Вандриес¹¹, П. Шантрэн¹², Ф. Шпехт¹³, А. Вальде — Й. Б. Гофман¹⁴, В. Мейд¹⁵, Я. Фриск¹⁶.

⁹ Schulze W. Quaestiones epicae. Gueterslohiae, 1892, s. 253.

¹⁰ Brugmann K., Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2-te Bearbeitung. 2. Bd. 1. Teil. Strassburg, 1906, S. 276.

¹¹ Vendryes J. Mélanges étymologiques. I. Grec $\epsilon\nu\delta\omicron\nu$, $\epsilon\nu\delta\iota\nu\omicron\varsigma$. — «Mémoires de la Société linguistique de Paris», 15 (1909), p. 358—360.

¹² Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, p. 203—204.

¹³ Specht F. Eine Eigentümlichkeit indogermanischer Stammbildung. — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», 62 (1935), стр. 232, прим.

¹⁴ Walde A. — Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. I. Bd. Heidelberg, 1938, S. 694.

¹⁵ Meid W. Zur Dehnung praesuffixaler Vokale in sekundären Nominalbildungen — «Indogermanische Forschungen», 62 (1956), S. 262—275.

¹⁶ Frisk H. j. Griechisches etymologisches Wörterbuch. 1. Bd. 6. Lief. Heidelberg, [1957], S. 511.

Метрическое удлинение видят здесь В. Шульце, Ф. Шпехт, Э. Швицер¹⁷, А. Вальде — И. Б. Гофман.

Ж. Вандриес полагает, что однажды встречающееся у Гомера *ἐνδίων* — это gen. plur. среднего рода от *ἐνδία* в значении «внутренности» и что в *ἐνδιος* содержится тот же суффикс *-ιος*, который мы встречаем в *αὔχιστιος*, *χοραχίος* и др. Как свидетельство в пользу долготы *-ι-* в *ἐνδιος* он рассматривает существование основы **endi-* (ср. ирл. *inne* «кишка» < **endio-*), которой противостоит основа **endo-*, засвидетельствованная в греч. *ἐνδον* и лат. *endo*.

П. Шантрэн в истолковании *ἐνδίων* исходит из прилагательного *ἐνδιος*, употребленного как существительное та *ἐνδία*, где долгота гласного *-ι-* может объясняться «столкновением между индоевропейским суффиксом и средиземноморским исходом слов»¹⁸ на *-ίπο-*.

В. Мейд на основе анализа балто-славянского и греческого материала приходит к выводу, что суффикс *-ίπο-* свойствен существительным, а суффикс *-ίπο-* — прилагательным. Субстантивно-адъективная оппозиция этих суффиксов ясно наблюдается в лит. *sniegūnas* «снежная масса, лавина» и *sniegīnas* «снежный», в греч. *χοραχίος* «вороненок» и *χοράχιος* «цвета воронова крыла». Для рассматриваемого нами существительного это означает принятие в ном. plur. формы та *ἐνδία*. О соотносительном прилагательном автор ничего не говорит. Но если это прилагательное предполагать, то оно, подобно упомянутому автором *ἐνδιος* «здесь» в мегарском (: *ἐνθα* «здесь»), должно было бы иметь форму **'ἐνδιος*.

Как видим, нет недостатка в попытках истолковать количество гласного *-ι-*.

Однако убедительны ли все эти объяснения?

Относительно метрического удлинения создается впечатление, что под него могут быть подведены любые явления.

¹⁷ Schwyzer E. Op. cit., p. 490 (8).

¹⁸ Chantraine P. Op. cit., p. 203—204.

неясные по происхождению. Так, у существительного ἄνεψιός «двоюродный брат, родственник» гласный -ι- краток, однако в 15-й песни «Илиады» (стих 554) читаем:

ἔντρειπται φίλον ἦτορ ἄνεψιον κατ' ἐνοιο
 — ◡◡/—◡◡/—◡/◡/—?—◡◡/—◡,

где как будто нужно исходить из долгого -ι-. Но исследователи устанавливают¹⁹, что здесь была использована древняя генитивная форма ед. ч., которую реконструируют в виде *ἄνεψιόο, не засвидетельствованного в рукописной традиции, и в стихе, следовательно, надо в действительности видеть ...

*ἄνεψιόο κατ' ἐνοιο (◡/—◡◡/—◡◡/—◡), что не требует толковать -ι- как долгий гласный²⁰. Таким образом, с развитием науки сфера приложения метрического удлинения сужается.

Обращение к помощи средиземноморского субстрата означает фактически ссылку на другое неизвестное. При этом надо иметь в виду, что в греческом языке слова с ударением на 3-м слове от конца, содержащие суффикс -ιπο- (например, κάπνιος «печь», χυμίων «тмин», σέλινον «сельдерей»), надежно не этимологизируются и являются, видимо, заимствованиями²¹, тогда как ἐνδίων является производным от наречия ἐνδον «внутри».

Вывод Ж. Вандриеса вполне может быть принят, но только как одна из возможностей, ибо не в меньшей степени вероятно существование формы ἐνδίωνος, которая могла быть образована как от ἐνδον, так и от основы *endi-, ср. ἵρι-ς (асс. ἵρι-ν) и ἵρινος «ирисовый», κινναβαρί и κινναβαρίνος «цвета киновари, ярко-красный».

Это же можно сказать и об аргументации В. Мейда, так как в балтийских и славянских языках имеются не только прилагательные, но и существительные с суффиксальным -ip-, содержащим краткий гласный -i-, например: лит. āvinas «баран» от avis «овца»; ст.-сл. овьнь «баран»; лит. kiř-

¹⁹ См., например: Шантрэн П. Указ. соч., с. 25, § 15.

²⁰ Однако в словарях до сих пор можно встретить указание на то, что в этом слове -ι- является иногда долгим, см., например: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958, с. 147; Benseler Griechisch-deutsches Wörterbuch, bearb. von A. Kaegi. Nachdruck der 15. neubearb. Auflage. Leipzig, Teubner, 1962, S. 63.

²¹ Schwyzer E. Op. cit., p. 491 (9).

iminas «червь» от kirmis, то же; zasinas²² (диал.) «оперившийся гусенок» и zasinis «гусиный» от zasis «гусь»; kāpines (plur.) «кладбище» и karinis «кладбищенский, могильный» от kāpas «могила»; zoline «пучок трав, букет» и zōlinas «покрытый травой», zolinis «травяной, травянистый» от zolē «трава»; pentinas «шпора» от pēntis «обух» и церк.-сл. пАтьно «шип, шпора», др.-русс. пятьно «клеймо, знак» при ст.-сл. пАта, др.-русс. пята «пятка»²³. С точки зрения греческого языка не исключается возможность, что 'ενδινα — это субстантивированная форма прилагательного 'ενδινος.

Единодушия в подходе к форме 'ενδιων не достигнуто до сих пор. Так, П. Шантрэн высказывает мысль о номинативе 'ενδινα в 1933 г. Спустя 20 лет, в 1953 г., Э. Швицер, один из очень авторитетных исследователей древнегреческого языка, придерживается мнения о том, что в 'ενδιων имеет место метрическое удлинение гласного -ι-²⁴. Наконец, спустя еще почти 20 лет, в 1970 г. П. Шантрэн в «Этимологическом словаре греческого языка» говорит, что метрическое удлинение здесь «возможно, но маловероятно»²⁵.

Как нетрудно заметить, все разнообразие рассмотренных толкований формы 'ενδιων основывается на том, что именительный падеж этого слова неизвестен. Однако это не так. Его знал греческий грамматик II-го в. н. э. Геродиан: «Пропарокситонные слова (с ударением на 3-м слоге. — Г. Ш.) на -ivos пишутся через ι, ... ξυλινος, κόφινος, 'ανθρωπινος, καμινος, 'ενδινος, откуда ''ενδιον»²⁶;

«'ενδινα «внутренности» пишется через ι, как 'ανθρωπινος. Ведь 'ενδιμος»²⁷;

«(Ψ 806) 'ενδιων: как σελ'ινων; образуется же 'ενδιον от 'ενδον»²⁸.

²² В литовских примерах по техническим причинам «а носине» и «е сяуройи» передаются курсивными буквами *a* и *e*.

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. М., 1971, с. 425, 424.

²⁴ Schwyzer E. Op. cit., p. 490 (8).

²⁵ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. II. Paris, 1970, p. 346.

²⁶ Herodiani Technici reliquiae. Tomi II fasc. 1. Lipsiae, 1868, p. 448, 6—8.

²⁷ Ibidem, p. 506, 32.

²⁸ Ibidem, p. 123, 37.

Приведенный материал показывает, что Геродиану известны прилагательные $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\varsigma$, существительные $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\nu$ (ед. число) и $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\alpha$ (мн. число), что в языковом сознании греков они тесно связаны с наречием $\epsilon\upsilon\delta\omicron\nu$ «внутри», что ударение в них падает на 3-й слог от конца.

В какой мере можно полагаться на это сообщение Геродиана?

Он, вне всякого сомнения, вполне отдавал себе отчет в том, что слог $-\delta\iota-$ формы $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\nu$ в комментируемом им стихе Гомера (Ψ 806) является долгим. Представим, что в ином контексте это слово Геродиану было неизвестно. Тогда, называя формы именительного падежа прилагательного и существительного, он должен был, опираясь на известные в греческом языке типы прилагательных и существительных, дать два возможных ответа:

1) следуя прилагательным $\alpha\gamma\chi\iota\sigma\tau\iota\nu\omicron\iota$ — $\alpha\gamma\chi\iota\sigma\tau\iota\nu\alpha\iota$, $\pi\rho\omicron\mu\nu\eta\sigma\tau\iota\nu\omicron\iota$ — $\pi\rho\omicron\mu\nu\eta\sigma\tau\iota\nu\alpha\iota$, которые, несомненно, были ему известны из Гомера, и существительным типа $\gamma\upsilon\rho\iota\nu\omicron\varsigma$ (ср. $\gamma\upsilon\rho\omicron\varsigma$, $-\acute{\alpha}$, $-\acute{\omicron}\nu$), $\tau\upsilon\phi\lambda\iota\nu\omicron\varsigma$ (ср. $\tau\upsilon\phi\lambda\acute{\omicron}\varsigma$, $-\eta$, $-\acute{\omicron}\nu$), назвать соответственно $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\varsigma$ «внутренний» и $\tau\alpha\ \epsilon\upsilon\delta\iota\nu\alpha$ «внутренности»;

2) имея в виду соотношение типа $\kappa\omicron\rho\alpha\chi\iota\nu\omicron\varsigma$ «черный как ворон»: $\kappa\omicron\rho\alpha\chi\iota\nu\omicron\varsigma$ «вороненок» от $\kappa\omicron\rho\alpha\chi$ «ворон», представить прилагательное в виде $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\varsigma$, а существительное в виде $\tau\alpha\ \epsilon\upsilon\delta\iota\nu\alpha$.

Между тем вопреки заведомой долготе слога $-\delta\iota-$ в гомеровском стихе. Геродиан называет нечто третье: $\epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\varsigma$ и $\tau\alpha\ \epsilon\upsilon\delta\iota\nu\alpha$, $\tau\omicron\ \epsilon\upsilon\delta\iota\nu\omicron\nu$. Именно неожиданность данного ответа позволяет заключить:

- 1) данные формы были ему известны;
- 2) гласный $-i-$ следует считать в них кратким.

В пользу краткости $-i-$ говорит то, что нами не найдено и в упомянутых выше работах не приведено ни одного примера, где бы в греческом языке прилагательному с безударным суффиксом $-\iota\nu\omicron-$ противостояло однокорневое пропарокситонное существительное, содержащее суффикс $-\iota\nu\omicron-$. Что же касается количества гласного $-i-$

в *ἐνδίνος*, то прилагательные с неударным суффиксом *-ίνο-* в греческом языке вообще неизвестны. Изолированные существительные с долгим неударным *-ι-* встречаются, но они настолько необычны для греческого языка, что, например, слово *κ'αίνος* «печь» приводится в «Словаре» Свида без всякого разъяснения²⁹, единственно ради указания места ударения в нем. Такие существительные в греческом языке — заимствования, не имеющие надежной этимологии. В отличие от них *ἐνδίνος* и *τὰ ἐνδίνα* в словообразовательном отношении прозрачны: они восходят к наречию *ἐνδον* «внутри». Хотя относительно его этимологии нет единого мнения (одни исследователи полагают, что *ἐνδο-v* содержит основу на *-ο-*³⁰, ср. архаическое лат. *endo*; по мнению других, *ἐνδον* возникло из **'εν дом*³¹, ср. греч. *δόμος*, лат. *domus* «дом»), однако независимо от этого ясно, что уже у Гомера данное наречие воспринимается как содержащее основу на *-ο-*, о чем свидетельствуют его производные *ἐνδο-θεν* «изнутри», *ἐνδο-θι* «внутри», образованные подобно *ἄλλο-θεν*, *ἄλλο-θι*, *ἄλλο-σε* от *ἄλλο-ς* «другой». В более позднее время на базе *ἐνδον* возникают наречия *ἐνδοι*, *ἐνδω*, *ἐνδο-σε*, отталкивающиеся от той же основы. От имен с основой на *-ο* издавна образуются прилагательные с безударным суффиксом *-ίνο-*. Таковы, например, гомеровские *βύβλινος* «сделанный из волокон папируса» от *βύβλο-ς* «египетский папирус», *πύξινος* «буковый» от *πύξο-ς* «бук», *φ'ηρινος* «дубовый» от *φηγό-ς* «дуб». Примером прилагательного, обозначающего отношение к месту и образованного от наречия, может служить мегарское *ἐνθίνος* «здешний» от *ἐνθα* «здесь». В число таких образований естественно входит и *ἐνδίνος* с субстантивированным *τὸ ἐνδίνον* (ср. *ἐλεφάντινος* и *τὸ ἐλεφάντινον* от *ἐλεφας*; *ἱρίνος* и *τὸ ἱρίνον* от *ἱρίς*; *κ'ηρινος* и *τὸ κ'ηρίνον* от *κηρός*; *λίθινος*

²⁹ Suidae Lexicon, ex recognitione Imm. Bekkeri Berolini, 1854, p. 562.

³⁰ Chantraine P. Dictionnaire étymologique..., p. 346.

³¹ Frisk Hj. Op cit., p. 511—512.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ИСХОДОМ НА -STUS

Т. И. АСТАПОВИЧ

(Новосибирск)

В латинском, как и в других индоевропейских языках, имена прилагательные представляют собой сравнительно позднюю грамматическую категорию, поэтому не всегда еще можно четко выделить признаки, отличающие имена прилагательные от существительных, хотя уже в этот период появляются суффиксы, которые специализируются в качестве грамматических признаков прилагательных.

С периода индоевропейской языковой общности известен суффикс *-to-/tâ-, который первоначально выступал как суффикс отглагольного прилагательного. Он указывал на снабженность признаком, содержащимся в значении глагола, и присоединялся непосредственно к глагольному корню, например: др.-инд. *ṣu-táh* «славный», греч. *κλυ-τός* «славный». Этот суффикс служил также для образования отыменных прилагательных и указывал на снабженность предмета тем признаком, который обозначал имя, например: др.-инд. *āṅkuritáh* «с ростками, снабженный ростками», *ān-aptā-h* «безводный», греч. *θυσανω-τός* «украшенный бахромой», др.-верхненем. *ge-stirnot* «звездный», ст.-сл. женать, брадать, лит. *barzdótas* «бородатый». Суффикс *-to-/ta- образовывал прилагательные не только от гласных основ, но и от основ на -s, ср. в греч. *σεβασ-τός* «священный» (*σέβας*), *α-γ'ερασ-то-ς* «ненагражденный» (*γ'ερας*).

Этот индоевропейский суффикс мы обнаруживаем и в латинских прилагательных, образованных как от глагольных корней, так и от именных основ, например: *satus* «посеянный» (*serere* «сеять»), *crētus* «различный» (*cernere* «различать»), *ansātus* «снабженный ручками» (*ansa* «ручка»), *hastātus* «вооруженный копьем» (*hasta* «копье»), *aurītus* «ушастый» (*auris* «ухо»), *crinītus* «волосатый» (*crinis* «волос»), *cornūtus* «рогатый» (*cornu* «рог»), *verūtus* «вооруженный дротиком» (*veru* «дротик»). И в латинском языке суффикс *-to-/ta- образовывал прилагательные не только от основ на -a, -i, -o, -u, но и от основ на -s: *vetustus* «старый»

(*vetus*), *venustus* «красивый» (*venus* «любовь, красота»), *funestus* «оскверненный убийством» (*funus* < **funos*/**funes*- «убийство»), *honestus* «уважаемый» (*honōs* и *honor*, т. «почет»)¹.

В классической латыни мы встречаем целый ряд прилагательных этого словообразовательного типа: *fastus*, *iustus*, *scelestus*, *molestus*, *tempestus*, *arbus*, *robustus*, *faustus*, *onus* etc. Однако фонетические явления всякого рода и воздействия аналогии сильно изменили древнее состояние. В классической латыни уже не всегда можно выделить в этих прилагательных *s*-основу, и часто данных одного латинского языка недостаточно, поскольку всякое указание на древнюю основу здесь исчезло. Возьмем для примера латинское прилагательное *angustus*, а, им «узкий, тесный», в переносном смысле «ограниченный, краткий, черствый душой»: *angusti pontes* «узкие помосты» (Cic. *De legibus*, 3, 17, 38); *iter angustum* (Caes. *B. G.* 1,6) «узкий путь»; *angusta et concisa oratio* (Cic. *Orat.* 56, 187) «краткая и емкая речь»; *angusta nox* (Ov. *Amor.* 3, 7, 25) «короткая ночь». В данном прилагательном необходимо выделить основу **angos*- и суффикс *-*to*-. Но эта древняя основа существительного среднего рода **angos*/**anges*- в латинском языке не зафиксирована. Однако ее существование предполагает уже сам тип образования. Как *opus*, n (**onos*-) дает прилагательное *onus*, так прилагательное *angustus* позволяет предположить существование древнего имени «*angus* (**angōs*-): *angustus* из **angos-to-s*, где *u* из *o* в закрытом срединном слоге². В латинском языке мы находим и другое прилагательное: *anxius* «боязливый, тревожный», которое тоже указывает на наличие в древней латыни имени с *s*-основой. *Anxius* образовано от основы **angos*- при помощи суффикса *-*io*-, который употребляется для образования отыменных прилагательных (ср. *pater*—*patrius*), и происходит из **angesios*, где, по-видимому, «е» в послеударном слоге подверглось синкопе так же, как в прилагательных *alsius* **algs-io*³ «холодный» от древней основы на -*s*⁴ **algos*/**alges*-

¹ *Honestus* образовано от древнего существительного ср. р. **honos*/**hones*- (см.: Walde A.—Hofmann J. B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 1. Bd. Heidelberg, 1938, стр. 656). Наглядный пример сосуществования в латинском языке имен среднего рода с основой на *-*os*/**es*- и мужского рода на *-*ōs*- представляют *decus*, -*oris*, n. «краса; гордость; и decor», m. «приличие; красота».

² Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, § 150.

³ Относительно развития групп согласных -*ngz*->-*ncs*- (-*nx*-) и -*lgs*->-*lcs*->-*ls*- ср. *iungo*-*iunxi*, но *algeo*-*alsi*, *fulgeo*-*fulsi* и т. д.

⁴ Walde A.—Hofmann J. B. Указ. соч., с. 32 (*alsus*).

(ср. *algor*, м. «мороз») и *faustus* < **faves-tos*⁵ «благоприятный». Кроме того, существование этого существительного с основой на *-os/-es- подтверждают и данные других индоевропейских языков, например, др.-инд. *ámhas*,-н. «узкое место, стесненность».

Таким образом, и данные латинского языка, и данные других индоевропейских языков позволяют нам, наряду с основой **anghôs-* (*angor*, м. «стеснение»), выделить древнюю основу среднего рода **anghos-/anghes-*, от которой в латинском образованы прилагательные *angustus* и *anxius*.

С древних времен эта основа имела два значения: основное — «узкий, ограниченный пространством»: *fauces portus angustissimae* (Caes. B. с. 1, 25) «чрезвычайно узкий вход в гавань», *angusta rima* (Hor. Ep. 1, 7, 29) «узкая щель» и переносное — «сжатый, ограниченный, скудный, боязливый»: *homines minuti et angusti* (Cic. De fin. 1, 18, 61) «ничтожные и ограниченные люди». В латинском языке прилагательное *angustus* и существительное *angustia* сохранили оба эти значения, а *anxius* — только переносное: *anxiō animo aut sollicito fuisse* (Cic. De fin. 2, 17, 55) «быть душевно встревоженным или мятущимся», *ira et metu anxius* (Sall. Jug. 11) «мучимый гневом и страхом». В романские языки эта основа пришла с основным значением: ит. *angusto* «узкий, тесный», рум. *îngust* «узкий», исп. *angosto* «узкий, тесный», катал. *congosta* «ущелье, теснина», порт. *congosta* «узкая дорога между стенами». Можно предположить, что последние формы являются результатом стяжения гласных: *congosta* из **co-angosta*. Позже существительное *angustia* имело преимущественно переносное значение, с которым оно пришло и в романские языки: фр. *angoisse* «тоска, тревога», ит. *angoscia* «тоска, тревога».

На примере этой древней основы мы видим, что в ходе развития латинского языка идет разложение старой системы деления существительных по основам, сокращается количество древних имен с основой на *-os/-es-. И только производные слова, в частности прилагательные, могут указать нам на существовавшую некогда древнюю форму основы. Этот процесс хорошо известен и в других языках. Ср. в рус. древесный содержит старую s- основу дерево—древесе.

Однако процесс изменения основ на этом не останавливается. В позднее время прилагательные от имен с основой на -os/-es- переходят в классы других основ. В латинском языке, особенно в период от общелатинского к романским, сфера действия прилагательных с исходом на -stus сокра-

⁵ Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949, с. 41.

щается за счет распространения другого способа суффиксации — суффикса *-âtus*. Старым деноминативным прилагательным, образованным от основ существительных или прилагательных на *-s*, во многих случаях соответствуют новые образования на *-âtus*. Наряду с *honestus* употребляется *honeratus*, *scelestus* — *sceleratus*, *robustus* — *roboratus*, *vetustus* — *veteratus*, *onus* — *oneratus*, например: *robusti caudices* (Plin. Н. п. 11, 55, 4) «мощные стволы» и у него же: *mordacitas urticae non protinus cum ipsa herba gignitur, nisi solibus roborata* (21, 55, 2) «жгучесть крапивы зарождается не сразу с травой, но лишь под солнечными лучами крепнет»; *vetustissime in usu est* (Plin. Н. п. 27, 28, 2) «употребляется с очень давних пор», но у него же: *medetur alopeciis et ulceribus veteratis* (32, 52, 2) «лечит при облысении и застарелых язвах»; *naves onustae frumento* (Cic. Offic. 3, 12, 50) «нагруженные пшеницей корабли», но: *gravidis onerati messibus agri* (Ov. Met. 8, 781) «поля, отягощенные обильным урожаем» и т. д.

Можно полагать, что образование нового типа на *-atus* шло следующим путем. От основ существительных, наряду с прилагательными, образовывались глаголы с помощью суффикса *-â-*: *scelus*—*scelestus*—*scelerare*, *tempus*—*tempestus*—*temperare*, *vetus*—*vetustus*—*veterare*, *onus*—*onus*—*onerare*. Последние образовывали причастия на *-âtus*: *sceleratus*, *temperatus*, *veteratus*, *oneratus* etc., которые часто употреблялись как прилагательные. Некоторые из этих параллельных образований встречаются очень рано. Так, уже у Плавта мы находим наряду с прилагательным *scelestus* отглагольную форму *sceleratus*, употребляющуюся в значении прилагательного: *Ego sum malus. Ego sum sacer, scelestus* (Plaut, Bacch. 4, 6, 14) «злосчастный я. Проклятый и преступный», *caput sceleratum* (Plaut. Epid. 3, 2, 33) «преступная голова». Позднейшие писатели вместо устоявшегося словосочетания *nox intempesta* «глубокая ночь», например, *nocte intempesta profectus est* (Sall. Cat. 32) «глубокой ночью отправился», употребляют *nox intemperata*, например, (Gallienum) *tabernaculo educunt nocte intemperata*, Aurel. Vict. De Caes. 33, 21 (codex Bruxellensis (Pulmanianus)) «(Галлиена) выводят из палатки глубокой ночью».

Таким образом, в ходе развития латинского языка идет развитие и изменение не только отдельных слов и их значений, но и целых словообразовательных категорий. Сокращается продуктивность одних словообразовательных типов (в данном случае типа *scelus-scelestus*), на месте которых развиваются другие словообразовательные типы (*scelus-scelerâtus*).

СОДЕРЖАНИЕ

О. М. Соколов. Некоторые семантические свойства глаголов несовершенного вида	3
Н. Д. Голев. Окказиональное словообразование как тип речевой номинации предметов	15
Г. И. Климовская. Об эволюции местоположения прилагательных с суффиксом -СК- в атрибутивном словосочетании русского языка	24
А. Г. Мусатенко. О регулярных и нерегулярных моделях отглагольных существительных на -НИЕ, -ТИЕ в языке памятников XI—XVI вв.	29
Е. М. Пантелеева. Образование и функционирование отвлеченных имен существительных в говорах средней части бассейна р. Оби	40
З. М. Петенева. Об особенностях глагольной префиксации в языке фольклора	47
Э. П. Сенаторова. Об учете фактора многозначности слов при их семантическом анализе	53
М. А. Серышева. Отглагольные наименования лиц в приленских говорах Иркутской области	70
С. Н. Цыбулина. О вторичной имперфективации глаголов	80
М. Н. Янценецкая. Семантическая соотносительность глаголов на -И(ТЬ) и мотивирующих прилагательных	90
М. И. Шлихта. К вопросу о путях интернационализации научной терминологии (На материале медико-биологических терминов)	101
Ю. В. Откупщиков. Об этимологическом словаре белорусского языка	112
Л. Т. Леушина. Об изучении образований с суффиксальным *-U- в индоевропейских языках. (К постановке вопроса)	119
Л. Т. Леушина. Этимология латинского слова stiva	127
Г. А. Чупина. Латинские побудительные слова cedo и ем	138
Г. М. Шатров. К вопросу об*-оп в греческом языке как флексии genetivus pluralis	148
Т. И. Астапович. Из истории развития латинских прилагательных с исходом на -stus	159

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Выпуск 1

Томск, Изд. ТГУ, 1976 г., 164 с.

Редактор Л. Г. Гынгазова
Технический редактор Р. М. Подгорбунская
Корректор В. Г. Лихачева

КЗ03389. Сдано в набор 15/IV-75 Подписано к печати 4/VIII-76.
Бумага типографская № 3; формат 60×90¹/₁₆; п. л. 10,3; уч.-изд. л. 9
Заказ 4683 Тираж 500 Цена 90 коп.

Издательство ТГУ. Томск-29, ул. Никитина, 17
Типография издательства «Красное знамя», г. Томск, ул. Советская, 47